

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Псковский государственный университет

Псковское региональное отделение
Российского общества интеллектуальной истории

Псковское региональное отделение
Восточного археологического общества

Институт США и Канады Российской академии наук

МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИИ

Научный альманах

Выпуск 15

*(к XXXIX Международным Ганзейским дням
Нового времени в Пскове)*

Псков

Псковский государственный университет

2020

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Гарбузов В. Н., директор Института США и Канады РАН (председатель) (Россия);
Алиева Л. В., директор Института гуманитарных наук и языковых коммуникаций Псковского государственного университета (Россия)
Габелко О. Л., профессор кафедры истории Древнего мира Российского государственного гуманитарного университета (Россия);
Кащенко С. Г., заведующий кафедрой источниковедения Санкт-Петербургского государственного университета (Россия);
Мухамедов Ш. Б., заместитель директора Института истории Академии наук Республики Узбекистан (Узбекистан);
Никоноров В. П., старший научный сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН (Россия);
Ольбрыхт М. Я., заведующий кафедрой древней истории и востоковедения Жешувского университета (Польша);
Портных В. Л., заведующий лабораторией истории Древнего мира и Средних веков Новосибирского государственного университета (Россия);
Пьянков И. В., профессор кафедры всеобщей истории Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Россия);
Федосик В. А., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Белорусского государственного университета (Белоруссия, Минск, Белорусский государственный университет).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Михеев Д. В., доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета (главный редактор) (Россия);
Дмитриев В. А., доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета (заместитель главного редактора) (Россия);
Ермаченко И. О., доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Россия);
Колпаков М. Ю., доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета (Россия);
Райкова В. А., доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Россия).
Цаканян Р. А., научный сотрудник Института востоковедения Национальной Академии наук Республики Армения (Армения);
Чой Доккю, научный сотрудник Фонда изучения истории Северо-Восточной Азии (Республика Корея).

Альманах основан в 1997 г. Идея издания: В. Н. Гарбузов, А. В. Юрасов

Альманах индексируется в базах данных: «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ); «The European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences» (ERIH PLUS); «Database for statistikk om høgre utdanning» (DBH); «Index Copernicus Journals Master List» (IC JML); InfoBase Index (IBI).

Издатель: Псковский государственный университет
(180000, Россия, г. Псков, пл. Ленина, д. 2) (www.pskgu.ru).

Сайт альманаха: <https://sites.google.com/site/metamorphoseshistory/home>
Статьи в альманахе публикуются под лицензией Creative Commons «Атрибуция Некоммерческое использование 4.0 Всемирная» (CC BY-NC 4.0).

The Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

Pskov State University

Pskov Regional Branch of the Russian Society of
Intellectual History

Pskov Regional Branch of the
Oriental Archaeological Society

The Russian Academy of Sciences
Institute for US and Canadian Studies

METAMORPHOSES of HISTORY

Scientific Almanac

Issue 15

*(to the XXXIX International Hanseatic Days of
the New Age in Pskov)*

Pskov
Pskov State University
2020

EDITORIAL COUNCIL:

Valery N. Garbuzov, Director of Institute for US and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences (chairman) (Russia);
Lyudmila V. Alieva, Director of Institute of Humanities and Language Communications of Pskov State University (Russia)
Oleg L. Gabelko, Professor of Russian State University for the Humanities (Russia)
Sergey G. Kaschenko, Professor of Saint-Petersburg State University (Russia);
Shuhrat B. Mukhamedov, Vice-Director of Institute of History of Academy of Sciences of Uzbekistan (Uzbekistan);
Valery P. Nikonorov, Senior Researcher of Institute for History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (Russia);
Marek J. Olbrycht, Professor of University of Rzeszow (Poland);
Valentin L. Portnykh, Head of the Laboratory of Ancient and Medieval History of Novosibirsk State University (Russia);
Igor V. Pyankov, Professor of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Russia);
Viktor A. Fedosik, Head of the Ancient and Medieval History Department of Belarusian State University (Belarus).

EDITORIAL BOARD:

Dmitry V. Mikheev, Associate Professor of Pskov State University (editor-in-chief) (Russia);
Vladimir A. Dmitriev, Associate Professor of Pskov State University (Russia) (managing editor);
Igor O. Ermachenko, Associate Professor of Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia);
Maxim Yu. Kolpakov, Associate Professor of Pskov State University (Russia);
Vera A. Raikova, Associate Professor of Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia);
Ruslan A. Tsakanyan, Researcher in the Institute for Oriental Studies of National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Armenia);
Choi Deokkyu, Researcher in the Northeast Asian History Foundation (Republic of Korea).

The almanac was founded in 1997.
The idea of the almanac: Valery N. Garbuzov, Andrey V. Yurasov.

The almanac is indexed in databases:
“**The European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences**” (ERIH PLUS); “**Database for statistikk om høgre utdanning**” (DBH);
“**Russian Index of Science Citation**” (RISC); “**Index Copernicus Journal Master List**” (IC JML); **InfoBase Index (IBI)**.

Publisher: Pskov State University
(180000, Lenin Square, 2, Pskov, Russia) (www.pskgu.ru).
Almanac’s website:
<https://sites.google.com/site/metamorphoseshistoryen/home>

Papers are published under Creative Commons License
“Attribution – NonCommercial 4.0 International” (CC BY-NC 4.0).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ	
<i>Галицкая И. А.</i> Страстной чин иконостаса Троицкого собора в Пскове. Взаимодействие традиций русской и европейской культур.	9
ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ	
<i>Барвенова А. А.</i> Место средневекового текстильного рынка Полоцка в северо-восточной европейской торговле (по материалам «Полоцких грамот»)	32
<i>Берга Т., Брузис Р.</i> Торговля ганзейского города Валмиеры по результатам археологических раскопок	52
НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ	
<i>Лютая А. Э.</i> Историография социальных процессов в Беларуси в конце XVIII — первой половине XIX в.)	62
<i>Мезга Н. Н.</i> Прибалтийское направление в деятельности Белорусской Народной Республики. 1918–1921 гг.»	81
<i>Дубровко Е. Н.</i> Советский фактор политики Великобритании в польско-литовском конфликте после Первой мировой войны	91
РОССИЯ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ	
<i>Колосова И. О.</i> О псковском «торговом уставе» XIV в.....	101
<i>Костючук Л. Я.</i> Уникальные источники о торговых отношениях и быте псковичей XVI–XVII вв.....	120
<i>Горлов К. В., Закурина Т. Ю., Степанов С. В.</i> Нумизматический материал 1655–1663 гг. из Изборской крепости как новый источник о жаловании служилых людей XVII в.	135
<i>Постников Б. А.</i> Род льноторговцев Балакиревых, посадских полковников. (К вопросу о псковской торговле на Балтике в конце XVII — начале XVIII вв.) ..	161
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	198
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	199

CONTENTS

PREFACE	7
INTELLECTUAL HISTORY	
<i>Irina Galitskaya</i> . Passionate Tier of the Iconostasis of the Trinity Cathedral in Pskov. Interaction of Traditions of Russian and European Cultures	9
MEDIEVAL AND EARLY MODERN HISTORY	
<i>Hanna Barvenava</i> . The Place of the Medieval Textile Market in Polotsk in the Northeast European Trade (Based on Materials from the “Polotsk Charters”)	32
<i>Tatjana Berga, Rudolfs Bruzis</i> . Trade in the Hanseatic City of Valmiera according to the Archaeological Data	52
MODERN & CONTEMPORARY HISTORY	
<i>Angela Lyutaya</i> . Historiography of Social Processes in Belarus at the End of the XVIII – First Half of the XIX Century	62
<i>Mikalai Miazga</i> . Baltic Direction in the Activities of the Belarusian People's Republic. 1918–1921	81
<i>Alena Dubrouka</i> . The Soviet Factor in British Policy Towards the Polish-Lithuanian Conflict After the First World War	91
RUSSIA IN THE WORLD HISTORY	
<i>Irina Kolosova</i> . About the «Pskov Trade Statute» of the XIV th Century	101
<i>Larisa Kostichuk</i> . Trading Relations and Everyday Life of the Pskovians in Unique Sources from the XVI–XVII Centuries	120
<i>Konstantin Gorlov, Tatyana Zakurina, Sergej Stepanov</i> . Coins of 1655–1663 Mintage from Izborsk Fortress as a New Source for Soldiers of the XVII th Century	135
<i>Boris Postnikov</i> . Genus of Flax Traders Balakirev’s, Townspople Colonels. (To the Question of Pskov Trade in the Baltic in the Late XVII – Early XVIII Centuries)	161
ABBREVIATIONS	198
GUIDELINES FOR CONTRIBUTORS	199

ПРЕДИСЛОВИЕ

Глубокоуважаемые читатели и авторы научного журнала «Метаморфозы истории», данный XV выпуск стал первым в текущем 2020 г. В него вошли статьи, подготовленные на основе материалов, представленных на Международной научно-практической конференции «Северная Европа, Псков и Ганзейский союз», проходившей в мае 2019 г. в рамках XXXIX Международных Ганзейских дней Нового времени в Пскове. В выпуске представлены статьи историков, археологов, музейных работников и искусствоведов Пскова, Санкт-Петербурга, Минска, Гомеля и Риги.

Несмотря на все сложности, с которыми всем нам пришлось столкнуться на фоне пандемии, мы надеемся, что список и география наших авторов продолжат расширяться в будущем. В немалой степени этому будет способствовать дальнейшая работа редакционной коллегии, направленная не только на сохранение традиций издания, но и на его модернизацию и популяризацию, предполагающую включение в новые наукометрические базы и электронные библиотеки. В частности, мы рады сообщить, что с 2020 г. журнал будет выходить ежеквартально, что позволит более оперативно публиковать поступающие материалы.

Д. В. Михеев,
главный редактор журнала
«Метаморфозы истории».

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47)+75.046

Галицкая И. А.

СТРАСТНОЙ ЧИН ИКОНОСТАСА ТРОИЦКОГО СОБОРА В ПСКОВЕ. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТРАДИЦИЙ РУССКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУР

Ориентация на образцы была одним из принципов древнерусского искусства. В случае обращения к западным образцам это приводило не только к механическому подражанию оригиналу, но и к его самостоятельному переосмыслению. Автор отмечает влияние западноевропейской печатной продукции на православную иконографию и, в частности, акцентирует внимание на европейском влиянии, отразившемся в Страстном чине иконостаса Троицкого собора в Пскове. Образцом для него в значительной степени послужила Библия Пискаatora. Произведения нидерландских гравюров и русских иконописцев принадлежали к разным культурным и профессиональным традициям, поэтому оригиналы часто менялись в духе национального искусства с разной степенью свободы. Впрочем, гравюры продолжали служить образцом для иконописцев вплоть до начала XX столетия.

Ключевые слова: Иконостас, Страстной чин, Троицкий собор, Библия Пискаatora, Питер де Йоде, культурное влияние.

*И снова Псков, я в Троицкий собор
По лестнице крутой вхожу устало;
Иконостас, бодрящий душу хор,
И вдруг усталости моей не стало.*

Иконы страстного и пасхального циклов встречались в составе традиционных русских иконостасов¹, но выделение их в особый ряд — это примета второй половины XVII сто-

¹ Например, праздничный ряд Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря 1497 г.

летия и раннего XVIII в.² Сюжеты Страстного цикла связаны с богослужением последней недели Великого поста, которая тоже носит название Страстной, и посвящена воспоминаниям о страданиях Спасителя. Композиции Страстного цикла складываются уже в раннехристианский период, но как в раннехристианскую эпоху, так и в православном искусстве художники избегали подробного изображения мучений Христа³. В этом есть особое целомудрие по отношению к страданию. Акцентировался, как правило, глубокий нравственный и богословский смысл изображений. С XV в. сюжеты Страстей стали включаться в состав праздничного чина, а в XVII столетии оформился Страстной ряд в составе иконостаса, возможно, не без влияния европейского искусства, где эти темы подробно разрабатывались многими художниками⁴. Во второй половине XVII в. тема Страстей становится частью церковных служб

² Страстной чин в составе иконостасов распространился после Московского Большого собора (1666–1667), указавшего, что в иконостасе следует помещать «Распятие и страсти Спаса нашего Иисуса Христа». Например, заказ иконописцу Василию Леонтьеву десяти икон Страстей Христовых для иконостаса церкви Похвалы Богородицы у Всесвятских ворот в Москве. См.: *Николаева М. В.* История создания иконостасов храмов Высокопетровского монастыря по письменным источникам последней трети XVII века // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2017. № 7. С. 24. Иконные изображения Страстного чина «на осми круглых цках» в московском Высокопетровском монастыре выполняли К. И. Уланов и П. Ф. Билиндин. См.: *Николаева М. В.* Указ. соч. С. 468.

³ *Бобров Ю. Г.* Основы иконографии памятников христианского искусства. М., 2010. С. 93.

⁴ В храмах, строительство и украшение которых инициировали самодержцы, тема Страстей Христовых звучала очень сильно. В 1679 г. между храмом Св. Евдокии и приделом во имя Иоанна Белоградского, государь Федор Адексеевич повелел устроить Голгофу, где быть Страстям Господним. См.: *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2014. С. 87. Сюжеты Страстного цикла были темой росписи царевых палат. Например, в передней большой комнате царицы Натальи Кирилловны на подволоке в плафоне были изображены события Господних Страстей: Приведение к Ироду; Приведение к Пилату и умый рuce Пилат; Бичевание у столпа; На лобнем месте, когда народ вопияху: возьми, возьми, распни его; Господь несет крест на Голгофу; Положение во гроб; Воскресение; Сошествие во ад; Отечество. См.: *Словарь русских иконописцев XI–XVII веков / редактор-составитель И. А. Кочетков.* М., 2003. С. 87.

Великого поста. Это так называемые пассии, создание которых приписывается киевскому митрополиту Петру Могиле. Принятые сначала только на Украине, пассии после присоединения Украины к России распространились также и в Русской Православной Церкви и прочно вошли в практику⁵. Текст этой службы включен в Цветную Триодь, напечатанную в Киево-Печерской лавре в 1702 г.⁶ Тема Страстей широко разрабатывалась в этот период в литературных текстах и музыкальных произведениях⁷.

Проблемы иконописания и образцов для икон широко обсуждаются в течение второй половины XVII в. после Смуты и связанной с ними борьбы с экспансией западных вероисповеданий, польского католичества и шведского протестантизма⁸, а также в связи с реформами патриарха Никона. Нельзя сказать, что элементы западной иконографии не проникали в русское искусство раньше. Они не оставались незамеченными: новгородский архиепископ Геннадий (1419(?) – 1505) московский дьяк Иван Михайлович Висковатый (1500-е – 1570) выступали против элементов западного искусства, которые были усмотрены ими в псковских иконах. В постановлениях Соборов 1666–1667 и 1681–1682 гг., в грамотах патриархов и царя Алексея Михайловича конца 1660-х – 1680-х гг. к иконописи относили, в том числе, и гравюрные листы на бумаж-

⁵ Совершение пассий было впервые одобрено Собором Киевской митрополии, состоявшимся в 1629 г. под председательством защитника Православия в борьбе с унией митрополита Киевского и Галицкого Иова Борецкого. В предреволюционные годы в Русской Церкви пассия воспринималась как местный обычай юго-западных епархий. Храня богослужебную традицию конца XIX – начала XX в., Русская Православная Церковь Заграницей не содержит пассий в своем приходском обиходе. См.: Проект документа «Пассия как элемент современного православного богослужения». [Электронный ресурс]: URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5169776.html> (дата обращения: 10.12.2019).

⁶ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XXII-а. СПб., 1897. С. 993.

⁷ Звездина Ю. Н. Некоторые особенности темы страданий Христовых в духовной культуре середины XVII–XVIII веков // Искусство Христианского мира. Сборник статей. Вып. IX. М., 2005. С. 255–266.

⁸ Федорова И. В. Церковное законодательство XVIII века о гравюре и иконописи // Искусство христианского мира. Сборник статей. Вып. 9. М., 2005. С. 236.

ной основе. Однако против использования гравированных изображений западного происхождения выступил патриарх Иоаким⁹. Тогда же было запрещено печатание священных изображений на бумаге и продажа их в церкви¹⁰. Но коренные изменения мировоззрения и вкусов в обществе формировало и новое «расцерковленное» художественное видение и Никодим, архимандрит Антониева Сийского монастыря, составитель иконописного подлинника¹¹ собрал в нем гравюры именно как образцы для написания икон. Леонтий Бунин¹² копировал отдельные листы из западноевропейских лицевых Библий из-за большого спроса на них. Известны его «Страсти Господни», 19 листов, скопированные из Библии Пискатора 1674 г.¹³ Ведущий мастер Оружейной палаты, прославленный иконописец Симон Ушаков в написанном им «Слове к люботщательному иконного писания», определяет гравирование как один из видов иконотворения¹⁴. Он замышляет создание нового иконописного подлинника с «правильными» «живоподобными» гравированными изображениями святых и различных композиций¹⁵. Одним из самых популярных источников иконографии в этот период была так называемая «Библия Пискатора»¹⁶, которая является хорошо составленной компи-

⁹ Успенский Л. А. Богословие иконы Православной Церкви. Париж, 1989. С. 283–284.

¹⁰ Пуцко В. Г. Русская иконопись и персонифицированное творчество последней трети XVII века // Макариевские чтения. Патриарх Иоаким и его время. Вып. XI. Можайск, 2004. С. 159.

¹¹ Иконописный подлинник — особое руководство по иконографии, собрание образцов, определяющих все детали канонических изображений различных лиц и событий, воспроизводимых на иконах. Сийский иконописный подлинник содержал около 600 прорисей икон.

¹² Леонтий Кузьмич Бунин (конец XVII — начало XVIII в., точные даты жизни неизвестны) — российский гравёр, один из первых русских гравёров на меди в Москве.

¹³ Словарь русских иконописцев... С. 108.

¹⁴ Симон Ушаков — царский изограф. М., 2015. С. 398.

¹⁵ Там же. С. 399.

¹⁶ «Библия Пискатора» (Theatrum Biblicum) — название, закрепившееся в российском искусствознании за продукцией голландского издательского дома Пискадоров, родоначальник которого Клаас Ян Висхер (1587–1652). По моде того времени он перевел свою фамилию, которая на голландском буквально означает «рыбак», на латин-

ляцией, включающей около 500 гравюр, исполненных почти двумя десятками резчиков по оригиналам, принадлежащим примерно такому же количеству живописцев¹⁷. Ее широкая популярность спровоцировала многочисленные переиздания: только от XVII столетия до нас дошло семь экземпляров. Эта книга и сейчас не является редкостью¹⁸. По сведениям А. В. Гамлицкого в собраниях нашей страны хранятся около 80 экземпляров тринадцати различных иллюстрированных Библий XVI–XVIII вв., главным образом нидерландского и немецкого происхождения. Все они, так или иначе, связаны с художественной культурой России в XVII–XIX столетиях¹⁹.

Большинство гравюр «Библии Пискатора» было создано в Нидерландах во второй половине XVI — начале XVII в. в период господства италянизирующих направлений в искусстве этой страны — барокко и маньеризма. Гравюры создавали лучшие мастера резца своего времени: Филипп Галле, Хендрик Голциус, семейства Вириксон, Коллартов, Саделеров²⁰.

ский язык. Гравер и рисовальщик, более всего прославился как издатель Лицевой Библии. В силу огромной популярности в качестве иконографического источника Библия Пискатора переиздавалась несколько раз и широко распространялась в Европе, а в России со стихотворными славянскими подписями, сочиненными Мардарием Хониковым. Известно, что экземпляры Библии Пискатора имели в своих библиотеках цари Алексей Михайлович и Петр I. В 1677 г. «Библию письменную в лицах на латинском языке и переплетенную в белую кожу» приобрели у иконописца Ивана Безмина для царя Федора Алексеевича. См.: *Словарь русских иконописцев...* С. 84.

¹⁷ *Бусева-Давыдова И. Л.* Культура и искусство в эпоху перемен. Россия семнадцатого столетия. М., 2008. С. 101.

¹⁸ Из материалов выступления И. М. Тарабрина на XV Археологическом съезде в Новгороде следует, что он имел возможность ознакомиться с 30-ю различными экземплярами голландской Библии Пискатора. См.: *Шумилина Е. Л.* Стенопись 1690 года Введенского собора Толгского монастыря: вопросы атрибуции и иконография: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.04 СПб., 2007. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.dslib.net/muzee-vedenie/stenopis-1690-goda-vvedenskogo-sobora-tolgskogo-monastyrja-voprosy-atribucii-i.html> (дата обращения: 10.12.2019).

¹⁹ *Гамлицкий А. В.* Западноевропейские лицевые Библии в России XVII–XVIII вв. Владельцы и формы бытования // Филевские чтения. Тезисы шестой научной конференции. ЦМиАР. М., 1999. С. 12–15.

²⁰ *Гамлицкий А. В.* Библия Пискатора и проблема гравированных образцов в европейском искусстве XVI–XVIII столетий // Проблема

Оригиналы для гравюр исполнили более 20-ти художников, представляющих почти все этапы эволюции италянизирующего течения и главные художественные центры: М. ван Хемскерк, К. ван Мандер, М. де Вос, П. Брил, А. де Верт, М. Кокси²¹. «Библия Пискатора» была необычайно популярна как источник образцов для икон и фресковой живописи в силу полноты иконографического состава²². В Оружейной палате пользовались различными изданиями иллюстрированных Библий. Так в 1676 г. боярину Богдану Хитрово велено было взять «в Оружейную палату у живописца Ивана Безмина «книгу Библию писана на латинском языке и в лицах». В документе 1684 г. говорится о выдаче двух рублей Ивану Салтанову на покупку им «Библии печатной в лицах» для учеников живописного письма. В челобитной Ивана Салтанова 1687 г. на своего ученика Гришку Калашникова говорится, что он сбежал от него, украв Библию и краски²³.

копирования в европейском искусстве. Материалы научной конференции РАХ. 1997 г. М., 1998. С. 96–116.

²¹ Там же.

²² По данным И. Л. Бусевой-Давыдовой и О. А. Белобровой в 1670–1680 гг. иностранные Библии с иллюстрациями находились в распоряжении иконописцев Оружейной палаты. См.: *Белоброва О. А. Иллюстрированные Библии XVI–XVII веков в русских средневековых библиотеках // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2014. Т. 62. С. 42; Бусева-Давыдова И. Л. Новые иконографические источники русской живописи XVII в. // Русское искусство позднего Средневековья. Образ и смысл. М., 1993. С. 190–206. В 1703 г., практически одновременно с созданием иконостаса Троицкого собора в Пскове, костромскими иконописцами под руководством Ивана Бахматова была выполнена роспись Знаменского собора в Новгороде, частично восходящая к гравюрам Библии Пискатора и Библии Борхта. См.: *Белоброва О. А. Указ. соч. С. 43; Секретарь Л. А., Царевская Т. Ю. Знаменский собор. М., 2001. С. 8. Украшение этого храма было инициативой новгородского владыки Иова и сопровождалось письменными рекомендациями писать стенное письмо «против церкви живоначальной Троицы» на Москве в Никитниках, росписи которой восходят к Библии Борхта, известной русским иконописцам уже с 30-х гг. XVII в. См.: *Бусева-Давыдова И. Л. Культура и искусство в эпоху перемен... С. 102. В числе других деньги на украшение Знаменского собора пожертвовал псковский воевода К. А. Нарышкин. См.: Церковь Троицы в Никитниках: Памятник живописи и зодчества XVII века. М., 1970. С. 129.***

²³ Цит. по: *Вьюева Н. А. Иконы из церкви Распятия Большого Кремлевского Дворца // Филевские чтения. Вып. VIII. М., 1994. С. 23.*

Страстной чин иконостаса Троицкого собора создан на основе гравированных образцов Библии Пискатора²⁴. Сюжеты икон расположены в хронологическом порядке и начинаются со сцены «Моления о чаше» (рис. 1). Эта тема имела особое значение в молитвенной практике. Она являла собой образ молитвы Спасителя, который он оставил человеку, желающему подражать Ему. Автор данной иконографии опирается на описание евангелиста Луки: «Придя же на место, сказал им: «Молитесь, чтобы не впасть в искушение». И Сам отошел от них на вержение камня, и, преклонив колени, молился, говоря: «Отче! Да минует Меня чаша сия! Впрочем, не как Я хочу, но как Ты». Явился же Ему Ангел с небес и укреплял Его. И, находясь в борении, прилежнее молился, и был пот Его, как капли крови, падающие на землю. Встав от молитвы, Он пришел к ученикам, и нашел их спящими от печали и сказал им: «Что вы спите? встаньте и молитесь, чтобы не впасть в искушение» (Лк. 22:40–46). Три евангелиста описывают моление Христа одинаково, только Лука упоминает о явлении ангела и о кровавом поте Иисуса. «Моление о чаше» относится к популярным сюжетам в западноевропейской и в русской живописи. В центре иконы Троицкого собора в ярком луче небесного света — крупная фигура молящегося Христа, обращенная к ангелу с потиром в руках, который здесь символизирует жертву и кровь, пролитую Христом на кресте. Позади ангела изображен крест — образ предстоящих Христу мучений. Слева — фигуры спящих апостолов Петра и «сыновей Зеведеевых». Фоном служит мрачная местность с одинокой башней за холмами. В этой иконе подчеркнута трагическое одиночество Иисуса Христа, его человеческий ужас перед предстоящими страданиями, и мужество в принятии своего Божественного предназначения. В такой интерпретации уже гораздо больше эмоционального, «гуманистического» в понимании сюжета, чем, например, в новгородской иконе-таблетке 1484–1504 гг. с аналогичным сюжетом²⁵.

Цикл Страстей подробно разработан в источниках, которые могли послужить образцами для создателей иконостаса.

²⁴ Определение авторства гравюр далеко не всегда очевидно. Многие из них анонимны, некоторые подписаны инициалами.

²⁵ Новгородский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Инв. 3093.

Чем продиктован выбор сюжетов, которые привлекли внимание и воплотились в иконах? Для авторов особое значение имела тема Воскресения. Выбранные сюжеты «Снятие со креста» и «Положение во гроб» подчеркивают телесную смерть и значит, телесное воскресение, которое в этом ряду изображено в двух иконах: «Сошествие во ад» (рис. 4) и «Восстание Христа из гроба» (рис. 5). В евангелиях нет описания Воскресения, христианское искусство стояло перед сложной задачей передать это событие при помощи символов. Роль пасхальных икон исполняли «Жены-мироносицы у гроба Господня» и «Воскресение. Сошествие во ад». Русская икона «Сошествия во ад» следует за апокрифическим евангелием Никодима. Это икона, изображающая мечту человечества о бессмертии. На иконе «Сошествие во ад» Страстного чина Троицкого собора обнаженный Христос в препоясании и в ярко-алом плаще стоит у края пропасти рядом с поверженными воротами ада (их грубые доски и петли очень подробно написаны автором и имеют прототип в гравюре Адриана Колларта²⁶ из Библии Пискатора) и за руку словно бы вытягивает из бездны Адама. Ева с молитвенным жестом сложенных рук смотрит вперед в открывшийся ей мир. Традиционная иконография здесь в значительной степени переработана в сторону «реализма» с несомненной опорой на традиции Возрождения в изображении обнаженной человеческой фигуры. Западноевропейская

²⁶ Адриан Колларт (ок. 1560–1618, Антверпен) — крупный нидерландский гравёр второй половины XVI столетия. Учился у отца Ханса I; его брат Ханс (ум. 1628) тоже стал известным гравёром. С 1580 г. член гильдии Святого Луки в Антверпене, где проработал всю жизнь. Им выполнено более 500 листов, главным образом аллегорического и исторического содержания, по оригиналам итальянских и местных художников маньеристического направления. Его гравюры печатались и после смерти мастера вплоть до конца XVII столетия в типографии Класса Янса Висхера (Пискатора) в Амстердаме и издателями в Антверпене. Со второй половины XVII столетия произведения Адриана Колларта проникают в Россию в качестве отдельных листов и в составе Библии. Имеется в виду гравюра на л. 428 экземпляра Библии *Theatrum Biblicum* ГЭ, инв. ЭРГ-10242/1-267. Этот экземпляр Библии из собрания Государственного Эрмитажа принадлежал царю Алексею Михайловичу, затем Петру Великому, впоследствии пожалован Екатериной II Великому Князю Константину Павловичу, который подарил ее живописцу А. О. Орловскому. Последние владельцы Д. Н. и С. Д. Шереметевы.

гравюра на этот сюжет, начиная с А. Дюрера, включает образы фантастических чудовищ, персонифицирующих силы ада. Автор иконы из Троицкого собора избегает соблазна включить колоритных inferнальных персонажей и стремится создать компромисс между европейской и русской иконографической традицией.

Новой для русского искусства является изображение восстающего из гроба Спасителя с хоругвью в руках. Это многофигурная композиция повторяет схему гравюры Питера де Йоде²⁷, где в центре — крупная фигура Христа, парящего в окружении облаков над гробницей²⁸, рядом с которой сидит ангел; на заднем плане — группа приближающихся жемироносиц, а на переднем плане изображены римские воины. Но они не погружены в оцепенение, как в русской иконе «Жены-мироносицы у гроба Господня», а очень активны: все изображены в сильном движении, в сложных ракурсах: воины обнажают клинки для боя, целятся копьями в Христа. Автор гравюры таким образом, вероятно, показывает степень эмоционального потрясения стражей у гроба и полное неверие в возможность Воскресения. Их приставили первосвященники, чтобы ученики Иисуса не выкрали тайком его тело из гробницы и не объявили бы о его воскресении, в которое не верили осудившие Христа на казнь. Русский художник, автор нашей иконы, исключил из своей композиции эти агрессивные жесты как богохульные, только один полулежащий воин держит в руках обнаженный меч.

²⁷ Питер де Йоде Старший (1570–1634) — рисовальщик и гравёр, ученик своего отца Г. де Йоде. Возвратившись в 1601 г. из Италии, где он продолжал обучение, в Антверпене П. де Йоде стал воспроизводить картины итальянских и отечественных мастеров. Из его работ, наиболее известны: «Страшный суд» (с Жана Кузена), «Обручение св. Екатерины» (с Тициана), «Вручение Петру ключей от рая» (с Питера Пауля Рубенса), «Усекновение главы св. Иоанна Предтечи», «Младенец Христос на земном шаре» (с Антониса ван Дейка), «Поклонение пастырей» (с Якоба Йорданса).

²⁸ Распространенная композиция встречается и в Евангелии Наталиса, которая композиционно восходит к гравюре Иеронима Вирикса. См.: *Evangelicae historiae imagines quae toto anno in Missaesacrificio recitantur in ordinem temporis ritae Cristo digestae. Auctore Hieronymo Natali societatis Jesu theologo. Antverpia, 1594. P. 136.* Но в нашем случае графический прототип, несомненно, Питер де Йоде.

Одним из ключевых моментов Страстного цикла был сюжет Бичевания Христа. Эта часть казни, которая, следуя Римскому закону, должна была предшествовать самому распятию на кресте. Впервые данный сюжет появляется в IX в. в искусстве книжных миниатюр и небольших табличек для окладов из слоновой кости; затем в XIII–XIV вв. иконография осваивается русским искусством²⁹. Первые изображения представляли Христа и двух истязателей. В поздние периоды с развитием иконографии персонажей становилось больше, получает значительное усложнение фон происходящей сцены.

С XV в. европейские художники уделяют теме Бичевания особое внимание, и этот сюжет появляется в творчестве ведущих мастеров своего времени. Композиция нашей иконы имеет сходство с фламандскими гравюрами XVI столетия, восходящими к живописи итальянского Возрождения. Автор нашей иконы исключает второстепенные подробности и концентрирует внимание на фигурах Христа Спасителя и Его мучителей. Мы видим момент, когда три римских солдата уже замахиваются, чтобы нанести первые удары по обнаженному телу Христа. Бичующие без доспехов, поэтому выглядят скорее палачами, а не римскими легионерами. Полуобнаженное тело Иисуса напряжено в ожидании первого удара, обозначены мускулы торса. Евангелия не сообщают о том, был ли Иисус привязан к столбу во время бичевания, но церковное предание придерживается именно такой версии. Как реликвии, связанные с этими событиями, почитаются фрагменты колонны бичевания, хранящиеся в базилике Санта-Прасседе в Риме и церкви Святого Георгия в Стамбуле. Столб бичевания изображен на нашей иконе в виде колонны дорического ордера (рис. 2). С эпохи Раннего Ренессанса сложилась традиция изображать удары как наносимые по спине, и при этом показывать Христа, обращенным лицом к зрителю, поэтому художники помещали фигуру Иисуса перед колонной со связанными руками. Воины замахиваются спереди, чтобы нанести удар по спине. Так и в нашей иконе: Христос привязан веревками за руки к массивному металлическому кольцу, вделанному в верхнюю часть столба. Действие происходит в узком пространстве среди мрачных серых стен. Архитектурный фон построен по законам прямой перспективы. Перспектив-

²⁹ Бобров Ю. Г. Указ. соч. С. 112.

ное удаление поддерживается и «клетчатым» перспективным полом, цвета крови. И композиционное, и цветовое решение помогают создавать мрачную тяжелую эмоциональную атмосферу, соответствующую «страстной» тематике иконы.

Рядом с иконой «Бичевание» соседствует образ, соединяющий сцены, которые в русской иконописи и в европейской живописи могли быть изображены отдельно. Это «Увенчание терновым венцом» и «Поругание Христа». Здесь художник следует за текстом Евангелия от Матфея: «После судилища у Пилата «воины, взявши Иисуса в преторию, собрали на Него весь полк, и, раздевши Его, надели на Него багряницу; и, сплетши венец из терна, возложили ему на голову и дали ему в правую руку трость, и, становясь перед ним на колени, насмехались над ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский! И плевали на Него. И, взявши трость, били Его по голове» (Мф. 27:27–31). В центре иконы полуобнаженный сидящий измученный Христос со связанными руками. Правой, бессильно свесившейся рукой, он слегка придерживает трость. Двое воинов с усилием надевают на его голову терновый венец, еще один персонаж, тоже изображенный в доспехах, стоя на коленях перед Иисусом с протянутой рукой обращается к нему с издевательскими речами. Смуглые тела мучителей подчеркивают мертвенную бледность Спасителя. В серо-синих тонах разной интенсивности изображены архитектура и доспехи действующих лиц, крупными ярко красными пятнами выделяется одежда Христа (багряница) и плащ одного из воинов. Темно-красный цвет словно залитого кровью перспективно расчерченного пола придает сцене дополнительную ноту трагизма.

Нельзя не отметить, что, пользуясь в качестве источника иконографии гравированными изображениями, иконописцы, в определенной степени, находятся под влиянием монохромной графики. Но, тем не менее, они способны, работая цветом, акцентировать первостепенные моменты сцены и передать ее эмоциональный настрой. В отличие от праздничного ряда, где между изображенными событиями проходит значительный промежуток времени, сакральное время событий страстного цикла значительно убыстряется. Счет идет на дни и даже на часы. Это вместе с очень крупными размерами икон придает им особую значимость. «Живоподобие» изображений при этом вызывает дотоле незнакомый созерцателю

русской иконы эмоциональный отклик, вызывая сочувствие, опирающееся на реальный опыт каждого человека, который боится смерти и которому больно, когда его бьют. Многофигурные композиции, подробно характеризующие персонажей, похожи на театральные сцены, что тоже сближает их с реальностью, в данном случае – мистериальной. Эта черта была отмечена в дневниковых впечатлениях знатока древнерусского искусства, художника и иконописца Е. Е. Климова, который написал о «грандиозности» и «театральности» иконостаса Троицкого собора³⁰. Эмоциональное сопереживание картинам человеческого страдания Спасителя подчеркивают уже отмеченные нами мотивы телесной смерти и телесного воскресения Христа.

Иконы «Снятие со креста», «Положение во гроб» (рис. 3), «Воскресение» воспроизводят резцовые гравюры Питера де Йоде. О влиянии западноевропейской печатной продукции на православную иконографию историки искусства заговорили уже в середине XIX в. Первыми, кто обратил внимание на данное обстоятельство, были Д. А. Ровинский и Ф. И. Буслаев. В последнее время важным этапом изучения западноевропейских образцов стала опубликованная в 1993 г. статья И. Л. Бусевой-Давыдовой «Новые иконографические источники русской живописи XVII века» и другие ее работы³¹, а также большой вклад в изучение европейских иллюстрированных изданий был сделан в последние десятилетия XX в. О. А. Белобровой³² и А. В. Гамлицким³³. Художниками это влияние

³⁰ *Сергеев В. Н.* Евгений Климов: Художник-реалист русского зарубежья, 1901–1990. М., 2018. С. 53.

³¹ *Бусева-Давыдова И. Л.* Новые иконографические источники русской живописи XVII в. // Русское искусство позднего Средневековья. Образ и смысл. М., 1993. С. 190–206.

³² *Очерки русской художественной культуры.* СПб., 2005.

³³ *Гамлицкий А. В.* Библия Пискатора, ее издания и иконографические источники // Филевские чтения. Тезисы четвертой научной конференции ЦМиАР. М., 1995. С. 19–22; *Гамлицкий А. В.* Библия Пискатора и проблема гравированных образцов в европейском искусстве XVI–XVIII столетий // Проблема копирования в европейском искусстве. Материалы научной конференции РАХ. 1997 г. М., 1998. С. 96–116; *Гамлицкий А. В.* Западноевропейские лицевые Библии в России XVII–XVIII вв. Владельцы и формы бытования // Филевские чтения. Тезисы шестой научной конференции. ЦМиАР. М., 1999. С. 12–15; *Гамлицкий А. В.* Лицевые «Страсти» Леонтия Бунина. К во-

было вполне осознано в XVII столетии, хотя свое начало этот процесс берет в XVI в. Ориентация на образцы была одним из принципов древнерусского искусства. В случае обращения к западным образцам это приводило как к механическому подражанию оригиналу, так и к самостоятельному переосмыслению оригинала. Влияние западных гравюр в русской иконописи середины XVII в. становится настолько сильным, что патриарху Никону, надзирающему и за иконописанием, уже силою приходилось отбирать иконы «фряжского письма», но отдавали их ему с явной неохотой, так успели уже к ним привыкнуть. Произведения нидерландских гравюров и русских иконописцев принадлежали к разным культурным и конфессиональным традициям, поэтому оригиналы часто менялись в духе национального искусства с разной степенью свободы. Но обращение к западным образцам было продиктовано логикой художественной жизни в период перехода от средневековых принципов живописи к культуре Нового времени. Как образцы для иконописи гравюры дожили до начала XX в. По воспоминаниям И. Е. Репина³⁴, у каждого чугуевского художника был сундучок, наполненный доверху самыми разными гравюрами, которые воспринимались уже как канон, служивший «прописями» для их работы.

С осторожностью мы можем назвать имена создателей Страстного чина иконостаса Троицкого собора. Еще в 2003 г. впервые были опубликованы договоры золотарей и иконописцев Оружейной палаты на создание иконостаса в соборной церкви города Пскова³⁵. Страстной и праздничный чины писали два художника из Костромы Андрей Злобин и Степан Тимофеев. Кострома в это время — один из крупнейших городов московского государства, где ктиторийская деятельность Годуновых и Романовых способствовала развитию искусства. Предположительно, Годуновы организовали в Ипатьевском монастыре иконописные мастерские, чем было положено начало формированию художественных традиций Костромы, значительно возвысивших ее искусство над уровнем провин-

пругу о западноевропейских иконографических источниках русского искусства конца XVII–XVIII века // Филевские чтения. Тезисы пятой научной конференции. ЦМиАР. М., 1997. С. 21–23.

³⁴ Репин И. Е. Далекое-близкое Л., 1986. С. 110.

³⁵ Словарь русских иконописцев....

циального города³⁶. Костромских художников приглашали для украшения храмов по всей стране: они работали в Москве, Суздале, Кирилло-Белозерском монастыре, в 1702 г. костромскими художниками был расписан Знаменский собор в Новгороде. Именно в работах костромичей в составе нашего иконостаса сильнее всего ощущается влияние гравюр из «Библии Пискатора». Сведения об авторстве и одновременном создании праздничного и страстного рядов иконостаса требуют подтверждения и проверки. Возможно, реставрация и исследования, ей сопутствующие, помогут окончательно решить вопрос о времени создания и авторстве живописи этого ряда.

Источники и литература

- Белоброва О. А.* Иллюстрированные Библии XVI—XVII веков в русских средневековых библиотеках // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2014. Т. 62. С. 21–28.
- Бобров Ю. Г.* Основы иконографии памятников христианского искусства. М., 2010.
- Брюсова В. Г.* Русская живопись XVII века. М., 1984.
- Бусева-Давыдова И. Л.* Культура и искусство в эпоху перемен. Россия семнадцатого столетия. М., 2008.
- Бусева-Давыдова И. Л.* Новые иконографические источники русской живописи XVII в. // Русское искусство позднего Средневековья. Образ и смысл. М., 1993. С. 190–206.
- Вьюева Н. А.* Иконы из церкви Распятия Большого Кремлевского Дворца // Филевские чтения. Вып. VIII. М., 1994. С. 19–39.
- Гамлицкий А. В.* Библия Пискатора, ее издания и иконографические источники // Филевские чтения. Тезисы четвертой научной конференции ЦМиАР. М., 1995. С. 19–22.
- Гамлицкий А. В.* Библия Пискатора и проблема гравированных образцов в европейском искусстве XVI–XVIII столетий // Проблема копирования в европейском искусстве. Материалы научной конференции РАХ. 1997 г. М., 1998. С. 96–116.
- Гамлицкий А. В.* Западноевропейские лицевые Библии в России XVII–XVIII вв. Владельцы и формы бытования // Филевские чтения. Тезисы шестой научной конференции. ЦМиАР. М., 1999. С. 12–15.
- Гамлицкий А. В.* Лицевые «Страсти» Леонтия Бунина. К вопросу о западноевропейских иконографических источниках

³⁶ *Брюсова В. Г.* Русская живопись XVII века. М., 1984. С. 73.

- русского искусства конца XVII–XVIII века // Филевские чтения. Тезисы пятой научной конференции. ЦМиАР. М., 1997. С. 21–23.
- Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2014.
- Звездина Ю. Н.* Некоторые особенности темы страданий Христовых в духовной культуре середины XVII–XVIII веков // Искусство Христианского мира. Сборник статей. Вып. IX. М., 2005. С. 255–266.
- Николаева М. В.* История создания иконостасов храмов Высокопетровского монастыря по письменным источникам последней трети XVII века // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2017. № 7. С. 460–472.
- Очерки русской художественной культуры. СПб., 2005.
- Проект документа «Пассия как элемент современного православного богослужения». [Электронный ресурс]: URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5169776.html> (дата обращения: 10.12.2019).
- Пуцко В. Г.* Русская иконопись и персонифицированное творчество последней трети XVII века // Макариевские чтения. Патриарх Иоаким и его время. Вып. XI. Можайск, 2004. С. 159.
- Репин И. Е.* Далекое-близкое Л., 1986.
- Секретарь Л. А., Царевская Т. Ю.* Знаменский собор. М., 2001.
- Сергеев В. Н.* Евгений Климов: Художник-реалист русского зарубежья, 1901–1990. М., 2018.
- Симон Ушаков – царский изограф. М., 2015.
- Словарь русских иконописцев XI–XVII веков / редактор-составитель И. А. Кочетков. М., 2003.
- Успенский Л. А.* Богословие иконы Православной Церкви. Париж, 1989.
- Федорова И. В.* Церковное законодательство XVIII века о гравюре и иконописи // Искусство христианского мира. Сборник статей. Вып. 9. М., 2005. С. 236–246.
- Церковь Троицы в Никитниках: Памятник живописи и зодчества XVII века. М., 1970.
- Шумилина Е. Л.* Стенопись 1690 года Введенского собора Толгского монастыря: вопросы атрибуции и иконография: дисс. ... канд. искусствоведения: 17.00.04 СПб., 2007. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.dslib.net/muzee-vedenie/stenopis-1690-goda-vvedenskogo-sobora-tolgskogo-monastyr->

- ja-voprosy-atribucii-i.html (дата обращения: 10.12.2019).
Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона.
Т. XIII-а. СПб., 1897.
- Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона.
Т. XXII-а. СПб., 1897.
- Evangelicae historiae imagines quae toto anno in Missaesacrificio
recitantur in ordinem temporis ritae Cristo digestae. Auctore-
Hieronymo Natali societatis Jesutheologo. Antverpia, 1594.

Галицкая Ирина Акиндиновна, старший научный сотрудник отдела научно-фондовой работы (Псково-Изборский объединенный музей-заповедник, Псков, Россия); эл. почта: irinagalitzkaja@yandex.ru.

Passionate tier of the iconostasis of the Trinity Cathedral in Pskov.

Interaction of traditions of Russian and European cultures

Strict orientation for samples was one of the principles of ancient Russian art. In the case of reference to Western models, this led not only to a mechanical imitation of the original, but also to its independent reinterpretation. Passion stories began to be included in the Festive Tier and in the XVIIth Century the Passion Tier was formed as part of the iconostasis, perhaps not without the influence of European art, where these themes were developed in detail by many painters. Author notes the influence of Western European printed materials on Orthodox iconography in Modern times and, in particular, focuses on the European influence reflected in the Holy rite of the iconostasis of the Trinity Cathedral in Pskov. The Piscator Bible served as a model for its writing. The icons largely reproduce engravings by the Dutch artist Pieter de Jode. Using engravings as examples of iconography, icon painters are influenced by monochrome graphics. But, nevertheless, working with color, they skillfully highlight the most important scenes, reflecting their dynamism and tension. Works of Dutch engravers and Russian icon painters belonged to different cultural and religious traditions, so the originals were often changed in the spirit of national art with varying degrees of freedom. Despite the existing restrictions, engravings were used as models for icon painting until the beginning of the XX Century.

Key words: Iconostasis, Passionate tier, Trinity Cathedral, Piscator Bible, Peter de Jode, cultural influence.

Irina Galitskaya, Senior Researcher of the Department of Scientific and Stock Work (Pskov-Isborsk United Museum-Reserve, Pskov, Russia); e-mail: irinagalitzkaja@yandex.ru.

References

- Belobrova O. A.* Illyustrirovannye Biblii XVI–XVII vekov v russkikh srednevekovykh bibliotekah // *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury.* SPb., 2014. T. 62. S. 21–28.
- Bobrov Yu. G.* Osnovy ikonografii pamyatnikov hristianskogo iskusstva. M., 2010.
- Bryusova V. G.* Russkaya zhivopis' XVII veka. M., 1984.
- Buseva-Davydova I. L.* Kul'tura i iskusstvo v epohu peremen. Rossiya semnadcatogo stoletiya. M., 2008.
- Buseva-Davydova I. L.* Novye ikonograficheskie istochniki russkoj zhivopisi XVII v. // *Russkoe iskusstvo pozdnego Srednevekov'ya. obraz i smysl.* M., 1993. S. 190–206.
- V'yueva N. A.* Ikony iz cerkvi Raspyatiya Bol'shogo Kremlevskogo Dvorca // *Filevskie chteniya.* Vyp. VIII. M., 1994. S. 19–39.
- Gamlickij A. V.* Bibliya Piskatora, ee izdaniya i ikonograficheskie istochniki // *Filevskie chteniya. Tezisy chetvertoj nauchnoj konferencii CMiAR.* M., 1995. S. 19–22.
- Gamlickij A. V.* Bibliya Piskatora i problema gravirovannykh obrazcov v evropejskom iskusstve XVI–XVIII stoletij // *Problema kopirovaniya v evropejskom iskusstve. Materialy nauchnoj konferencii RAH.* 1997 g. M., 1998. S. 96–116.
- Gamlickij A. V.* Zapadnoevropejskie licevye Biblii v Rossii XVII–XVIII vv. Vladel'cy i formy bytovaniya // *Filevskie chteniya. Tezisy shestoj nauchnoj konferencii.* CMiAR. M., 1999. S. 12–15.
- Gamlickij A. V.* Licevye «Strasti» Leontiya Bunina. K voprosu o zapadnoevropejskikh ikonograficheskikh istochnikah russkogo iskusstva konca XVII–XVIII veka // *Filevskie chteniya. Tezisy pyatoj nauchnoj konferencii.* CMiAR. M., 1997. S. 21–23.
- Zabelin I. E.* Domashnij byt russkikh carej v XVI i XVII stoletiyah. M., 2014.
- Zvezdina Yu. N.* Nekotorye osobennosti temy stradanij Hristovykh v duhovnoj kul'ture serediny XVII–XVIII vekov // *Iskusstvo Hristianskogo mira. Sbornik statej.* Vyp. IX. M., 2005. S. 255–266.
- Nikolaeva M. V.* Istoriya sozdaniya ikonostasov hramov Vysokopetrovskogo monastyrya po pis'mennym istochnikam poslednej treti XVII veka // *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva.* 2017. № 7. S. 460–472.
- Ocherki russkoj hudozhestvennoj kul'tury.* SPb., 2005.
- Proekt dokumenta «Passiya kak element sovremennogo pravoslavnogo bogoslužheniya». [Elektronnyj resurs]: URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5169776.html> (data obrashcheniya: 10.12.2019).
- Pucko V. G.* Russkaya ikonopis' i personificirovannoe tvorčestvo poslednej treti XVII veka // *Makarievskie chteniya. Patriarh Ioakim i ego vremya.* Vypusk XI. Mozhajsk, 2004. S. 159.
- Repin I. E.* Dalekoe-blizkoe L., 1986.
- Sekretar' L. A., Carevskaya T. Yu.* Znamenskij sobor. M., 2001.

- Sergeev V. N.* Evgenij Klimov: Hudozhnik-realist russkogo zarubezh'ya, 1901–1990. M., 2018.
- Simon Ushakov — carskij izograf. M., 2015.
- Slovar' russkih ikonopiscev XI–XVII vekov / redaktor-sostavitel' I. A. Kochetkov. M., 2003.
- Uspenskij L. A.* Bogoslovie ikony Pravoslavnoj Cerkvi. Parizh, 1989.
- Fedorova I. V.* Cerkovnoe zakonodatel'stvo XVIII veka o gravyure i ikonopisi // *Iskusstvo hristianskogo mira*. Sbornik statej. Vypusk 9. M., 2005. S. 236–246.
- Cerkov' Troicy v Nikitnikah: Pamyatnik zhivopisi i zodchestva XVII veka. M., 1970.
- Shumilina E. L.* Stenopis' 1690 goda Vvedenskogo sobora Tolgskogo monastyrya: voprosy atribucii i ikonografiya: dis. ... kand. iskusstvovedeniya: 17.00.04 SPb., 2007. [Elektronnyj resurs]: URL: <http://www.dslib.net/muzee-vedenie/stenopis-1690-goda-vvedenskogo-sobora-tolgskogo-monastyrja-voprosy-atribucii-i.html> (data obrashcheniya: 10.12.2019).
- Enciklopedicheskij slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona. T. XIII-a. SPb., 1897.
- Enciklopedicheskij slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona. T. XXII-a. SPb., 1897.
- Evangelicae historiae imagines quae toto anno in Missaesacrificio recitantur in ordinem temporis ritae Cristo digestae. Auctore Hieronymo Natali societatis Jesu theologo. Antverpia, 1594.

Иллюстрации

Рис. 1. Моление о чаше

Рис. 2. Бичевание Христа

Рис. 3. Положение во гроб

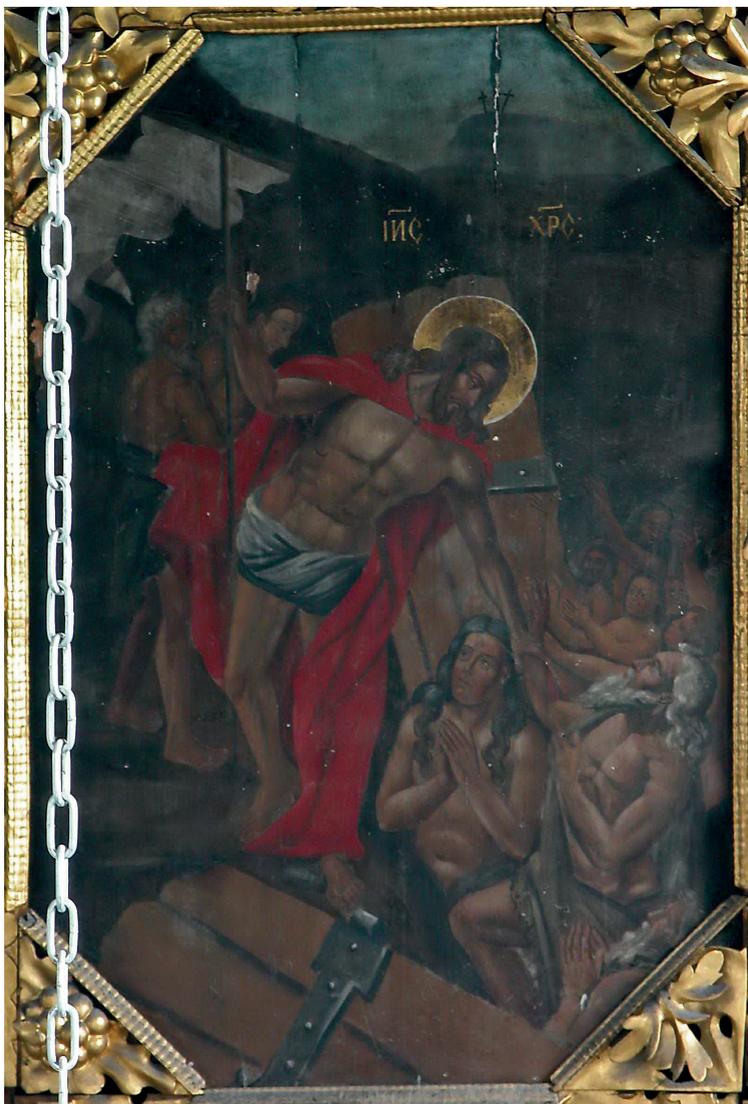

Рис. 4. Воскрешение. Сошествие во ад

Рис. 5. Воскресение Христа (Восстание Христа из гроба)

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 94(476)

Барвенова А. А.

МЕСТО СРЕДНЕВЕКОВОГО ТЕКСТИЛЬНОГО РЫНКА ПОЛОЦКА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТОРГОВЛЕ (по материалам «Полоцких грамот»)

Проанализирована торговля тканями в Полоцке, опасности торговли и конфликты за привоз и продажу текстильного товара. Показано, что торгово-экономические процессы в Полоцке были одним из важных звеньев северо-восточного европейского текстильного рынка средневековья. Торговля дорогими качественными тканями подчинялась международным договорам, правилам продажи оптом и в розницу, размерам пошлины, мерам измерения партий товара.

Ключевые слова: Полоцк, Ганза, торговля, Полоцкие грамоты, ткани, сукно.

Полоцк и полоцкий рынок были важным звеном в северо-восточной европейской торговле в средние века. Через Полоцк проходил крупнейший путь из «варяг в греки», водные и сухопутные дороги, которые связывали рынки южной, юго-восточной Европы, Азии с торговыми центрами Балтики¹. Город на Западной Двине поддерживал широкие международные торговые связи со Смоленском, Псковом, Новгородом, с многочисленными городами Балтики, в первую очередь с Ригой, Ревелем, Гданьском, Мальборком².

¹ *Галубовіч В. І.* Эканамічны стан, побыт і гандаль старажытнай Беларусі (IX–XIII стст.). Мінск, 1997; *Бектинев Ш. И.* Денежное обращение Великого княжества Литовского в XIII–XV вв. Мн., 1994.

² *Хорошкевич А. Л.* Внешняя торговля Полоцка и ее влияние на политическое и социально-экономическое развитие Полоцкой

На протяжении XIII – начала XVI вв. все время совершенствовалась торговая политика Полоцка, которая позволяла выгодно и безопасно для гостей и местных купцов совершать торговые сделки. Проследить процесс торговли позволяют письменные источники, в первую очередь издание полоцкого эпистолярного и правового наследия: «Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в.», бережно и кропотливо собранные, обработанные известными учеными (В. А. Воронин, А. И. Груша, С. В. Полехов, А. А. Жлутко и др.) и изданные под руководством А. Л. Хорошкевич³.

В «Полоцких грамотах» называются важнейшие товары, которыми активно торговали в Полоцке, а также те, которые полоцкие купцы возили в Ригу, Мальборк, Гданьск, Ревель, Любец и далее «где путь чист»: воск (ПГ № 40, 57, 67, 99, 106, 112, 150, 156, 157, 161, 162, 164, 237, 246, 253), соль (ПГ № 30, 31, 128, 144, 149, 155, 166, 169, 171, 177, 236, 238, 253), известь (ПГ № 74), дерево карабельное и другое (ПГ № 169, 188, 194, 240, 257), пепел (ПГ № 169, 184, 186, 218, 219, 228, 239, 348, 354), смола (ПГ № 354), сельдь (ПГ № 62, 63, 66, 128), зерно, крупы, жито, рожь, пшеница, ячмень, гречиха, овес (ПГ № 101, 211, 214, 354, 362), мед, вино, пиво (ПГ № 82, 101, 108), сало (ПГ № 256а). И среди этого богатства основных товаров торговли в Полоцке называется текстиль – ткани, сукно (ПГ № 41, 42, 47, 105, 119, 128, 240, 241, 349), меха – белка (ПГ № 15, 52, 57, 198, 349), лисицы (ПГ № 198, 349), куницы, бобры (ПГ № 82, 349), соболь, тхор, горностаи, норка (ПГ № 349), бочка с пушниной (ПГ № 59). В документах текстиль не только называется, а еще и описываются конфликты, связанные с торговлей тканями.

Ткани, одежды были предметом роскоши⁴. Они перечисляются в документах среди импорта, а также среди украденного, ограбленного «добра, которого не счесть». Например, в Послании великого князя литовского Гедимина епископам дерптскому и эзельскому, наместнику г. Ревеля, совету г. Риги земли // Spółczeństwo, gospodarka, kultura. W-wa, 1974. С. 60–68; Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М., 1963.

³ Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. / Подготовили А. Л. Хорошкевич (отв. ред.), С. В. Полехов, В. А. Воронин, А. И. Глушко, А. А. Жлутко. М., 2015.

⁴ Барвенава Г. А. Тэкстыль Сярэднявечча на землях Беларусі. Мінск, 2008.

высказаны жалобы на Тевтонский орден: «...словно хищные волки, жестоко [разорили] ту же [Полоцкую] землю, и восемьдесят человек — одних безжалостным мечом убили, а иных увели с собой, [также] пятьдесят прекрасных коней, одежды и другое добро, которого не счесть» (1325 г.) (ПГ № 7). Заметим, что в документе одежды указаны после «прекрасных коней», что опосредовано, указывает на цену, место одежды и текстиля в иерархии материальных ценностей средневековья.

Соглашения о торговле Полоцка с Готским берегом были заключены уже в середине XIII в., и в них оговаривалось, что «немечкому гостю в Полочскую волно ехат(и) и торговат(и), купити и продат(и). Також полочаном и видьбланину волно гостити в Ригу и на Готьскы берегъ» (1263 г.) (ПГ № 1), «Полочаномъ, видьбланомъ волное торгованье въ Ризе, на Готьскомъ бере и в Любыце. А рубежа не дѣати» (1264 г.) (ПГ № 2). Великие князья литовские Гедимин, Витовт и др., князья полоцкие, купцы ценили богатый накопленный опыт торговых взаимоотношений с Ганзой, соответственно в документах указывается, что торговля должна осуществляться «соответственно тому праву, которое вы исстари имели» (ПГ № 18, 18а). Формулировка «исстари имели» не единожды повторяется в договорах, деловой переписке, подчеркивая давность торговых взаимоотношений Полоцка и Ганзы, верность достигнутым ранее устным и письменным договоренностям. Договоры между Полоцком и Ригой (ПГ № 8, 9, 48-55, 120 и др.) оговаривали беспрепятственный проезд купцам «водою и землею», безопасность торговли и уговор «друг друга защищать и оберегать, как самих себя, и соблюдать права друг друга, как свои в своих городах» (ПГ № 54, 55), оговаривали меры веса и измерения товаров, «свободно, беспрепятственно и безо всяких убытков увозить обратно свои товары» (ПГ № 30), запрет «малое торговли не торговати», торговать с другими гостями, держать корчму и др. В документах оговаривались торговые «чистые» пути, безопасность и условия торговли. В Договоре 1338 г. между ливонским магистром Эберхаром фон Мунхаймом и великим князем литовским Гедимином о мире сроком на 10 лет говорится, что «Двина должна быть свободной для любого купца, будь то христианин или язычник, для поездок вверх и вниз по течению так высоко, как идет Двина и все речки, которые впадают в нее выше Эвясты. Далее не-

мецкому купцу ездить, не опасаясь за жизнь и имущество, в пределах, в которых [простирается] власть короля Литвы над русью и над литовцами. Далее, всякому купцу путь чист вниз по обоим сторонам Двины ниже Эвясты, насколько он может метнуть копьё. ... Равным образом русский или литовский купец, когда бы он ни явился в Ригу, может ехать, куда он хочет, в Ливонскую землю столь далеко, сколь [простирается] власть магистра» (ПГ № 8). «... Мы желаем, чтобы силой настоящей [грамоты] гражданам Полоцка и Вильны, всем и каждому, было позволено с любыми их товарами прибывать только в Ригу и там осуществлять свою торговлю и иметь [право] безопасного приезда и свободного без всяких препятствий отъезда» (1387 г.), говорится в Договоре между князем литовским Скиргайлом и ливонским магистром Робинот фон Эльтцем (ПГ № 18). «Александр, иначе Витовт, Божьей милостью великий князь литовский. ... знайте, что мы намерены держать вас [рижских купцов] соответственно тому праву, которое вы исстари имели и которое изложено в ваших грамотах, и желаем делать вам добро...» (1393 г.) (ПГ № 18а). Широка торговых путей, желание придерживаться прав купцов, «которые они исстари имели», заключенных договоров, желание «делать добро», конечно, давало возможность насытить рынок белорусских земель востребованной импортной продукцией⁵. В средние века среди многовариантного импорта текстильные товары, в первую очередь шелковые и шерстяные ткани, были востребованы среди жителей полоцкой и других земель, что подтверждают археологические материалы⁶. Импортные, в

⁵ Археалогія Беларусі. Т. 3. Сярэднявяковы перыяд (IX–XIII стст.). Мінск, 2000; Археалогія Беларусі. Т. 4. Помнікі XIV–XVIII стст. Мінск, 2001; *Сергеева З. М.* Археологические материалы о торговле западно-русских земель в X–XIII вв. (по находкам южного иноземного импорта) // Труды VI международного конгресса славянской археологии: в 5 т. Т. 4: Общество, экономика, культура и искусство древних славян. М., 1998. С. 154–160.

⁶ *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Мн., 1978; *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк (IX–XIII вв.) Мн., 1975; *Сергеева З. М.* О распространении шелковых тканей в памятниках X–XIII вв. в Беларуси // Гістарычна-археалагічны зборнік. 1996. № 8. С. 194–197; *Фехнер М. В.* Изделия шелкоткацких мастерских Византии в Древней Руси // Сов. археология. 1977. № 3. С. 130–142; *Фехнер М. В.* Древнерусское золотное шитье X–XIII вв. в собрании Государственного исторического музея // Средневековые древности Восточной Европы: сб. ст. М.,

том числе текстильные товары естественно влияли на культуру и искусство древних городов Беларуси⁷.

Документы XIV–XV вв. не один раз красноречиво рассказывают о конфликтах между полоцкими, рижскими и другими купцами: обвешивание на весах (ПГ № 40, 41), неразрешенная розничная торговля, запрещенная торговля с гостем (ПГ № 47, 238), нежелание вернуть забранный, неоплаченный, арестованный товар (ПГ № 56, 101, 202, 222), отдать оплату за поставленный товар (ПГ № 170), отдать оплаченный товар (ПГ № 155, 166), возместить убытки за поставленный некачественный товар (ПГ № 62), фальсифицированный товар (ПГ № 41, 47), возратить долг (ПГ № 63, 99, 160, 357), выдать беглого торговца с товаром (ПГ № 125, 127), вернуть отобранного коня (ПГ № 125а), а также называют проблемы, форс-мажорные обстоятельства как, например, товар утонул (ПГ № 144), ограбление (ПГ № 224, 236), избиение купцов (ПГ № 113, 236), немирное решение конфликтных ситуаций, когда даже «бородѣ вырвал» (ПГ № 218), «порѣзал руки дѣкою» (ПГ № 110), отрезали ухо (ПГ № 205), убийство (ПГ № 22), за которыми следовали требования покарать виновных, согласно договоренностям и законам, а за бесчестье заплатить. Переписка после конфликтных ситуаций показывает единичность таких случаев. Соответственно, в документах высказывается возмущение случившимся и стремление дипломатическими путями разрешить конфликт, выслушать обе стороны (ПГ № 46), добиться справедливости «абы правѣ ч(о)л(о)векъ не гибль» (ПГ № 62) и «виноватог(о) казните, абы тог(о) наперед не было» (ПГ № 240).

Конфликт в торговле между Ригой и Полоцком в 1396–1400 гг., связанный с заключением неправомерного договора (ПГ № 35, 36, 37, 38), жалобами на обвешивание и неверные веса (ПГ № 30, 31, 40), накопленными обоюдными обидами (ПГ № 29, 40), привел к временному расторжению торговых отношений. Полоцкий наместник Монтигирд и полочане послали в 1396 г. послание комтуру Дюнабурга с предупреждением о расторжении договора о торговле между Полоцком и

1993. Вып. 82. С. 3–21; *Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках М., 1963.

⁷ *Лавыш К. А.* Художественные традиции восточной и византийской культуры в искусстве древних городов Беларуси (X–XIV вв.). Мн., 2008.

Ригой и предложением, чтобы рижские купцы покинули Полоцк за 4 недели (ПГ № 34).

Для нас важно и показательно, что кульминацией конфликта стала покупка великим князем литовским Витовтом тканей в Полоцке и отказ продать еще тканей в кредит. Об этом подробно сообщается в Послании великого князя литовского Витовта бургомистру и совету г. Риги от 23 октября 1400 г. с сообщением о намерении запретить поездки рижских купцов далее Полоцка в ответ на отказ продажи тканей в кредит (ПГ № 41): «Почтенные и мудрые. Сообщаем вам, что, когда мы прибыли в наш город Полоцк, мы купили за наше наличное серебро некоторое количество ткани у гостей, приехавших от вас. И когда мы попросили их, чтобы они нам дали еще ткани при условии обязательной оплаты через две или три недели, они нам отказали, ссылаясь на предписание, которое было якобы принято у вас, что они не могут никому продавать иначе, как за наличные. Это самое предписание не могло не вызвать у нас удивления, ибо оно против нас и наших людей... это самое предписание нужно лишь для того, чтобы, если у кого-нибудь из наших появилась бы возможность получить выгоду и прибыль при помощи кредита, они не могли этого осуществить» (ПГ № 41). Так частный вопрос открыл более масштабное и не одно нарушение.

К сожалению, в документе не указано, сколько же тканей покупал для себя и своего двора великий князь Витовт, какие были им куплены ткани и какие он не смог купить. Но понятно, что это были импортные ткани. Можно предположить, что это были дорогие ткани, раз не хватило наличных денег. Вероятно, это было качественное сукно и шелк.

Далее следовала переписка и выяснение причин не только этого инцидента, но и других нарушений и несправедливостей. В Послании великого князя литовского Витовта бургомистрам и совету г. Риги 4 февраля 1401 г. говорится: «Почтенные любезные друзья. Мы вполне поняли ваше письмо, в котором вы нам пишете, что сожалеете о том, что сделали ваши [люди] по отношению к нам в Полоцке, не доверив нам немного тканей на две или три недели. Нам тогда было особенно досадно, ибо с нами поступили несправедливо, и если бы мы не верили, что Богу угодно, чтобы мы оплачивали то, что должны, то мы могли бы тогда взять [эти ткани] в сво-

ем городе против их [купцов] воли. Но мы не желаем, чтобы кто-либо терпел от нас несправедливость... Мы справедливым образом не хотим из-за вас причинять вреда нашим землям и городам...» (ПГ № 42). Даже в начале XXI в., когда на государственном уровне не всегда соблюдают права собственника, предпринимателя, с поклоном головы читаешь слова великого князя Витовта, что следует «вам и вашим чинить право во всех торговых делах и в весе, как это принято между вами [немецкими купцами] и ними [полоцкими купцами] по обычаю и праву» (ПГ № 42). Обычаи, заложенные предками, права, зафиксированные документами, являются основой торговых взаимоотношений. И это уже в XIV в. является нормой.

В том числе благодаря описанному конфликту в Полоцке в 1400 г., мы можем утверждать о важной роли качественных текстильных товаров в торговле между Полоцком и Готским берегом. Можем утверждать, что дорогие импортные ткани были востребованы на великокняжеском дворе, среди купцов, зажиточных жителей Полоцка и других городов. Если бы дорогое сукно и шелк не были востребованы на рынке Полоцка, купцы отдали бы ткани с радостью в рассрочку великому князю Витовту. Раз они их не отдали, прекрасно понимая кому отказывают, значит, на ткани были реальные купцы с немалыми наличными денежными средствами, вероятно большими, чем предлагал им великий князь Витовт. Можно предположить, что ткани, которые хотел купить в рассрочку Витовт, были настолько дороги, что купцы не хотели рисковать потерять оплату за них (вспомним еще раз выше процитированный текст, где в перечислении украденного в ходе ограбления, одежды стоят после «прекрасных коней», показывая масштабность финансовой потери). Важную роль качественных текстильных товаров на рынке Полоцка и городов Полоцкой земли, на рынке Великого Новгорода подтверждают археологические материалы⁸.

⁸ Фехнер М. В. Шелковые ткани в средневековой Восточной Европе // Сов. археология. 1982. № 2. С. 57-70; Хорошкевич А. Л. Торговля иностранными тканями в Новгороде в XIV-XV вв. // Исторические записки. 1958. Т. 63. С. 235-242; Фехнер М. В. Шелковые ткани как источник для изучения экономических связей Древней Руси // История и культура Восточной Европы по археологическим данным: сб. ст. М., 1971. С. 130-142; Нахлик А. Ткани Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. 1963. № 123. С. 228-296; Nahlik A.

Описанный выше конфликт, торговые нарушения, которые приносили убытки полочанам, привели к аресту немецких купцов и товаров, многочисленным посланиям великого князя Витовта совету г. Риги, к обмену посольствами для обсуждения вопросов, возникших между рижанами и полочанами (ПГ № 43, 44, 45, 46, 47). Среди требований полочан в январе 1405 г. говорится, что «ваши [немецкие купцы] в Полоцке потихоньку продают сукно локтями и закупают пушнину отдельными шкурками и мелкими партиями ... из-за этого они [полочане] ... оказываются в неравном положении по сравнению с вашими» (ПГ № 47). Высказанное было учтено в заключенном Договоре о торговле между городами Полоцком и Ригой (ПГ № 48-55): «допустить все полоцкое купечество и всех купцов из Литовского государства к торговле в Риге с гостями и с горожанами равным образом, во всякого рода торговле, будь то много или мало, ничего не исключая, без всякой хитрости. ... немецкому купечеству торговать в Полоцке без всякой хитрости» (ПГ № 50). Так конфликт, кульминацией которого была покупка великим князем Витовтом тканей, привел к Договору, на который ориентировались великие князья литовские многие десятилетия.

Важным показателем места текстильного товара в торговых отношениях являются меры измерения тканей и пушнины. В документах называется, что ткани меряются локтями (ПГ № 47), а также названы «кипа сукна» (ПГ № 105, 241) «три поставы сукна» (ПГ № 240). Уставной привилегией великого князя литовского Александра г. Полоцку на магдебургское право четко оговаривает «ни шдин купец рызский або которыйи иншыи чужыи не будет(ь) моцы мѣти инако продавати и куповати, тол(ь)ко под тую меру, на доле выписаную. Про то ж тыи купцы чужыи шприч(ь) ярмарку под тую меру, на доле выписаную. ... сукно — поставом» (4 октября 1498 г.) (ПГ № 349). Речь идет об оптовых текстильных поставках.

_____ Кипа сукна стоила больших денег, раз из-за нее происходила переписка. Например, кипу сукна полоцкий местич Русан Кожчичь купил в Смоленске. За этой кипой сукна пришел рижский ратманин Филипп [Рейнгольд Зольтрумп]. Ког-

Tkaniny wełniane importowane i miejscowe Nowogrodu Wielkiego X-XV wieku. Wrocław, 1964.

да Русан эту кипу сукна не отдал, то «Ень пришол с братьею своею, с иными немци. Ени молвать: «Даи емоу, емоу тотъ товаръ приходить». Ень послушал тых его товарышовъ, и дать емѠ тотъ товаръ, и розлезса с ними, какии добрыи ч(о)л(ове)къ». Сделка была зафиксирована на бумаге в присутствии свидетелей: «И тотъ Филипъ, вашъ ратманинь, и грамоту на себе дать, и тоую запис(ь) налса прислати, што с Ываномъ з Бобинымъ записана. А были с нимъ Иван Высок, а Жидимонтъ, а Индроцо Герков, а Иванъ Чортовъ Палець». Далее в Послании полоцких бояр, местичей и «всего посполства» совету г. Риги излагается требование заплатить полоцкому местичу Русану Кожичичу и за кипу сукна и за «его соромъ» (1441 г.) (ПГ № 105).

В послании полоцких бояр, мещан и всего посполства «Нашим милым суседомъ и добрымъ приятѣл(е)мъ, паномъ бѣрмистрѠ и ратманом, и всимъ купцомъ Ризког(о) мѣста» говорится, что кипу сукна у полоцкого мещанина купца Олфера Кортеневица отобралъ Ганус Единко: «тамъ кипа сукна нашѣг(о) кѠпца Олфера Кортѣнѣвича, мѣщанина пол(о)цьког(о), оу вашѣ м(и)л(о)сти оу Ризѣ забавлѣна бѣзлѣпно, а забавилъ ея ГанѠсъ Единко, Одамовъ складник. ... просимъ ... тое кипы шбыскавшѣ, и вчинили исправѣдливость, вѣлели бы естѣ ея штдати, шгобы бол(ь)ши тог(о) правыи люди нѣ гибли и нѣ были шкодѣ» (1481 г.) (ПГ № 241).

В послании полоцкого намесника Богдана Андреевича (Саковича) бурмистру и совету г. Риги требуется заплатить полоцкому боярину Сеньку Григорьевичу за сукно: «жаловалъ намъ панъ Сенко ш свои великии невымовныи кривды, што ся емѠ стало чересъ записи мирѠ вѣчног(о). Тым(и) разы былъ Ѡ Ризе мещанинъ Полоцког(о) места на имя Матфеи Гатиша и провадилъ з Рыги пана Сенковъ товар. И вашъ немчинъ Тимофеи Гриб, Ѡгонивѣши ег(о), штнялъ квалтомъ три поставы сѣкна. А Матфеи повѣдает(ь), што ж емѠ ничимъ не виноват. И ваша м(и)л(о)сть томѠ Ѡчинит(е) справедливость, Ѡзятое кажите вернѣтъ, а виноватог(о) казните, абы тог(о) напередъ не было» (1480 г.) (ПГ № 240).

Сукна поступали на полоцкий рынокъ качественные, ибо за поддельный и некачественный товаръ договорами была предусмотрена кара. Но некачественные сукна все же появлялись на полоцкомъ рынке. Об этомъ свидетельствуетъ Послание полоцких местичей совету г. Риги с жалобой на рижскихъ купцовъ, продающихъ полочанамъ некачественные товары: «...что ж

чините хвалшь в сѣкнѣ, а в соли, а в селедцѣхъ» (около 1447 г.) (ПГ № 119). В другом Послании полоцких местичей и купцов совету Риги сообщается о высылке в Ригу купцов-мошенников: «Не первое вам пишемъ, что ж чините хвалшь в сѣкнѣ, а в соли, а в селедцѣхъ», и требуется наказать их и возместить ущерб от их деятельности «их щкоты заплатити», «а гѣназьми казнит» (1447 г.) (ПГ № 128). Мы можем только предполагать, что некачественные сукна поступали на полоцкий рынок во время проблем на европейском текстильном рынке.

С большой долей вероятности можем говорить, что на импорт текстильных товаров в Полоцке влияли общеевропейские процессы. Девальвация европейских денег 1285–1314 гг., банкротство итальянских банков 1343 г. и последовавшее за ним уменьшение количества богатых клиентов повлияло на общеевропейский текстильный рынок: изготовление дорогих высококачественных тканей падало и увеличивалось производство тканей немного дешевле. Так называемое «старое изготовление тканей» менялось на «новое изготовление тканей», предназначенное для менее богатых клиентов. Неурожай в Европе 1315–1317 гг., черная смерть 1348 г. позволили оценить выгоду животноводства. Расширение овцеводства в Англии и Северной Европе, изобретение самопрялки привели к увеличению производства высококачественной шерсти, к качественной серийной выработке сукна⁹. Эти и другие процессы естественно влияли на текстильный рынок городов Ганзы, в том числе Полоцка.

Одежда средневековья обильно украшалась мехами, плащи, мантии подбивались мехами. Охота, животноводство, обработка меха и кожи, кожевенное производство было высоко развито на полоцких землях, что подтверждают многочисленные археологические находки разнообразных изделий из кожи, орудий труда и кожевенных мастерских¹⁰. Меха горно-

⁹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

¹⁰ Штыхаў Г. В. Гарбарнае рамяство старажытнага Полацка // Весці Акадэміі навук БССР. Сер. грамад. навук. 1961. № 3. С. 63–73; Штыхаў Г. В. Шавецкае рамяство старажытнага Полацка // Весці Акад. навук БССР. Сер. грамад. навук. 1962. № 3. С. 81–87; Штыхав Г. В. Опыт исследования древнеполоцкой кожи // Сов. археология. 1963. № 4. С. 240–246; Щеглова В. В. К вопросу о животноводстве и охоте в Белоруссии в средние века // Древности Белоруссии. Мн., 1969. С. 407–414.

стая, соболя, куницы, белки, лисицы, тхоря, бобра были важнейшим экспортным товаром на рынке Полоцка и других городов белорусских земель. Партии пушнины измерялись по 10 тушек, 20, 30, 40 тушек в зависимости от ценности пушнины. В Полоцких грамотах названа даже «бочка с пушшиной» (ПГ № 59). Пушнину продавали на рынках Полоцка тысячами. Например, в удостоверительном листе полоцких бояр и мещан о передаче по приказу короля полоцкого и великого князя литовского Казимира рижанам конфискованных у них товаров сказано: «... полвсманадцат(ь) тисачи бельки и сорок белок, а тисача ласиць и двѣстѣ ласиць...» (ПГ № 198). Меры продажи пушнины на полоцком рынке четко оговорены в Уставном привилее на магдебургское право: «... под тую меру будѣтъ куповати: ... соболи, куницы и тхори — по сороку, белку, горностаа, ласицѣ и норицу — по полтретаста. ... А того не мають куповати ни в лѣсе, а ни в борах, а ни в селех, тол(ь)ко на месте» (4 октября 1498 г.) (ПГ № 349).

В торговых операциях принимали участия князья. В Послании великого князя полоцкого Андрея Ольгердовича и его супруги совету и «кушцам» г. Риги 1386 г. высказана просьба выдать их пушнину полоцким купцам Пронку и Кольцу: «Федоръ Сорочковъ привезлъ бельку ис Полотьска и поставилъ бельку тую у Федька, а то є белька наша. Втдате нашу бельку. А велели єсмо продати бельку тую Проньку да Кольцу» (ПГ № 15). Пушнина на полоцкий рынок поступала в первую очередь как дань: «...далъ мои братъ, кн(а)зь Скирикгаило, оусю тую дань... серебрянаа, бобры, белки и лукна вса, и люди оуси» (ПГ № 16). Соответственно, перебоев с пушшиной, как важнейшим торговым товаром, на полоцком рынке никогда не было. Качество меха не было предметом споров между купцами.

Церковь была важнейшим звеном в торговле между Полоцком, Ригой и городами Ганзы. Церковь в Риге, служители рижской церкви помогали купцам из Полоцка и других городов, которые попали в сложные ситуации, участвовали в переговорах и решении конфликтов и др. В церкви хранился товар, документы (ПГ № 198). Полоцкие церкви, русская церковь в Риге заботились о своих донаторах и прихожанах. Купцы в знак благодарности, как это было во всех европейских странах, жертвовали деньги или ценные, нужные церк-

ви вещи. Текстиль, конечно, входил в дары церкви, ведь он был необходим для ритуальных предметов, для украшения алтаря, на одежды духовенства, на обивку мебели и др. Как выглядел храмовый текстиль, праздничные одежды духовенства, уничтоженные в Полоцке по многим причинам, могут нам рассказать богатые коллекции средневекового текстиля из Мариацкого костела в Гданьске¹¹, которые хранятся в Национальном музее Гданьска¹².

Непросто выяснить особенности импорта и экспорта тканей в Полоцке, их ассортимент и размеры партий. Выяснить место льняных, шерстяных тканей местного производства на рынке Полоцка. Заметим, что изготовление тканей из местных волокнистых растений и животного сырья было идентичным по всей Восточной Европе¹³. Еще тяжелее сопоставить археологические материалы и письменные источники¹⁴, выяснить какая из найденных в археологических раскопках тканей как называется, место ее производства. В Национальном Полоцком историко-культурном музее-заповеднике хранится

¹¹ *Biedrońska-Słotowa Beata*. Tkaniny zdobione napisami arabskimi w szatach liturgicznych pochodzących z kościoła Mariackiego w Gdańsku, przechowywanych w Muzeum Narodowym. [Электронный ресурс]. URL: http://pau.krakow.pl/FHA/FHA_16_2018_s_19_34.pdf (дата обращения: 14.05.2019); *Sztyber B.* Ikonografia obrazów „igła malowanych” z klasztornej pracowni brygidek gdańskich w końcu XV wieku // *Biuletyn Historii Stuki*. 1998. LX. № 3–4. S. 565–571.

¹² *Skarby średniowiecza. Sztuka gotycka w zbiorach Muzeum Narodowego w Gdańsku*. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.mng.gda.pl/events/skarby-sredniowiecza-sztuka-gotycka-w-zbiorach-muzeum-narodowego-w-gdansk> (дата обращения: 05.03.2019); *Sztyber B.* Tkaniny i hafty // *Aurea Porta Rzeczypospolitej. Sztuka Gdańska od połowy XV do końca XVII wieku. Katalog wystawy / red. T. Grzybkowska*. Muzeum Narodowy w Gdańsku. Gdańsk, 1997. S. 329–340.

¹³ *Kamińska J., Nahlik A.* Włókiennictwo gdańskie X–XIII wieku // *Acta Archaeologica Universitas Lodzianensis*. Kraków, 1958. VI. S. 56–63; *Maik J.* Wyroby włókiennicze na Pomorzu z okresu rzymskiego i ze średniowiecza. Wrocław, Łódź, 1988; *Turnau I.* Historia europejskiego włókiennictwa odzieżowego od XIII do XVIII wieku. Wrocław, 1987; *Turnau I.* Systematyzacja form organizacji produkcji europejskiego włókiennictwa odzieżowego w okresie od XIII do XVIII wieku // *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej*. 1985. XXXIII. S. 185–198.

¹⁴ *Poppe A.* Materiały do dziejów tkaniny staroruskiej. Terminologia źródeł pisanych. Wrocław, 1965; *Лукина Г. Н.* Предметно-бытовая лексика древнерусского языка. М., 1990.

коллекция археологических находок тканей¹⁵, но она требует дальнейшего изучения, а поставленные выше вопросы — отдельного исследования. Современные исследования археологических находок тканей позволяют ответить на многие возникающие вопросы, в том числе реконструировать технологию производства нити и ткани, окраски и декора текстильного изделия¹⁶.

Таким образом, Полоцк и полоцкий рынок был важным звеном в северо-восточной европейской торговле в средние века. На протяжении средневековья совершенствовалась торговля между Полоцком и Ригой, городами Ганзейского союза. В XIII – начале XVI вв. правила торговли между Полоцком и Ригой, Ганзой оговаривалось договорами, договоры перезаключали, в них вносили дополнения, которые активизировали и нормировали торговлю. Взаимоуважение (предупреждение о эпидемии, о прекращении и возобновлении торговли и т. п.), верность слову, честность имени купца и другие базовые принципы торговли были незыблемы на протяжении средних веков. Конфликтные ситуации решались перепиской, посольствами, в крайних случаях арестом товара и купца. Магдебургское право в городах Беларуси еще более укрепило и нормировало торговлю белорусских купцов с Ганзой и другими крупными торговыми центрами северо-восточной Европы. Текстиль был значимым товаром в торговых операциях между Полоцком и городами Ганзы.

Торгово-экономические процессы в Полоцке были одним из важных звеньев северо-восточного европейского текстильного рынка средневековья. Торговля дорожими качественными

¹⁵ Барвенава Г. А. Каталягазацыя тэкстыльных мастацкіх твораў Беларусі: (праблемы і перспектывы) // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. Полоцк., 2011. № 1. С. 2-12.

¹⁶ Bramervanová M., Březinová H., Urbanová K. Arheologické nálezky textilí z výzkumů v Praze // Praha archeologická. Praha, 2016. S. 355-364; Březinová H. Textilní výroba v českých zemích ve 13-15 století. Praha, 2007; Březinová H., Kohout D. et al. Středověké textilní a barviřské technologie. Praha, 2016; Herman R., Wrzosek H. Wykorzystanie elektronowej mikroskopii skaningowej i spektroskopii absorpcyjnej w podczewieni do określania surowca zwęglonych tkanin wykopaliskowych // Kwartalnik historii kultury materialnej. W-wa, 2005. № 1. S. 71-83.

ми тканями подчинялась международным договорам, правилам продажи оптом и в розницу, размерам пошлины, мерам измерения партий товара и др. Качественные ткани, одежды были предметом роскоши, соответственно их называют рядом с «дорогими конями». Поэтому ткани, в первую очередь шелк и сукно, являлись предметом споров и конфликтных ситуаций, в том числе на международном уровне.

Источники

- Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в.* / Подготовили А. Л. Хорошкевич (отв. ред.), С. В. Полехов, В. А. Воронин, А. И. Глушко, А. А. Жлутко. М., 2015.
- Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в.* Вып. I / сост. А. Л. Хорошкевич. М., 1977.
- Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в.* Вып. II / сост. А. Л. Хорошкевич. М., 1978.
- Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в.* Вып. III / сост. А. Л. Хорошкевич. М., 1980.
- Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в.* Вып. IV / сост. А. Л. Хорошкевич. М., 1982.
- Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в.* Вып. V / сост. А. Л. Хорошкевич. М., 1985.
- Литература
- Археологія Беларусі.* Т. 3. Сярэднявеквы перыяд (IX–XIII стст.). Мінск, 2000.
- Археологія Беларусі.* Т. 4. Помнікі XIV–XVIII стст. Мінск, 2001.
- Барвенава Г. А. Каталягізацыя тэкстыльных мастацкіх твораў Беларусі: (праблемы і перспектывы) // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. Полоцк, 2011. № 1. С. 2–12.
- Барвенава Г. А. Тэкстыль Сярэднявечча на землях Беларусі. Мінск, 2008.
- Бектинеев Ш. И. Денежное обращение Великого княжества Литовского в XIII–XV вв. Мн., 1994.
- Галубовіч В. І. Эканамічны стан, побыт і гандаць старажытнай Беларусі (IX–XIII стст.). Мінск, 1997.
- Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
- Лавыш К. А. Художественные традиции восточной и византийской культуры в искусстве древних городов Беларуси (X–XIV вв.). Мн., 2008.

- Лукина Г. Н. Предметно-бытовая лексика древнерусского языка. М., 1990.
- Нахлик А. Ткани Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. 1963. № 123. С. 228–296.
- Сергеева З. М. Археологические материалы о торговле западно-русских земель в X–XIII вв. (по находкам южного иноземного импорта) // Труды VI международного конгресса славянской археологии: в 5 т. Т. 4: Общество, экономика, культура и искусство древних славян. М., 1998. С. 154–160.
- Сергеева З. М. О распространении шелковых тканей в памятниках X–XIII вв. в Беларуси // Гістарычна-археалагічны зборнік. 1996. № 8. С. 194–197.
- Фехнер М. В. Древнерусское золотное шитье X–XIII вв. в собрании Государственного исторического музея // Средневековые древности Восточной Европы: сб. ст. / Государственный исторический музей. 1993. Вып. 82. С. 3–21.
- Фехнер М. В. Изделия шелкоткацких мастерских Византии в Древней Руси // Сов. археология. 1977. № 3. С. 130–142.
- Фехнер М. В. Шелковые ткани в средневековой Восточной Европе // Сов. археология. 1982. № 2. С. 57–70.
- Фехнер М. В. Шелковые ткани как источник для изучения экономических связей Древней Руси // История и культура Восточной Европы по археологическим данным: сб. ст. / Государственный исторический музей. М., 1971. С. 130–142.
- Хорошкевич А. Л. Внешняя торговля Полоцка и ее влияние на политическое и социально-экономическое развитие Полоцкой земли // Spółczeństwo, gospodarka, kultura. W-wa, 1974. С. 60–68.
- Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М., 1963.
- Хорошкевич А. Л. Торговля иностранными тканями в Новгороде в XIV–XV вв. // Исторические записки. 1958. Т. 63. С. 235–242.
- Штыхаў Г. В. Гарбарнае рамяство старажытнага Полацка // Весці Акадэміі навук БССР. Сер. грамад. навук. 1961. № 3. С. 63–73.
- Штыхаў Г. В. Шавецкае рамяство старажытнага Полацка // Весці Акад. навук БССР. Сер. грамад. навук. 1962. № 3. С. 81–87.
- Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.) Мн., 1978.
- Штыхов Г. В. Древний Полоцк (IX–XIII вв.) Мн., 1975.

- Штыхов Г. В. Опыт исследования древнеполоцкой кожи // Советская археология. 1963. № 4. С. 240–246.
- Щеглова В. В. К вопросу о животноводстве и охоте в Белоруссии в средние века // Древности Белоруссии. Мн., 1969. С. 407–414.
- Biedrońska-Słotowa Beata*. Tkaniny zdobione napisami arabskimi w szatach liturgicznych pochodzących z kościoła Mariackiego w Gdańsku, przechowywanych w Muzeum Narodowym. [Электронный ресурс]: URL: http://pau.krakow.pl/FHA/FHA_16_2018_s_19_34.pdf (дата обращения: 14.05.2019).
- Bramercanová M., Březinová H., Urbanová K.* Archeologické nález textilií z výzkumů v Praze // Praha archeologická. Praha, 2016. S. 355–364.
- Březinová H.* Textilní výroba v českých zemích ve 13–15 století. Praha, 2007.
- Březinová H., Kohout D. et al.* Středověké textilní a barviřské technologie. Praha, 2016.
- Herman R., Wrzosek H.* Wykorzystanie elektronowej mikroskopii skaningowej i spektroskopii absorpcyjnej w podczerwieni do określania surowca węglonych tkanin wykopaliskowych // Kwartalnik historii kultury materialnej. W-wa, 2005. № 1. S. 71–83.
- Kamińska J., Nahlik A.* Włókiennictwo gdańskie X–XIII wieku // Acta Archeologica Universitas Lodziensis. Kraków, 1958. VI. S. 56–63.
- Maik J.* Wyroby włókiennicze na Pomorzu z okresu rzymskiego i ze średniowiecza. Wrocław, Łódź, 1988.
- Nahlik A.* Tkaniny wełniane importowane i miejscowe Nowogrodu Wielkiego X–XV wieku. Wrocław, 1964.
- Poppe A.* Materiały do dziejów tkaniny staroruskiej. Terminologia źródeł pisanych. Wrocław, 1965.
- Skarby średniowiecza*. Sztuka gotycka w zbiorach Muzeum Narodowego w Gdańsku. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.mng.gda.pl/events/skarby-sredniowiecza-sztuka-gotycka-w-zbiorach-muzeum-narodowego-w-gdansk> (дата обращения: 05.03.2019).
- Sztyber B.* Ikonografia obrazów „igłą malowanych” z klasztornej pracowni brygidek gdańskich w końcu XV wieku // Biuletyn Historii Sztuki. 1998. LX. № 3–4. S. 565–571.

Sztyber B. Tkaniny i hafty // Aurea Porta Rzeczypospolitej. Sztuka Gdańska od połowy XV do końca XVII wieku. Katalog wystawy / red. T. Grzybkowska. Muzeum Narodowy w Gdańsku. Gdańsk, 1997. S. 329–340.

Turnau I. Historia europejskiego włókiennictwa odzieżowego od XIII do XVIII wieku. Wrocław, 1987.

Turnau I. Systematyzacja form organizacji produkcji europejskiego włókiennictwa odzieżowego w okresie od XIII do XVIII wieku // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. 1985. XXXIII. S. 185–198.

Барвенова Анна Александровна, кандидат искусствоведения, заведующий отделом изобразительного и декоративно-прикладного искусства (Институт искусствоведения, этнографии и фольклора Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь); эл. почта: barbara@tut.by.

The place of the medieval textile market in Polotsk in the northeast European trade (Based on materials from the “Polotsk Charters”)

Polotsk and the Polotsk market were an important link in the North-eastern European trade in the Middle Ages. During the 13th – early 16th centuries the trade policy of Polotsk was improving. The agreements between Polotsk and the Gothic Coast guaranteed the freedom and security of trade (1263, 1264) (PG No. 1, 2). In the “Polotsk Charters of the 13th – early 16th Century” (Polockie gramoty XIII–XVI wieków) (abbreviation – PG) the goods that Polotsk merchants brought to Riga, Malbork, Gdansk, Revel, Lubets, etc. were listed. There were wax, salt, lime, wood, ash, tar, herring, grain, cereals, honey, wine, beer, lard. On the Polotsk market thousands of furs were sold (squirrel, fox, marten, ermine, mink, arctic fox, sable, fitch, beaver). Among the main imported goods, they mention textile (fabric, wool). Imported fabrics and clothing made of them were luxury items. In the Polotsk documents clothing was mentioned after the “beautiful horses” when listing the stolen goods (1325) (PG No. 7). This fact indirectly indicates a high price and the place of clothing and textiles in the hierarchy of Medieval material values.

The article describes the conflicts related to the fabric trade in Polotsk: somebody did not pay for a fabric, low-quality goods. The most extensive was the correspondence after the cash purchase of fabrics by the Grand Duke of Lithuania Vitovt in Polotsk and the refusal of the Hanseatic merchants to sell more fabrics on credit (1400) (PG No. 41, 42). This issue had been negotiating for the next several years; there was an exchange of embassies (PG No. 43, 44, 45, 46, 47). Among the demands of Polotsk in 1405 it is said that “German merchants in Polotsk are selling wool by ells and buying furs by separate skins and small batches... that is why we are

in an unequal position" (PG No. 47). The cloth entered the Polotsk market was of high quality, for counterfeit and low-quality goods the punishing was established by the agreements. The documents list the measures of cloth measurement: "an elbow" (lokot') (PG No. 47), for wholesale sales "bale of cloth" (kupa sukna) (PG No. 105, 241) "bale of cloth" (postav sukna) (PG No. 240). In the Privilege for the Magdeburg Rights of Polotsk it is said that wool should be measured by "bale" (postav) (PG No. 349). The local textile is presented in the Archaeological collection of Polotsk textiles of the 13–14th centuries.

The trade and economic processes in Polotsk were one of the important links of the North-Eastern European textile market in the Middle Ages. The trade in expensive, high-quality fabrics was subject to the international agreements, the rules for wholesale sales and retail sales, payment of duties and measures for goods consignments measuring.

Key words: Polotsk, Ganza, trade, Polotsk Charters, fabrics, textile, cloth

Hanna Barvenava, Candidate of Art Criticism, Head of the Department of Fine and Decorative Arts (Institute of Art History, Ethnography and Folklore of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus); e-mail: barbara@tut.by.

References

- Arheologiya Belarusi. T. 3. Syarednevyakovy peryyad (IX–XIII stst.). Minsk, 2000.
- Arheologiya Belarusi. T. 4. Pomniki XIV–XVIII stst. Minsk, 2001.
- Barvenava G. A. Katalagizacyya tekstyl'nyh mastackih tvoray Belarusi: (poblemy i perspektyvy) // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki. Polock, 2011. № 1. S. 2–12.
- Barvenava G. A. Tekstyl' Syarednyavechcha na zemlyah Belarusi. Minsk, 2008.
- Bektineev Sh. I. Denezhnoe obrashchenie Velikogo knyazhestva Litovskogo v XIII–XV vv. Minsk, 1994.
- Galubovich V. I. Ekanamichny stan, pobyt i gandal' starazhytnaj Belarusi (IX–XIII stst.). Minsk, 1997.
- Le Goff Zh. Civilizaciya srednevekovoego Zapada. M., 1992.
- Lavysk K. A. Hudozhestvennye tradicii vostochnoj i vizantijskoj kul'tury v iskusstve drevnih gorodov Belarusi (X–XIV vv.). Minsk, 2008.
- Lukina G. N. Predmetno-bytovaya leksika drevnerusskogo yazyka. M., 1990.
- Nahlik A. Tkani Novgoroda // Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. 1963. № 123. S. 228–296.
- Sergeeva Z. M. Arheologicheskie materialy o trgovle zapadnorusskikh zemel' v X–XIII vv. (po nahodkam yuzhnogo inozemnogo importa) //

- Trudy VI mezhdunarodnogo kongressa slavyanskoj arheologii: v 5 t. T. 4: Obshchestvo, ekonomika, kul'tura i iskusstvo drevnih slavyan. M., 1998. S. 154–160.
- Sergeeva Z. M.* O rasprostraneniі shelkovykh tkanej v pamyatnikakh X–XIII vv. v Belarusi // Gistarychna-arhealagichny zbornik. 1996. № 8. S. 194–197.
- Fekhner M. V.* Drevnerusskoe zolotnoe shit'yo X–XIII vv. v sobranii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya // Srednevekoveye drevnosti Vostochnoj Evropy: sb. st. 1993. Vyp. 82. S. 3–21.
- Fekhner M. V.* Izdeliya shelkotkackih masterskih Vizantii v Drevnej Rusi // Sov. arheologiya. 1977. № 3. S. 130–142.
- Fekhner M. V.* Shelkovye tkani v srednevekovoj Vostochnoj Evrope // Sov. arheologiya. 1982. № 2. S. 57–70.
- Fekhner M. V.* Shelkovye tkani kak istochnik dlya izucheniya ekonomicheskikh svyazej Drevnej Rusi // Istoriya i kul'tura Vostochnoj Evropy po arheologicheskim dannym: sb. st. M., 1971. S. 130–142.
- Horoshkevich A. L.* Vneshnyaya torgovlya Polocka i ee vliyanie na politicheskoe i social'no-ekonomicheskoe razvitie Polockoj zemli // Spolczęnstwo, gospodarka, kultura. W-wa, 1974. S. 60–68.
- Horoshkevich A. L.* Torgovlya Velikogo Novgoroda s Pribaltikoj i Zapadnoj Evropoj v XIV–XV vekah. M., 1963.
- Horoshkevich A. L.* Torgovlya inostrannymi tkanyami v Novgorode v XIV–XV vv. // Istoricheskie zapiski. 1958. T. 63. S. 235–242.
- Shtyhaŭ G. V.* Garbarnae ramyastvo starazhytnaga Polacka // Vesci Akademii navuk BSSR. Ser. gramad. navuk. 1961. № 3. S. 63–73.
- Shtyhaŭ G. V.* Shaveckae ramyastvo starazhytnaga Polacka // Vesci Akad. navuk BSSR. Ser. gramad. navuk. 1962. № 3. S. 81–87.
- Shtyhov G. V.* Goroda Polockoj zemli (IX–XIII vv.) Mn., 1978.
- Shtyhov G. V.* Drevnij Polock (IX–XIII vv.) Mn., 1975.
- Shtyhov G. V.* Opyt issledovaniya drevnepolockoj kozhi // Sov. arheologiya. 1963. № 4. S. 240–246.
- Shcheglova V. V.* K voprosu o zhivotnovodstve i ohote v Belorussii v srednie veka // Drevnosti Belorussii. Mn., 1969. S. 407–414.
- Biedrońska-Słotowa Beata.* Tkaniny zdobione napisami arabskimi w szatach liturgicznych pohodzących z kościoła Mariackiego w Gdańsku, przechowywanych w Muzeum Narodowym. [Elektronnyj resurs]: URL: http://pau.krakow.pl/FHA/FHA_16_2018_s_19_34.pdf (data obrashcheniya: 14.05.2019).
- Bramervanová M., Březinová H., Urbanová K.* Arheologické nález textilí z výzkumů v Praze // Praha archeologická. Praha, 2016. S. 355–364.
- Březinová H.* Textilní výroba v českých zemích ve 13–15 století. Praha, 2007.
- Březinová H., Kohout D. et al.* Středověké textilní a barviřské technologie. Praha, 2016.
- Herman R., Wrzosek H.* Wykorzystanie elektronowej mikroskopii skanin-gowej i spektroskopii absorpcyjnej w podczzerwieni do określania

- surowca zwęglonych tkanin wykopaliskowych // Kwartalnik historii kultury materialnej. – W-wa, 2005. № 1. S. 71–83.
- Kamińska J., Nahlik A.* Włókiennictwo gdańskie X–XIII wieku // *Acta Archaeologica Universitas Lodzensis*. Kraków, 1958. VI. S. 56–63.
- Maik J.* Wyroby włókiennicze na Pomorzu z okresu rzymskiego i ze średniowiecza. Wrocław, Łódź, 1988.
- Nahlik A.* Tkaniny wełniane importowane i miejscowe Nowogrodu Wielkiego X–XV wieku. Wrocław, 1964.
- Poppe A.* Materiały do dziejów tkaniny staroruskiej. Terminologia źródeł pisanych. Wrocław, 1965.
- Skarby średniowiecza. Sztuka gotycka w zbiorach Muzeum Narodowego w Gdańsku. [Elektronnyj resurs]: URL: <http://www.mng.gda.pl/events/skarby-sredniowiecza-sztuka-gotycka-w-zbiorach-muzeum-narodowego-w-gdansk> (data obrashcheniya: 05.03.2019).
- Sztyber B.* Ikonografia obrazów „igłą malowanych” z klasztornej pracowni brygidek gdańskich w końcu XV wieku // *Biuletyn Historii Sztuki*. 1998. LX. № 3–4. S. 565–571.
- Sztyber B.* Tkaniny i hafty // *Aurea Porta Rzeczypospolitej*. Sztuka Gdańska od połowy XV do końca XVII wieku. Katalog wystawy / red. T. Grzybkowska. Muzeum Narodowy w Gdańsku. Gdańsk, 1997. S. 329–340.
- Turnau I.* Historia europejskiego włókiennictwa odzieżowego od XIII do XVIII wieku. Wrocław, 1987.
- Turnau I.* Systematyzacja form organizacji produkcji europejskiego włókiennictwa odzieżowego w okresie od XIII do XVIII wieku //

Берга Т., Брузис Р.

ТОРГОВЛЯ ГАНЗЕЙСКОГО ГОРОДА ВАЛМИЕРЫ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК

Валмиера стала членом Ганзейского союза в 1365 г. Через город товары поступали из Риги в Псков и далее в Новгород. О древней истории Валмиеры известно очень мало, поскольку городской архив не сохранился. В связи с этим данные археологии имеют особенно важное значение. В статье рассмотрены найденные при раскопках предметы торгового инвентаря: фрагменты весов, гирек, безменов, свинцовых торговых пломб, монет и др.

Ключевые слова: Ганзейский союз, Ливония, Валмиера, торговля, археологические раскопки.

Валмиера относится к числу восьми городов Ливонии на территории современной Латвии, которые входили в состав Ганзейского союза (это были Рига, Цесис, Кокнесе, Кулдига, Лимбажи, Страупе, Валмиера и Вентспилс).

Город Валмиера образовался в конце XIII — начале XIV вв. на важном участке Видземского торгового сухопутного пути. Этот торговый путь был известен еще в X–XII вв., как сухопутный турайдский путь по правому берегу Гауи из низовьев Даугавы на территорию Древней Руси. Этот путь шел через Валмиеру, Тарту в Псков и далее в Новгород¹. Особенно интенсивно путь использовался в XIII–XV вв., что способствовало развитию города, и в 1365 г. Валмиера стала членом Ганзейского союза. О древней истории Валмиеры нам известно очень мало, поскольку городской архив сгорел в результате нескольких пожаров. В связи с этим для изучения и города, и замка данные археологии приобретают особенно важное значение.

Город возник рядом с замком Ливонского ордена, он образовался как дополнительный форбург замка. Такую планировку исследователи называют «город на щите» („auf dem Schilde“). Чтобы занять замок, необходимо было прежде всего занять город. Город площадью около 5 гектаров защищали

¹ *Mugurēvičs Ē. Svaigie ceļi lībiešu un latgaļu teritorijā // Arheolģija un etnogrāfija. III. Rīga, 1961.*

оборонительные стены длиной более 1 км. Вместе с оборонительными стенами замка, стены города образовывали единую оборонительную систему. При строительстве шведами в городе земляной оборонительной системы в XVII в., были снесены стены и ворота города. При археологических раскопках были вскрыты часть нижних рядов стен, а также остатки «Рижских ворот». Для городов Ливонии, которые возникали в результате завоевания ордена Меченосцев (позже Ливонского ордена), образцом служил классический немецкий город. Но если немецкие города возникали постепенно, то у городов Ливонии с самого начала уже была своя структура². Преобладающая часть жителей была представлена немцами (переселенцами) из Вестфалии и Северного Рейна. В небольшом городе уже изначально могло обитать ограниченное количество жителей. По аналогии с другими городами Ливонии, это было 150–200 человек. Археологические находки латгальских украшений XIV–XVI вв. как в городе, так и в замке, свидетельствуют о постоянном присутствии в городе местных жителей, хотя количество их было невелико.

Если раскопки руин замка проводились многократно, то раскопки древнего города проводились только в последние годы. Пока исследована только 1/5 часть территории города. Но в результате исследований уже можно судить и о планировке, и о защитных сооружениях, и о торговле, ремеслах и быте горожан. Центральной осью города была делившая его на две части дорога, соединявшая ворота – Рижские и Тартусские. Известно, что еще в XVII в. покрытие дороги было земляным, но можно предположить, что в древности оно могло быть и деревянным. При раскопках были вскрыты каменные фундаменты восьми построек XIV–XVI вв. Дерево в культурном слое Валмиеры не сохраняется, но обнаружены две сгоревшие и поэтому частично сохранившиеся деревянные постройки.

Раскопки показали, что в Валмиере работали многочисленные ремесленники. Это были кузнецы, гончары, кожевники, костерезы, сапожники, ткачи и др.³

² *Misāns J.* Valmieras senās Hanzas pilsētu savienība: mantojuma izpēte. 2017. lpp. 11. [Электронный ресурс]. URL: http://www.visit.valmiera.lv/images/userfiles/Valmiera_Hanzas_laiki.pdf (дата обращения: 01.02.2018.).

³ *Berga T.* Valmieras vecpilsētas arheoloģija. Rīga, 2018. lpp. 101-116.

Но также как для других средневековых городов, для развития Валмиеры важнейшую роль играла торговля. Письменные данные о торговцах Валмиеры относятся уже к концу XIII в. Сведения о шести из них имеются в Рижской книге должников (*Das Rigische Schuldbuch (1286–1352)*)⁴. Известно, что они участвовали в торговых операциях с Ригой и Таллином. Эти торговцы из Валмиеры были не только членами Ганзы, но и членами Дома черноголовых и Большой гильдии⁵.

Валмиера не стала одним из центров международной торговли в Ливонии, поскольку она полностью зависела от Риги, торговля между Востоком и Западом могла осуществляться только при посредничестве рижских купцов, иностранным гостям торговать друг с другом было запрещено. Все торговцы должны были свои товары выгружать и продавать только в Риге. Внутри земель иностранцам было запрещено передвигаться. Несмотря на это, Валмиера в XIV–XV вв. была активным членом Ганзы, центром местного значения и важным торговым узлом в потоке товаров между Востоком и Западом.

Одним из главных критериев, свидетельствующих о принадлежности города к Ганзе, историки считают участие города в собраниях союза. Эти общие собрания проходили в Любеке или других городах Северной Германии, и в них принимали участие послы больших городов Ливонии: Риги, Таллина и Тарту. Валмиера была слишком небольшим и незначительным городом, чтобы посылать своих послов на эти собрания, к тому же это было дорого. Но многие вопросы торговой политики Ганзы обсуждались на региональных городских собраниях Ливонии (*Landtag*), на которых в Валмиеру приглашались представители магистратов малых городов. С 1385 по 1500 гг. в Валмиерском орденомском замке прошло более 32 дней собраний Ганзейских городов, на которых решались торговые вопросы городов членов союза. Позднее, в конце XV и начале XVI в., Валмиера уже была только удобным местом для проведения ландтагов, но не их участницей. По всей вероятности, для обеспечения транзитной торговли в городе должны были находиться и временные складские помещения,

⁴ *Hildebrand H.* *Das Rigische Schuldbuch (1286–1352)*. St. Petersburg, 1872. Nr. 257, 728. *Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften.*

⁵ LUB, Abt. 1, Bd. 8, Nr. 1022; LUB, Abt. 2, Bd. 2, Nr. 630.

и постоянные дворы. При проведении дней городов, магистрат обязан был обеспечить жильем и питанием, а также и провиантом множество послов. В эти дни Валмиера превращалась на время не только в географический, но и политический центр Ливонии.

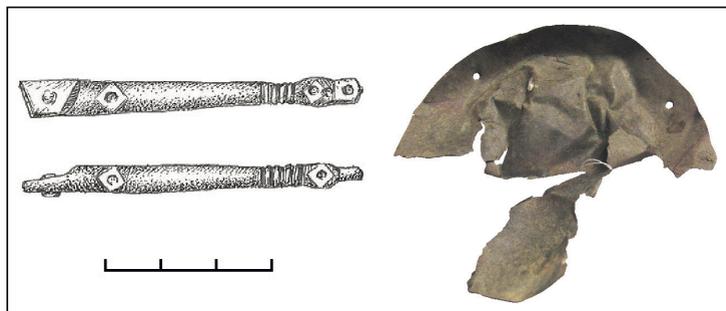

Рис. 1. Детали складных весов: плечо и деформированная чашечка.
Рисунок Д. Земите. А 9965: 494, VI 294: 460

Находки торгового инвентаря в Валмиере не столь многочисленны. В замке, в слое XIV в. были найдены три экземпляра латунных чашечек и плечо складных весов (рис. 1). Такие весы были широко распространены на территории Латвии в X–XIII вв. для взвешивания монет и серебра. Судя по форме и длине, плечо весов относится к пятому варианту (выделено семь), такие весы были распространены в основном в XI в.⁶ Все чашечки весов деформированы и фрагментарны, их диаметр 4,5–5 см, по краю прослеживается линия орнамента и три отверстия. Судя по размерам чашечек и плеча, в Валмиере были в употреблении весы среднего типа, которыми можно было взвесить от 50 до 100 г серебра. Судя по археологическим данным, на территории Латвии складные весы использовались еще в XIII в., но они уже были более массивными, и судя по размерам, ими можно было взвесить до 150 г серебра. Такие весы найдены в Риге, замке Кокнесе и поселении Мартиньсала. Находка деталей складных весов в слое XIV в. в Валмиере, это пока единственный случай. Очевидно, что складные весы долго хранили и использовали. Для складных весов XIII–XIV вв. использовались бочонковидные разновесы,

⁶ Berga T. Saliekamie svāriņi Latvijā (10–13 gs) // Arheoloģija un etnogrāfija. 18. Rīga, 1996. lpp. 49–61.

часто с крестовидными врубками на концах, но в Валмиере они пока не найдены.

Во вскрытой при раскопках деревянной постройке XIV в., найдена свинцовая гирька с отверстием для безмена древнейшего типа (рис. 2). Безмены – простые весы с односторонним балансом. Конструкция древнейшего (скандинавского) безмена представляет собой стержень с нарубками, часто деревянный, на одном конце которого закреплен

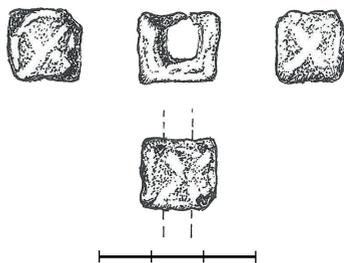

Рис. 2. Разновес от безмена древнего типа. Рисунок А. Пакере. VINM 2006: 295

противовес (а на другом – крючок, к которому подвешивается груз. На стержень надевалась передвигающаяся петля. Противовесом служила бронзовая или свинцовая гирька – металлическая бусина с круглым или квадратным отверстием (шарообразной, эллипсоидной, пирамидальной, кубической и др. форм). В Валмиере найденная гирька квадратная по форме, с круглым отверстием, на всех ее гранях изображен крест из диагональных линий. Сохранность плохая, гирька обгорела, вес около 18 г, высота 20 мм, размеры граней 17x17 мм. Такого типа безменами могли взвешивать небольшого веса предметы. Безмены древнего типа использовали и в период викингов, но деревянные детали стержней не сохранились⁷. На территории Латвии свинцовые и бронзовые гирьки различных форм от безменов раннего типа найдены в 5 археологических памятниках XI–XII вв. (могильник Леясдопелес, Айзкраукле и Межотне, городище Даугмале)⁸. Их вес в среднем 20 г. Гирька из Валмиеры аналогична гирьке из Айзкраукле. Как уже говорилось, гирька найдена в постройке XIV в.

Еще одна гирька необычной формы найдена в слое XV/ XVI в. Гирька свинцовая, круглая, с припаянной ножкой, весом 128,165 г (рис. 3). На ножке треугольный знак, вероятно обо-

⁷ Холден Л. И. Кистени или весовые гири. Переоценка функционального назначения известной категории находок // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. Великий Новгород: СПб.; М., 2009. С. 587.

⁸ Berga T. Valmieras vecpilsētas arheoloģija. Rīga, 2018. lpp. 87.

значение веса (или качества), диаметр гирьки 28 мм, длина 36,3 мм. Эта гирька для хронологически более позднего, римского типа безмена, который обычно состоял из металлического стержня, крючка и гири. На римском безмене передвигается гиря, а положение точек опоры и привеса остается постоянным. Детали таких безменов найдены на территории Латвии в Рауши, Кокнесе, Мартиньсала и Даугмале, вес их гирь от 18,61 г до 2,850 г.⁹ Параллели валмиерской, круглой формы гирьке, нам пока не известны.

Рис. 3. Разновес безмена со знаком на ножке.
Фото А. Мейране. VI 294: 203

Все перечисленные находки свидетельствуют о существовании таких орудий взвешивания в период, когда Валмиера была вовлечена в ганзенскую торговлю. Наиболее вероятно, что эти орудия взвешивания применялись в основном для местной торговли. В местной торговле Валмиера так же, как и другие малые города Ливонии на территории современной Латвии, была местом сбора сельскохозяйственной продукции для торговли Риги.

При раскопках найдено несколько свинцовых торговых пломб, но только на одной из них сохранился герб Данцига (Гданьска). Остальные три пломбы сохранились плохо, изображение нельзя разобрать. Герб Данцига — два льва держащие щит, на котором два креста один над другим и наверху корона, имеется и на найденных в Валмиере печных изразцах XVI в.

Еще один предмет мог быть использован в торговле, это счетная бирка (рис. 4). При раскопках древнерусских городов, там, где хорошо сохраняется дерево, например в Новгороде и Пскове, их находят часто¹⁰. В Латвии до сих пор четыре счетные бирки были найдены только в Риге, валмиерская пятая.

⁹ Berga T. Valmieras vecpilsētas arheoloģija... lpp. 87.

¹⁰ Ковалев Р. К. Новгородские деревянные бирки: общие наблюдения // Российская археология. 2002. № 1. С. 38-50.

Рис. 4. Счетная бирка. Фото Р. Брузис. VINM 2006: 300

Бирка найдена в сгоревшей постройке. Она сильно обуглена, сделана из сосны, длина 8 см, хорошо сохранился только один квадратный конец, второй обломан. На одной грани видно 12 насечек, на противоположной можно различить шесть. Насечки неглубокие и неровные. Рядом найден фрагмент льняной веревки, возможно для подвешивания.

Импортных предметов в Валмиере найдено мало. В основном это рейнская керамика из каменной массы XIV–XVI вв., немного стеклянных изделий. Найдена деталь застежки кожаной сумки, хорошо известная в литовском археологическом материале XIV–XVI вв. Возможно застежка была привезена из Литвы. Но вполне вероятно и другое ее происхождение, она могла быть из Пскова, где при раскопках найдена форма для отливки таких застежек/

При раскопках найдено около 900 монет из них 260 в составе 8 кладов. Большинство монет относятся к XVII–XVIII вв. Периодом XIII–XIV вв. датируются только 13. Это две монеты XIII в. (Готланд и Вестфалия) и 11 пфеннигов — брактеатов XIV в. чеканки городов Вендского монетного союза — Любека, Гамбурга, Мекленбурга, Линебурга, а также готы конца XIV в. из Висби. Для XV–XVI вв. преобладают монеты городов Ливонии. Русские копейки появляются в Валмиере, как и вообще в

Ливонии, только во время Ливонской войны: это одна новгородская 1549 г., вторая тоже чеканки Ивана Грозного, стерта.

Валмиера принадлежала к числу малых городов Ганзы, и ее роль в союзе была незначительной. Но благодаря участию в Ганзейском союзе торговцы Валмиеры были в него интегрированы, информированы о правилах торговли, обязательном качестве товаров, о стандартах веса, мерах длины и о других вопросах. Поэтому для развития Валмиеры участие ее в Ганзейском союзе имело большое значение.

Источники

Hildebrand H. Das Rigische Schuldbuch (1286–1352). St. Petersburg, 1872. Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften.

Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch, 1884. Hildebrand H. (Hg.). Riga; Moskau. (LUB, Abt. 1, Bd. 8, Nr. 1022).

Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch, 1905. Arbusow L. (Hg.). Riga; Moskau: J. Deubner. (LUB, Abt. 2, Bd. 2, Nr. 630).

Литература

Berga T. Saliekamie svarīņi Latvijā (10–13gs) // *Arheoloģija un etnogrāfija*. 18. Rīga, 1996. lpp. 49–61.

Berga T. Valmieras vecpilsētas arheoloģija. Rīga, 2018.

Misāns J. Valmieras senās Hanzas pilsētu savienība: mantojuma izpēte. 2017. [Электронный ресурс]. URL: http://www.visit.valmiera.lv/images/userfiles/Valmiera_Hanzas_laiki.pdf (дата обращения: 01.02.2018.).

Mugurēvičs Ē. Svarīgie ceļi lībiešu un latgaļu teritorijā // *Arheoloģija un etnogrāfija*. III. Rīga, 1961.

Васильев М. А. Кожаная сумка из Петровского XI раскопа в Пскове // *Археология и история Пскова и псковской земли*. Вып. 29. М.; Псков; СПб., 2014. С. 77–81.

Холден Л. И. Кистени и весовые гири. Переоценка функционального назначения известной категории находок. // *Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева*. Великий Новгород; СПб.; М., 2009.

Ковалев Р. К. Новгородские деревянные бирки: общие наблюдения // *Российская археология*. 2002. № 1. С. 38–50.

Берга Татьяна Михайловна, доктор исторических наук, ведущий исследователь Института истории Латвии (Латвийский университет, Рига, Латвия); эл. почта: tatjana_berga@inbox.lv.

Брузис Рудольф, доктор исторических наук, исследователь Института истории Латвии (Латвийский университет, Рига, Латвия); эл. почта: rudolfs.bruzis@lu.lv.

Trade in the Hanseatic city of Valmiera according to the archaeological data

The city of Valmiera was created during the period from the end of the 13th century to the beginning of the 14th century, on the important land road of ancient trade. The goods passed from Riga through Valmiera to Pskov and further to Novgorod. Particularly active road was used during the 13th-15th centuries. That contributed to the urban development, and in the 1365 Valmiera became a member of the Hanseatic League. Written sources about Valmiera traders has been recorded since the end of the 13th century. In Valmiera Castle, from the 1385 to 1500, took place more than 32 days of Hanseatic cities. However, Valmiera did not become a distance trading center, because trade between the East and West through Livonia could only take place through Riga traders.

We know very little about the history of the old town as the archive of the city has not survived, so archaeological data play an important role. There is not much trade inventory findings in Valmiera. In the castle, there were three chalices of the weights and a shoulder from the 14th century folding scales. In the 14th century wooden building a counterweight bead from the oldest type of steelyard has been found. Another weight from the chronologically later type of the steelyard, usually consisting of a metal rod, a hook and a counter ball, was found in the 15th/16th century layer. Several lead seals were found, but only one of the preserved consisted the coat of arms of Danzig. Also was found one typical antiquity of Lithuanian origin - detail of the leather wallet switch, well known in Lithuanian archaeological material from the 14th-16th century. However, it is possible that the part of the switch was imported from Russia as well, because in the excavations of Pskov there was found the form of such a shutter. About 900 coins were found in excavations. In the local trade, Valmiera, like other Livonian cities in the territory of Latvia, served as a place for agricultural goods collection for Riga trade. Valmiera belongs to the small Hanseatic city family and its role in the union was not of high importance. However, its traders were integrated into the Hanseatic trade, were aware of trading rules, quality, weight and measure standards and other issues. All this contributed to Valmiera's trade and city development.

Tatjana Berga, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Latvian History (University of Latvia, Riga, Latvia); e-mail: berga@inbox.lv.

References

- Berga T.* Saliekamie svarīgi Latvija (10–13gs) // *Arheoloģija un etnogrāfija*. 18. Rīga, 1996. lpp. 49-61.
- Berga T.* Valmieras vecpilsētas arheoloģija. Rīga, 2018.
- Misāns J.* Valmieras senās Hanzas pilsētu savienībā: mantojuma izpēte. 2017. [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.visit.valmiera.lv/images/userfiles/Valmiera_Hanzas_laiki.pdf (data obrashcheniya: 01.02.2018.).
- Mugurēvičs Ē.* Svarīgie ceļi lībiešu un latgaļu teritorijā // *Arheoloģija un etnogrāfija*. III. Rīga, 1961.
- Vasil'ev M. A.* Kozhanaya sumka iz Petrovskogo XI raskopa v Pskove // *Arheologiya i istoriya Pskova i pskovskoj zemli*. Vyp. 29. M.; Pskov; SPb., 2014. S. 77–81.
- Holden L. I.* Kistenii i vesovye giri. Pereocenka funkcionāl'nogo naznacheniya izvestnoj kategorii nahodok. // *Horoshie dni. Pamyati Aleksandra Stepanovicha Horosheva*. Velikij Novgorod; SPb.; M., 2009.
- Kovalev R. K.* Novgorodskie derevyannye birki: obshchie nablyudeniya // *Rossijskaya arheologiya*. 2002. № 1. S. 38–50.

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(476)

Лютая А. Э.

ИСТОРИОГРАФИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Проблема формирования основных классов капиталистического общества занимает ключевое место в исследовании эволюции социальной структуры в период зарождения индустриального общества. В Беларуси эти процессы имели свои особенности на фоне остальных регионов Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX столетия.

Ключевые слова: Историография, социальные процессы, буржуазия, пролетариат, торговля, индустриальное общество, социально-экономическое развитие, феодальные отношения.

Проблема формирования буржуазии и пролетариата занимает ключевое место в исследовании эволюции социальной структуры в период зарождения индустриального общества.

Низкие темпы развития экономики Беларуси, ее аграрный характер тормозили социальные процессы в этом регионе. Бесспорно, что немаловажное значение имело влияние капиталистического рынка Западной Европы и близость этих территорий. Политика буржуазии развитых европейских капиталистических государств в конце XVIII – первой половине XIX в. была направлена на превращение отсталых государств в аграрно-сырьевой придаток, что неизбежно приводило к торможению процесса зарождения и развития капитализма как первой стадии индустриального общества. Кроме того, экономический и социальный прогресс на территории Беларуси сознательно тормозился политикой российского самодержавия, которое также стремилось сохранить сырьевой ха-

рактер экономики этого региона и рынок для промышленной продукции центральных губерний империи.

К. Маркс в работе «Убогость философии» выделял две стадии в истории формирования буржуазии: «... в первой ... она складывается в класс в условиях господства феодализма и абсолютной монархии, в другой, когда уже сложился класс, она низвергает феодализм и монархию, чтобы из старого общества создать общество буржуазное»¹. В исследуемый период на территории Беларуси можно выделить фактически только первую стадию процесса формирования буржуазии, которая продолжалась и в первые десятилетия после реформы 1861 г. и проведения других буржуазных реформ, которые носили ограниченный характер и не сразу могли повлиять на интенсивность социальных процессов в период формирования индустриального общества. Эта стадия отличалась продолжительностью, медленными темпами, противоречивостью, взаимопроникновением и переплетением социальных групп и прослоек, что, как отмечает Г. П. Готина, отражает в социальном плане «... пестрый хаос переходных форм и в экономической сфере»².

В. И. Ленин в работе «Крах II Интернационала» писал: «Чистых явлений ни в природе, ни в обществе нет и быть не может, об этом учит ... диалектика Маркса, которая показывает нам, что само понятие чистоты есть некоторая узость, односторонность человеческого познания и не охватывает предмет до конца во всей его сложности. В мире нет и быть не может «чистого» капитализма, а всегда есть примеси или феодализма, или мещанства, или еще чего-нибудь»³. Необходимо отметить, что такие примеси не только в экономике, но и в социальной жизни Беларуси усложняют характеристику и процесса генезиса индустриального общества.

Беларусь вступила на путь развития индустриального общества и буржуазного этапа его развития как первой его стадии со значительным опозданием и стала объектом воздействия как общероссийского, так и европейского капита-

¹ Маркс К. Сочинения в 30 т. М., 1959. Т. 4. С. 183.

² Готина Г. П. Источники комплектования и генезис буржуазии // Социальная структура общества в XIX в.: Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982. С. 328.

³ Ленин В. И. Полное собрание сочинений в 50 т. М., 1979–1983. Т. 26. С. 241–242.

листического рынков. Аграрный характер экономики региона определил и состав буржуазии: самой многочисленной и фактически единой ее категорией была торгово-ростовщическая. Одновременно, как отмечал Ф. Энгельс в своем анализе буржуазии Германии⁴, экономическая сила этой буржуазии, в сравнении с западноевропейской, была весьма незначительной и слабо влияла на социально-экономическую жизнь этой территории.

Второй особенностью формирования буржуазии в Беларуси было наличие «черты еврейской оседлости» и значительный (очень часто подавляющий) процент еврейского населения среди купечества и предпринимателей. Однако политика дискриминации российского самодержавия в отношении еврейского населения и особенно купечества тормозила развитие торговли, предпринимательства, процессов формирования буржуазии и генезиса капитализма. Источником комплектования буржуазии в регионе были в основном городские торговцы, немногочисленное купечество, часть шляхты и богатые ремесленники⁵. На начальном этапе формирования буржуазии Беларуси наиболее многочисленную часть ее составляла торговая буржуазия, которая смогла разбогатеть за счет экспорта зерновых, скота и другой сельскохозяйственной продукции.

«Буржуазия во всех странах, — считал Ф. Энгельс, — вышла из рядов мелкой буржуазии⁶. Однако в Беларуси в отличие от других регионов роль и значение мелкой буржуазии, как считает А. М. Лютый, сохранилась не только на начальном этапе генезиса капитализма, но и после проведения буржуазных реформ. Слабое развитие капиталистических форм производства определило и еще одну особенность формирования буржуазного класса — долгое сохранение на территории Беларуси ростовщичества, как основной формы кредита, и ростовщиков, как специфической буржуазной социальной группы, тесно связанной с докапиталистическими формами отношений⁷. На наш взгляд, автор этой концепции переносит

⁴ Маркс К. Сочинения в 30 т. М., 1959. Т. 4. С. 46–47.

⁵ Люты А. М. Сацыяльна-эканамічнае развіццё Беларусі ў другой палове XVIII — першай палове XIX ст. Мн., 2004. С. 308–316.

⁶ Маркс К. Сочинения в 30 т. М., 1959. Т. 4. С. 47.

⁷ Люты А. М. Сацыяльна-эканамічнае развіццё Беларусі... С. 223.

оценки, характерные для второй половины XVIII — первой половины XIX в. на весь пореформенный период, который не был столь однозначным, и 60–80-е гг. XIX в. значительно отличались от периода 90-х гг. XIX — начала XX в., когда социальные процессы в регионе развивались более быстрыми темпами, да и политика российского самодержавия в Беларуси изменилась под воздействием не только экономических, но и политических факторов.

Характерной особенностью буржуазии Беларуси была ее достаточно тесная экономическая связь с дворянством (аренда, ростовщичество, подряды, посредничество и т. д.). Феодалное общество преобразовывалось в помещичье-буржуазное очень медленно, а главное, под знаком абсолютного сохранения экономических и политических интересов неограниченной монархии и дворянского сословия. Все это сдерживало процесс формирования буржуазии как класса. В условиях, когда буржуазия была экономически относительно слабой, ее функции частично осуществляли дворяне, которые в силу своих узко классовых интересов не могли стать одним из основных социальных источников формирования нового класса индустриального общества. И утверждение В. И. Ленина о том, что в эпоху перехода от феодализма к капитализму в разных странах буржуазия была представлена «разными слоями имущественных товаропроизводителей...»⁸, точно отражает характер этого периода. Однако, на наш взгляд, выполняя иногда экономические функции буржуазии, либеральные помещики-предприниматели Беларуси оставались не только в конце XVIII — первой половине XIX в., но и во второй половине XIX в. дворянами-землевладельцами и их либерализм был ограничен в социальном плане и был враждебен не только интересам крестьян, но и зарождавшейся при экономической поддержке российского самодержавия буржуазии⁹.

Следующая характерная черта процесса формирования буржуазии в Беларуси в исследуемый период, в отличие от других стран и регионов, — наличие низких темпов социаль-

⁸ Ленин В. И. Полное собрание сочинений в 50 т. М., 1979–1983. Т. 26. С. 144.

⁹ Лютая А. Э. Перадумовы фарміравання буржуазіі і пралетарыяту ў Беларусі ў канцы XVIII — першай палове XIX ст. // Весті БДПУ. 2013. № 2. С. 31.

ной эволюции общества, что объясняется низкими темпами экономического развития региона и отсутствием крупных капиталов у предпринимателей. Буржуазия была сконцентрирована в крупных (главным образом губернских) городах и формировалась чаще всего из представителей еврейского населения в атмосфере недоброжелательности и враждебности со стороны крестьянско-помещичьего общества, горожан-христиан и феодального по своей сути государства.

Особенностью процесса формирования социальной структуры индустриального общества было и то, что этот процесс охватил только незначительную часть населения Беларуси и не имел значительного размаха. Если к социальным источникам формирования буржуазии отнести гильдейское купечество, богатых мещан, которые занимались торговлей или имели ремесленные мастерские и промышленные предприятия, а также незначительную часть дворян-предпринимателей, которые поставляли сельскохозяйственные продукты на рынок или владели промышленными предприятиями, то и тогда их численность к концу 50-х гг. XIX в., по подсчетам А. М. Лютого, составит не более 8 тысяч человек обоего пола, т. е. 0,25 % от общей численности населения белорусских губерний¹⁰, а если учесть, что не все помещики, которые занимались предпринимательством, пополнили во второй половине XIX — начале XX в. ряды буржуазии, то этот источник формирования буржуазного класса был объективно еще менее значимым.

Обособление и формирование мелкой сельской буржуазии только начиналось, ведь это был результат продолжительного по времени процесса имущественной социальной дифференциации в регионе не только в исследуемый период. Общая тенденция обнищания белорусского крестьянства в конце XVIII — первой половине XIX в., политика дворянства и самодержавия в отношении к крепостным, которые в одинаковой мере подвергались экономической и социальной эксплуатации, приводили к их нивелировке, к выравниванию их роли и места в системе производства и формирования индустриального общества.

¹⁰ Лютый А. М. Источники пополнения и роста городского населения Белоруссии в конце XVIII — 30-е годы XIX в. // Вопросы истории. Вып. 8. Мн., 1981. С. 65.

Только аграрная буржуазная реформа в Российской империи в 1861 г., отменившая крепостное право, а вместе с тем более широкое вовлечение деревни в товарно-денежные отношения, превращали развитие имущественной дифференциации в процесс зарождения и формирования слоя сельской мелкой буржуазии и предпролетариата. Нельзя не согласиться с ленинской оценкой крестьянства в государстве накануне революции 1905 г.: «Поскольку сохраняются еще крепостнические отношения, поскольку «крестьянство» продолжает еще быть классом, что означает, повторяем, классом не буржуазного, а крепостного общества»¹¹.

Одной из основных причин очень продолжительной консервации черт феодальной социальной структуры деревни было слабое развитие промышленности, потому что безземельные и малоземельные крестьяне даже после реформы 1861 г. не могли окончательно порвать с сельским хозяйством, ведь в городах фактически не нужны были их рабочие руки. В этот период значительная часть горожан оставалась без работы и средств существования. Необходимо отметить, что интенсивность и степень капиталистической эволюции крестьянства в период зарождения индустриального общества напрямую была связана с экономическим развитием региона. В 1866 г. выходцев из крестьян в городах Беларуси насчитывалось всего немногим больше 12 тыс. человек или 3,4 % городского населения¹².

Реализация возможностей капиталистического развития, которая заложена в процесс первоначального накопления капиталов, не владеет механизмом автоматичности. Таким же образом все происходит и с процессом формирования буржуазии. Богатые — это ведь только потенциальные капиталисты. Капиталистами *de facto* они становились только тогда, когда вкладывали свои деньги или собственность, например, в землю, в капиталистически организованные предприятия или хозяйства¹³. Ряды буржуазии Беларуси в исследуемый

¹¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений в 50 т. М., 1979–1983. Т. 6. С. 312.

¹² Панютин В. П. Миграция белорусского крестьянства в города в 60–90-е годы XIX в. // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии: Материалы XII сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем агр. ист. М., 1989. С. 61.

¹³ Чистозвонов А. Н. Генезис капитализма: проблемы методологии. М., 1985. С. 36.

период пополнялся главным образом за счет богатых мещан, гильдейского купечества, которые стали использовать капиталистические методы торговли и производства. Гораздо реже ряды буржуазии в регионе пополнялись за счет выходцев из других классов и сословий — из дворянства и ремесленников. К. Маркс писал: «Без сомнения некоторые мелкие цеховые мастера и еще большее количество самостоятельных мелких ремесленников и даже наемных рабочих превратились в мелких капиталистов, а потом ... в капиталистов sanspharase (без оговорок)»¹⁴.

В Беларуси удельный вес цеховых мастеров в составе буржуазного класса был незначительным. Развитие буржуазных отношений базировалось в основном на позакорпоративных формах производства и обмена, а процессы, которые протекали внутри цехов в городах и местечках белорусских губерний в исследуемый период, свидетельствовали больше о внешнем влиянии процесса генезиса капитализма и приводили ремесленное производство к консервации феодальных структур мелкого производства. Поэтому, затрагивая вопрос о формировании класса буржуазии за счет цеховых мастеров, К. Маркс писал, что «такие случаи редки по самой природе вещей»¹⁵.

Однако некоторые исследователи эти редкие случаи воспринимают иногда как закономерный процесс и приходят к бездоказательным выводам. Например, в монографии В. В. Чепко, посвященной экономическому развитию городов Беларуси XIX в., приведены примеры расширения ремесленных мастерских и превращения богатых владельцев в буржуазных предпринимателей, а их мастерских в капиталистические предприятия¹⁶. Это позволило автору монографии сделать общий вывод о том, что на протяжении первой половины XIX в. ремесленное производство изменилось не только количественно, но и качественно¹⁷.

В. В. Чепко приводит отдельные примеры для доказательства своей концепции. Она пишет, например, что «некоторые кожевенные мастерские Могилева, что существовали в

¹⁴ Маркс К. Сочинения в 30 т. М., 1959. Т. 23. С. 759.

¹⁵ Маркс К. Сочинения в 30 т. М., 1959. Т. 46. С. 497.

¹⁶ Чепко В. В. Население городов и местечек Белоруссии в первой половине XIX в. // Проблемы социально-экономического развития Белоруссии. Мн., 1976. С. 38-39.

¹⁷ Там же. С. 32.

первой половине XIX в., в конце 40-х гг. превращались в мануфактурные предприятия, 12 таких мастерских (из 103) имели по 8–10 рабочих, остальные по 1–2»¹⁸. Однако предприятия с 8–10 рабочими можно отнести только к мелким капиталистическим, а не мануфактурным, да и численность рабочих на этих 12 предприятиях изменялась каждый год и только в отдельные годы превышала 5 человек, а во второй половине XIX в. эти ремесленные мастерские вообще были закрыты, а действовала только одна капиталистическая кожевенная мануфактура, где работало 18 человек¹⁹.

Никогда не было ремесленной мастерской суконного производства в местечке Береза Гродненской губернии, как утверждает В. В. Чепко. А суконное предприятие было создано здесь в 1830 г. сразу как мануфактурное и действовало до 1860 г.²⁰ Похожая картина характерна и для мелких кожевенных предприятий г. Пружаны этой же губернии²¹. Подтверждает тезис В. В. Чепко о превращении ремесленных мастерских в предприятия мануфактурного типа и их владельцев в представителей буржуазии только один пример по г. Гродно, когда ремесленная мастерская Д. Тейслера, на которой работало в конце XVIII в. 2 человека, превратилась в 20-е гг XIX в. в капиталистическую мануфактуру, где работало уже около 20 человек вольнонаемных. В 1829 г., кроме мастера, 3 челядников и 3 учеников, здесь работали 2 подстригача, красильщик и 8 чернорабочих²².

Висследуемый период дворянское предпринимательство продолжало носить крепостнический характер. Н. И. Павленко, характеризуя эволюцию дворянства Российской империи в XVII–XVIII вв., считает, что, во-первых, дворянин, который занимался предпринимательством, не переставал быть дворянином (феодалом). Во-вторых, просчеты и недостатки, связанные с предпринимательской деятельностью, свидетельствова-

¹⁸ Чепко В. В. Население городов и местечек Белоруссии в первой половине XIX в. // Проблемы социально-экономического развития Белоруссии. Мн., 1976. С. 38–39.

¹⁹ Болбас М. Ф. Промышленность Белоруссии. 1860–1900. Мн., 1978. С. 264.

²⁰ НГАБ. Фонд 1. Воп. 27. Спр. 486. Л. 37–38; Болбас М. Ф. Указ. соч. С. 241.

²¹ НГАБ. Фонд 1. Воп. 20. Спр. 232. Л. 4; Болбас М. Ф. Указ. соч. С. 252.

²² НГАБ. Фонд 1. Воп. 3. Спр. 753. Л. 1–2.

ли об очень ограниченных возможностях крепостнического хозяйства в переходный период от феодализма к капитализму²³. На территории Беларуси, например, в 30-е гг. XIX в, из 46 дворян, которые владели промышленными предприятиями в городах и местечках, где была наиболее благоприятная возможность использования вольнонаемного труда, только на 19 предприятиях использование свободных рабочих рук превышало численность крепостных крестьян, а на остальных помещики оказались верны традиционным формам феодального хозяйства²⁴.

Очень часто концентрация капитала в руках дворян (помещиков) не ускоряла развитие промышленности: эти денежные средства шли не на производство, а на удовлетворение бытовых нужд и улучшение условий жизни, т. е. на сохранение экономических и социальных привилегий господствующего класса.

Правда, необходимо отметить единичные примеры использования денежных накоплений дворян для развития предпринимательства, в том числе и промышленности. Так, в 1767 г. в Речи Посполитой была создана Смешенная шляхетская-мещанская компания шерстяных мануфактур²⁵, в 1787 г. — Общество отечественной полотняной фабрики²⁶. Возникают торгово-промышленные шляхетско-мещанские и шляхетско-купеческие организации для обслуживания армии. Руководители и организаторы этих компаний быстро обогащались, но и быстро прекращали свою деятельность, решив свою прагматическую задачу. Поэтому не случайно исследователи социально-экономического развития Речи Посполитой отмечают, что к концу XVIII в. в стране к представителям буржуазного класса можно отнести только около 50 человек дворян²⁷.

Среди малочисленной промышленной буржуазии Речи Посполитой, в том числе и на территории Беларуси, в отли-

²³ Павленко Н. И. К вопросу об эволюции дворянства в XVII—XVIII вв. // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960. С. 75.

²⁴ Лютый А. М. Сацыяльна-эканамічнае развіццё Беларусі ... С. 131–143, 149–156.

²⁵ AGAD. Zbiór z Museum Narodowego. Dział 1. Sygn. 495. S. 14.

²⁶ AGAD. Zbiór z Museum Narodowego. Dział 1. Sygn. 635.

²⁷ Польша на путях развития и утверждения капитализма. Конец XVIII — 60-е годы XIX в. М., 1984. С. 73.

чие от Российской империи, совсем не было выходцев из беднейших слоев мещанского или крестьянского сословий. Чаще всего, как отмечают исследователи, единичные представители богатого мещанства и купечества создавали мелкие промышленные предприятия. В первой половине XIX в. крупная и средняя буржуазия на территории Беларуси была малочисленной и не превышала несколько десятков человек.

Отсутствие крупных капиталов и финансовой поддержки со стороны правительства Российской империи сдерживали процесс формирования новых классов индустриального общества — буржуазии и пролетариата. Социальную эволюцию тормозила и укрепленная столетиями сословная структура и социальная психология крепостнической системы, которая стремилась сохранить свое господство. Последним фактором, который сдерживал формирование индустриального общества на территории Беларуси, да и в целом в Российской империи являлось монопольное право дворян на власть, земельную собственность и общественный престиж, а главное — полное бесправие зависимых крепостных крестьян, феодальные ограничения мещанского сословия и правовая дискриминация еврейского населения, которое в городах и местечках региона составляло большинство населения.

В процессе эволюции феодальных сословий и формирования социальной структуры индустриального общества города и местечки Беларуси играли важнейшую роль. В регионе наблюдалась дифференциация городского и местечкового населения на зажиточную верхушку, которая составляла незначительное меньшинство и беднейшее большинство, главным образом мещан (основная социальная группа белорусских городов и местечек), которые потенциально являлись источником формирования рабочего класса. Второй социальной группой, на основе которой формировались кадры рабочих, было крестьянство, которое проживало в городах и местечках. Так, например, в конце XVIII — начале XIX в. только в городах на территории Беларуси проживало 3737 человек крестьян или 3,8 % от общей численности горожан. В 30-е гг. XIX в. их численность была 3911 человек (2,1 % городского населения)²⁸, а в 60-е гг. XIX в. их численность вы-

²⁸ Лютый А. М. Источники пополнения и роста городского населения Белоруссии ... С. 63.

росла до 12 тыс. человек, что составляло 3,4 % городского населения региона²⁹.

В этот период выходит несколько указов сената, которые разрешали крестьянам переходить в другие социальные группы (мещан и купечество)³⁰. Источники конца XVIII – начала XIX в. называют группы населения, которые жили в городах, «и временно были на разных должностях, занимались торговлей и различными работами». Некоторые, кто «временно работал», возвращались обратно в свои деревни, а часто оставались жить в городах постоянно и записывались в мещанство.

Архивные материалы (отчеты губернаторов и полиции) неоднократно отмечают, что значительное число мещан и крестьян, которые жили в городах, а также мелкая шляхта не имели средств для существования³¹, однако определить точно численность неимущих горожан нет возможности. Численность же рабочих на мануфактурах и в ремесленных мастерских составляла в конце 50-х гг. XIX в. около 6 тыс. человек (0,19 % всего населения региона)³². В исследуемый период шел процесс массовой пауперизации населения городов и местечек. Эти поселения по-прежнему оставались центрами ремесла и торговли, но процесс расслоения мелких товаропроизводителей, становления индустриального общества и развития буржуазных отношений протекал очень медленно.

Одним из важнейших вопросов формирования предпосылок становления индустриального общества является процесс развития имущественного неравенства и социального расслоения крестьянства в условиях крепостнической зависимости. Крестьяне в исследуемый период составляли большинство населения региона. В сравнении со второй половиной XVIII в. в дореформенный период в отдельных хозяйствах происходит резкое сокращение удельного веса зажиточных крестьянских хозяйств (с 11,5 % до 3,2 %), что объясняется развитием барщинной системы и усилением крепостнического

²⁹ Готина Г. П. Указ. соч. С. 328.

³⁰ НГАБ. Фонд 295. Воп. 1. Спр. 277. Л. 118.

³¹ НГАБ. Фонд 295. Воп. 1. Спр. 70. Л. 170; Спр. 129. Л. 131; Фонд 3014. Воп. 1. Спр. 58а. Л. 3.

³² Ченко В. В. Население городов и местечек Белоруссии в первой половине XIX в. // Проблемы социально-экономического развития Белоруссии. Мн., 1976. С. 177.

угнетения. Уменьшился незначительно и удельный вес беднейших хозяйств (с 34,2 % до 31,7 %), но значительно вырос удельный вес середняков (с 54,3 % до 65,1 % всех крестьянских хозяйств). Эта тенденция подтверждается и фактическим материалом, который приводят в своих исследованиях В. В. Чепко и Н. Н. Улащик по первой половине XIX в.³³

В исследуемый период наблюдается обезземеливание крестьянства в целом при одновременной нивелировке материального положения и земельных наделов, шел процесс уменьшения среднего надела на крестьянское хозяйство и увеличение размеров помещичьих земельных владений. Эти тенденции наблюдаются и в пореформенный период, хотя отдельные исследователи пытаются их завуалировать, а иногда и исказить. Так, В. П. Панютич, который рассматривал процесс разложения крестьянства Беларуси во второй половине XIX в., приходит к выводу, что он зашел довольно далеко и вместе с широким использованием наемного труда свидетельствовал о наличии капиталистической системы сельского хозяйства, которая якобы уже в целом сложилась в регионе в 60–70-е гг. XIX в.

Выделение из среды крестьянства качественно различных социальных слоев при наличии феодальных пережитков и полуфеодальной зависимости крестьян не могло привести к социальному расслоению крестьянства как сословия феодального общества и созданию новых буржуазных групп сельского населения. Эти группы (сельская буржуазия и сельский пролетариат преимущественно с наделом земли) могли сложиться только в эпоху господства товарного производства, подчинения крестьянского хозяйства рыночным отношениям, однако в 60–70-е гг. XIX в. таких условий социальных процессов в деревне еще не было. Фактический материал монографии В. П. Панютича противоречит и выводу автора о том, что «в условиях капитализма избавление земли как основного средства производства, экспроприация крестьянства означала его пролетаризацию»³⁴.

³³ Чепко В. В. Население городов и местечек Белоруссии в первой половине XIX в. // Проблемы социально-экономического развития Белоруссии. Мн., 1976., Улащик Н. Н. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии. М., 1965.

³⁴ Панютич В. П. Указ. соч. С. 250, 294–296.

Буквально на следующей странице автор пишет, что к концу 1867 г. в Беларуси было завершено наделение земель безземельных крестьян и шел процесс сокращения обезземеленных дворов и таким образом тормозился процесс пролетаризации как одной из сторон социального (буржуазного) расслоения крестьян в белорусской деревне. Статистические данные и распределение крестьян по социальным [скорее имущественным. — А. Л.] группам в зависимости от наличия наделной земли и скота подобраны тенденциозно, с целью доказать размывание середняков в крестьянской среде и увеличение прослоек беднейшего и богатого крестьянства³⁵.

Средний надел у богатых крестьян был равен в 1877 г. 26,6 десятин, а середняка — 15–20 десятин. Это означает, что основная масса зажиточных была не на много богаче середняков, как и часть беднейшего крестьянства не на много отличалась в имущественном плане от середняков и владела наделами от 10 до 15 десятин.

Если брать за основу количество скота и делить крестьян на группы по принципу В. П. Панютича (заимствованного им у В. И. Ленина, который исследовал процесс имущественного расслоения крестьян в целом по Российской империи), то группа бедняков — это безлошадные и имевшие одну лошадь в хозяйстве, середняки имели 2–3 лошади и богатые крестьяне — по 4 и более лошадей. Сравнительные данные по региону в этом случае будут выглядеть следующим образом (таблица 1).

Таблица 1¹

Группы	1888 г.	1900 г.
Годы		
I. Бедняки	55,20 %	60,90 %
II. Средняки	35,30 %	32,90 %
III. Зажиточные	9,50 %	6,20 %

¹ Таблица составлена по данным: Панютич В. П. Указ. соч. С. 250, 318.

Если же крестьян, в хозяйстве которых была одна лошадь, отнести к середнякам (при малочисленности семьи было достаточно и одной лошади для обработки земли), то картина резко меняется, и мы сможем более объективно охарактеризовать процесс дифференциации крестьянства в белорусской деревне (таблица 2).

³⁵ Панютич В. П. Указ. соч. С. 318.

Таблица 2²

Группы	1888 г.	1900 г.
Годы		
I. Бедняки	18,10 %	18,00 %
II. Середняки	72,40 %	75,80 %
III. Зажиточные	9,50 %	6,20 %

² Таблица составлена автором данной статьи.

Таким же образом обстоят дела и с наделами. В пореформенный период наблюдается та же тенденция, что и в первой половине XIX в. Шел процесс нивелировки, осереднячивания крестьянства, при общем обнищании основной массы.

Этим объясняется и протеворечивость выводов В. П. Панютича. Он считает, что «отмена крепостного права, рост торгового, капиталистического землевладения, вытеснение натурального сельского землевладения, вытеснение натурального сельского хозяйства товарно-денежным привели к разложению крестьянства как класса феодального общества, вымыванию его средних слоев, формированию классов капиталистического общества: сельской буржуазии (главным образом мелкой) и сельского пролетариата, большей частью с наделами»³⁶. На стр. 279 автор делает совсем противоположный вывод: «При наличии крупных пережитков крепостничества в деревне крестьянство оставалось классом феодального общества, классом — сословием». В. И. Ленин писал об этом в 1902 г.: «Против крепостничества, против помещиков-крепостников и государства, которое им служит, крестьянство продолжает еще оставаться классом, именно классом не капиталистического, а крепостнического общества, т. е. классом — сословием»³⁷.

Не всегда сведения о буржуазном расслоении феодального крестьянства и отдельные случаи найма в крестьянском хозяйстве, литовские историки Л. Мулявичус и М. Ючас не считают показателем буржуазных отношений в исследуемый период. Когда бедная вдова брала в свой дом работника, потому что не могла сама справиться с хозяйством или когда община нанимала пастуха или найм работников в период уборки

³⁶ Панютич В. П. Указ. соч. С. 250.

³⁷ Ленин В. И. Полное собрание сочинений в 50 т. М., 1979–1983. Т. 6. С. 311.

урожая, существовали всегда и не определяли характер общественных отношений³⁸.

Новые черты расслоения крестьянства наблюдаются прежде всего в районах, расположенных рядом с крупными торгово-промышленными центрами. Это было характерно для государственных крестьян и в меньшей степени для крестьян, которые принадлежали крупным церковным и светским землевладельцам. Немногочисленные случаи использования принудительного наемного труда в Беларуси еще не доказывают его буржуазного характера. В сравнении с оплатой даже дворовой прислуге в имениях плата работникам была в 10 раз меньше³⁹. Они обычно получали за сезон от 5 до 12 руб⁴⁰. Не обходилась без принуждения и отправка крестьян на заработки (строительные, земляные, лесозаготовительные и погрузочно-разгрузочные работы). Государственные крестьяне в таких случаях также не являлись исключением. Таким образом, накануне отмены крепостного права наем не имел широкого распространения. На вотчинных винокурных, кирпичных, лесопильных и мукомольных предприятиях преобладал принудительный труд. Положение не меняла и отдача этих предприятий в аренду купцам и мещанам.

До конца исследуемого периода в Беларуси преобладали вотчинные предприятия с использованием труда крепостных крестьян. Слой малоземельных и безземельных крестьян очень долгое время не мог превратиться в социальную группу «сельскохозяйственных рабочих» в современном смысле этого термина, в пласт свободных наемных рабочих, связанных с работодателем только отношениями найма и увольнения. В Беларуси сохранились доиндустриальные формы зависимости. Крестьянство продолжало оставаться сословием феодального общества и элементом натурального хозяйства. Появление прослойки беднейшего крестьянства (безлошадного и безземельного) не свидетельствовало о процессе его пролетариза-

³⁸ Мулявичус Л., Ючас М. Некоторые вопросы генезиса капитализма в Литве. Вильнюс, 1968. С. 32.

³⁹ Шапиро А. Л. Об имущественном неравенстве и социальном расслоении русского крестьянства в эпоху феодализма // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960.

⁴⁰ РГИА. Фонд 716. Оп., 2. Д. 61. Л. 31,34,57; Д. 147. Л. 151-152, 159; Д. 149. Л. 26, 29.

ции, а о пауперизации этой социальной прослойки, о растущем обнищании крестьян.

Период генезиса индустриального общества характеризовался медленным развитием и изменением социальной структуры в Беларуси, зарождением только предпосылок формирования здесь классов нового экономического уклада. Характерной чертой региона в исследуемый период была очень пестрая социальная структура. Крепостное общество превращалось в буржуазное медленно и, главное, под знаком неукоснительного сохранения экономических и политических интересов абсолютистского государства и помещиков. Однако социальные процессы, протекавшие как в городах, так и в сельской местности, были основой, на которой формировалась в дальнейшем новая социальная структура индустриального общества — буржуазия, пролетариат, чиновники и интеллигенция.

Источники

- AGAD. Zbior z Museum Narodowego. Dzial 1. Sygn. 359. S. 132.
AGAD. Zbior z Museum Narodowego. Dzial 1. Sygn. 635.
AGAD. Zbior z Museum Narodowego. Dzial 1. Sygn. 495. S. 14.
НГАБ. Фонд 295. Воп. 1. Спр. 561. Л. 1 182.
НГАБ у Гродно. Фонд 1. Воп. 27. Спр. 486. Л. 37–38.
НГАБ у Гродно. Фонд 1. Вол. 3. Спр. 753. Л. 1–2.
НГАБ у Гродно. Фонд 1. Воп. 20. Спр. 232. Л. 4.
НГАБ. Фонд 295. Воп. 1. Спр. 277. Л. 118.
НГАБ. Фонд 295. Воп. 1. Спр. 70. Л. 170, Спр. 129. Л. 131, Фонд 3014. Воп. 1. Спр. 58а. Л. 3.
РГИА. Фонд 716. Оп, 2. Д. 61. Л. 31,34,57. Д. 147. Л. 151–152, 159; Д. 149. Л. 26, 29.

Литература

- Болбас М. Ф.* Развитие промышленности в Белоруссии (1795–1861 гг.). Мн., 1966.
Болбас М. Ф. Промышленность Белоруссии. 1860–1900. Мн., 1978.
Готина Г. П. Источники комплектования и генезис буржуазии // Социальная структура общества в XIX в.: Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982.
Ленин В. И. Полное собрание сочинений в 50 т. М., 1979–1983. Т. 6.

- Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в 50 т. М., 1979–1983. Т. 26.
- Лютая А. Э.* Перадумовы фарміравання буржуазіі і пралетарыяту ў Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. // *Весці БДПУ.* 2013. №2. С. 31.
- Люты А. М.* Сацыяльна-эканамічнае развіццё Беларусі ў другой палове XVIII – першай палове XIX ст. Мн., 2004.
- Лютый А. М.* Источники пополнения и роста городского населения Белоруссии в конце XVIII – 30-е годы XIX в. // *Вопросы истории.* Вып. 8. Мн., 1981. С. 48–57.
- Маркс К.* Сочинения в 30 т. М., 1959. Т. 4.
- Маркс К.* Сочинения в 30 т. М., 1959. Т. 23.
- Маркс К.* Сочинения в 30 т. М., 1959. Т. 46.
- Мулявичус Л.* Некоторые вопросы генезиса капитализма в Литве. Вильнюс, 1968.
- Павленко Н. И.* К вопросу об эволюции дворянства в XVII–XVIII // *Вопросы генезиса капитализма в России.* Л., 1960.
- Панютич В. П.* Миграция белорусского крестьянства в города в 60-90-е годы XIX в. // *Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии: Материалы XII сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем агр. ист.* М., 1989.
- Панютич В. П.* Социально-экономическое развитие Белорусской деревни в 1861–1900 гг. Мн., 1990.
- Польша на путях развития и утверждения капитализма.* Конец XVIII – 60-е годы XIX в. М., 1984.
- Улащик Н. Н.* Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии. М., 1965.
- Чепко В. В.* Население городов и местечек Белоруссии в первой половине XIX в. // *Проблемы социально-экономического развития Белоруссии.* Мн. 1976.
- Чистозвонов А. Н.* Генезис капитализма: проблемы методологии. М. 1985.
- Шапиро А. Л.* Об имущественном неравенстве и социальном расслоении русского крестьянства в эпоху феодализма // *Вопросы генезиса капитализма в России.* 1960.

Лютая Анжела Эдуардовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси и славянских народов (Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь); эл. почта: ljuti-anatolij@mail.ru.

Historiography of social processes in Belarus in the end of the XVIII – first half of the XIX century

In the article the preconditions of capitalist society classes (bourgeoisie and proletariat) formation in Belarus in the end of the XVIII – first half of the XIX century are characterized. The author shows the reasons of low speed of this process connected it firstly with the low speed of social-economic development of the region and also with the domination of feudal relations in economy and social sphere. Peculiarities of these classes formation are showed: national structure of trade bourgeoisie and pre-proletariat in Belarus, industrial development character of the region, difficulties in Belorussian nation formation.

Until the end of the studied period, patronymic enterprises dominated in Belarus using the labor of peasants. Pre-industrial forms of dependence have been preserved in Belarus. The peasantry continued to be an estate of feudal society and an element of the subsistence economy. The appearance of the stratum of the poorest peasantry (horseless and landless) did not indicate the process of its proletarianization, but about the pauperization of this social stratum, the growing impoverishment of the peasants.

The low rates of development of the Belarusian economy, its agrarian nature, impeded social processes in this region. There is no doubt that the influence of the capitalist market in Western Europe and the proximity of these territories was of no small importance. The policy of the bourgeoisie of the developed European capitalist states at the end of the XVIII – first half of the XIX century was aimed at transforming backward states into an agrarian-raw material appendage, which inevitably led to the inhibition of the process of the origin and development of capitalism as the first stage of industrial society.

Key words: historiography, social processes, bourgeoisie, proletariat, trade, industrial society, socio-economic development, feudal relations.

Angela Lyutaya, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of the History of Belarus and Slavic Peoples (Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University, Minsk, Belarus); e-mail: ljuti-anatolij@mail.ru.

References

- Bolbas M. F. Razvitie promyshlennosti v Belorussii (1795–1861 gg.). Mn., 1966.*
Bolbas M. F. Promyshlennost' Belorussii. 1860–1900. Mn., 1978.
Gotina G. P. Istochniki kompleksovaniya i genezis burzhuzii // Social'naya struktura obshchestva v XIX v.: Strany Central'noj i Yugo-Vostochnoj Evropy. M., 1982.
Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij v 50 t. M., 1979–1983. T. 6.

- Lenin V. I.* Polnoe sobranie sochinenij v 50 t. M., 1979–1983. T. 26.
- Lyutaya A. E.* Peradumovy farmiravannya burzhuazii i praletaryyatu ŷ Belarusi ŷ kancy XVIII — pershaj palove XIX st. // Vesci BDPU. 2013. №2. S. 31.
- Lyuty A. M.* Sacyyal'na-ekanamichnae razvice Belarusi ŷ drugoj palove XVIII — pershaj palove XIX st. Mn., 2004.
- Lyutyj A. M.* Istochniki popolneniya i rosta gorodskogo naseleniya Belorussii v konce XVIII — 30-e gody XIX v. // Voprosy istorii. Vyp. 8. Mn., 1981. S. 48–57.
- Marks K.* Sochineniya v 30 t. M., 1959. T. 4.
- Marks K.* Sochineniya v 30 t. M., 1959. T. 23.
- Marks K.* Sochineniya v 30 t. M., 1959. T. 46.
- Mulyavichus L.* Nekotorye voprosy genezisa kapitalizma v Litve. Vil'nyus, 1968.
- Pavlenko N. I.* K voprosu ob evolyucii dvoryanstva v XVII—XVIII // Voprosy genezisa kapitalizma v Rossii. L., 1960.
- Panyutich V. P.* Migraciya belorusskogo krest'yanstva v goroda v 60-90-e gody XIX v. // Vzaimosvyazi goroda i derevni v ih istoricheskom razvitii: Materialy XII sessii Vsesoyuznogo simpoz. po izuch. problem agr. ist. M., 1989.
- Panyutich V. P.* Social'no-ekonomicheskoe razvitie Belorusskoj derevni v 1861–1900 gg. Mn., 1990.
- Pol'sha na putyah razvitiya i utverzhdeniya kapitalizma. Konec XVIII — 60-e gody XIX v. M., 1984.
- Ullashchik N. N.* Predposylki krest'yanskoj reformy 1861 g. v Litve i Zapadnoj Belorussii. M., 1965.
- Chepko V. V.* Naselenie gorodov i mestecek Belorussii v pervoj polovine XIX v. // Problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya Belorussii. Mn. 1976.
- Chistozvonov A. N.* Genezis kapitalizma: problemy metodologii. M. 1985.
- Shapiro A. L.* Ob imushchestvennom neravenstve i social'nom rassloenii russkogo krest'yanstva v epohu feodalizma // Voprosy genezisa kapitalizma v Rossii. 1960.

Мезга Н. Н.

ПРИБАЛТИЙСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЛОРУССКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ. 1918-1921 гг.

Прибалтийское направление являлось важным для Белорусской Народной Республики в стремлении добиться международного признания. Ее руководство надеялось, что Прибалтийские страны пойдут на сотрудничество в силу общности интересов. Прибалтика рассматривалась БНР и как плацдарм для налаживания связей с Англией, Советской Россией, для привлечения на свою сторону частей Русской Северо-Западной Армии.

Ключевые слова: Белорусская Народная Республика, Прибалтика, международные отношения, военно-дипломатическая миссия, балтийская конференция, международное признание.

Прибалтийское направление стало одним из определяющих в деятельности Белорусской Народной Республики (БНР) с осени 1918 г. На заседании Рады БНР 20 ноября было принято решение добиваться признания, наряду с другими государствами, со стороны Литвы и Латвии. Особое значение придавалось сближению с Литвой, т. к. она по соглашению с Германией получила значительные этнические белорусские территории. Среди белорусских деятелей получила распространение идея федерации с Литвой. Ее сторонники исходили из того, что Литва слаба в культурном и экономическом отношении, и это исключало возможность подчинения ею Беларуси¹. Литовцы искали в лице белорусов союзника, чтобы противостоять польским претензиям на Вильно. 22 октября 1918 г. Рада БНР уполномочила члена Виленской Белорусской Рады (ВБР) Я. Станкевича на ведение переговоров с литовской Тарибой. 15 ноября было оформлено соглашение между Тарибой и ВБР, которое гарантировало определенные культурные права белорусов на территории Гроденщины и Виленщины. Члены ВБР вошли в состав Тарибы. В декабре

¹ *Снапкоўскі У. Е. Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі: у 2 ч. Мн., 2004. Ч. 1. С. 86.*

1918 г. в Вильно переехало правительство БНР во главе с Антоном Луцкевичем².

Но Литва трактовала соглашение как согласие белорусов на присоединение Гроденщины и Виленщины к Литовскому государству. Летом 1919 г., когда обозначилась тенденция к польско-белорусскому сближению, деятели БНР пошли на разрыв с Литвой. 7 июля 1919 г. полномочный представитель БНР в Литве П. Крачевский в отчете главе правительства А. Луцкевичу отмечал, что Литва по-прежнему претендует на значительную часть белорусских земель и, в связи с этим, не может быть сотрудничества на международной арене между БНР и Литвой³. 4 августа на заседании чрезвычайной дипломатической миссии БНР в Берлине было принято решение о ликвидации белорусских учреждений в литовском правительстве и разрыве с Литвой. Объяснялось такое решение стремлением Литвы присоединить к себе территорию Гроденщины и Виленщины. В тот же день делегация БНР обратилась к Парижской мирной конференции с протестом против эксплуатации Литвой лесных богатств Гродненской губернии⁴. Решение о разрыве с Литвой следует признать обоснованным, так как предыдущее белорусско-литовское сотрудничество ничего не дало для достижения международного признания БНР.

В это же время обозначилось положительное отношение к делу белорусской государственности со стороны правительства Латвии, о чем оно заявило в меморандуме Парижской мирной конференции в апреле 1919 г. Правительство БНР решило направить миссию в Ригу и использовать Прибалтику как плацдарм, чтобы добиться поддержки Великобритании. В конце августа в Риге и Ревеле были созданы военно-дипломатические миссии БНР. В Риге ее возглавил К. Езавитов. Он видел, что Великобритания оказывает помощь Латвии и Эстонии и рассчитывал, что и БНР сможет ее получить. К. Езавитов обращался к премьер-министру БНР А. Луцкевичу с предложением активизировать усилия белорусского правительства на британском направлении. Препятствием

² Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. : у 2 кн. / рэдкал. : А. А. Каваленя [і інш.] Мінск, 2011. Кн. 1. С. 370.

³ Лазько Р. Р., Кротаў А. М., Мязга М. М. Беларусь у еўрапейскай палітыцы 1918–1925 гг.: нарысы. Гомель, 2003. С. 62.

⁴ Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка 1918–1920 гг.: ля вытокаў беларускай дзяржаўнасці. Смаленск, 2015. С. 301, 305.

для получения английской поддержки стало то, что Лондон плохо ориентировался в этнической ситуации в Восточной Европе. Кроме того, К. Езавитов не смог сообщить представителям британской дипломатической миссии в Прибалтике точного места пребывания структур БНР, что помешало установлению контактов⁵.

Важной целью деятельности миссии БНР в Риге была организация белорусских вооруженных формирований. К. Езавитов в ноябре 1919 г. установил контакты с генералом С. Булак-Балаховичем. Он позже осенью 1919 г. вышел из рядов Северо-Западной Армии, забрав с собой несколько полков кавалерии и пехоты⁶. Вскоре был оформлен переход отряда Булак-Балаховича на службу правительству БНР. Планировалось, что он перейдет в наступление и займет северо-восточные районы Беларуси. Эстонское правительство содержало белорусский отряд вплоть до заключения мирного договора с Советской Россией. После этого Булак-Балахович согласился получить от Польши денежное содержание и перейти на польскую службу⁷.

Правительство Советской России весной 1920 г., исходя из реалий международной ситуации, также считало полезным наладить контакты с представителями белорусского национального движения. Большевики рассчитывали получить поддержку антипольских сил в белорусском национальном движении для развертывания партизанского движения в тылу польской армии. Также преследовалась цель лишить Польшу возможности выступать в роли протектора национальных движений на западных окраинах бывшей Российской империи и тем самым дискредитировать польскую политику в глазах Запада⁸. Часть белорусского национального

⁵ Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 325. Оп. 1. Д. 110. Л. 38-39.

⁶ *Łatyszonok O. Białoruskie formacje wojskowe 1917-1923. Białystok, 1996. S. 135.*

⁷ Выписка из копии протокола допроса арестованного Езавитова Константина Борисовича от 19 февраля 1946 года. [Электронный ресурс]: URL: <https://bydc.info/bdts-v-arkhivakh/654-dopros-k-ezovitova-o-bulak-balakhoviche-i-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh-belorusskoj-narodnoj-respubliki>. (дата обращения: 01.04.2019).

⁸ Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 325. Оп. 1. Д. 110. Л. 65.

движения склонялась к тому, чтобы пойти на сотрудничество с Советской Россией на антипольской основе.

В апреле 1920 г. контакты между российским советским правительством и Радой БНР начались и через белорусскую военно-дипломатическую миссию в Ревеле. Представитель БНР в Ревеле М. Маркевич получил полномочия Рады БНР на ведение переговоров с советским правительством. Белорусские деятели предполагали поставить перед правительством Ленина вопрос о проведении двусторонней мирной конференции, в ходе которой хотели обсудить принципы, на которых должны строиться отношения между БНР и Советской Россией, а также «империалистические усилия Польши»⁹. 25 апреля Рада БНР направила ноту Г. Чичерину, в которой заявила об искреннем желании «установить добрососедские отношения» с РСФСР и предложила российскому правительству признать независимость БНР в ее этнических границах и приступить к мирным переговорам¹⁰. Уже 26 апреля была получена ответная телеграмма Г. Чичерина военно-дипломатической миссии БНР в Ревеле. В ней советский нарком подчеркивал преданность советского российского правительства принципу права наций на самоопределение, указывал на репрессии польских властей по отношению к белорусскому национальному движению и просил сообщить, какое именно белорусское правительство представляет миссия в Ревеле и какое его отношение к польской оккупационной власти¹¹. 5 мая Г. Чичерин направляет новое письмо на имя секретаря миссии БНР в Ревеле И. Черепука, в котором ставил вопрос относительно территории, которую контролирует правительство В. Ластовского и какое оно может оказать содействие в военных действиях против Польши¹². 25 мая по предложению Г. Чичерина Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение вызвать для переговоров в Москву представителя «белорусского буржуазного правительства»¹³.

⁹ Лазько Р. Беларуска-савецкія перагаворы 1920 г. // *Białoruś w XX stuleciu w kręgu kultury i polityki*. Toruń, 2007. S. 327–328.

¹⁰ Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.) : зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 4 т. Мінск, 2008. Т. 1. Ч. 2. С. 50.

¹¹ *Снапкоўскі У. Е. Шлях скрозь стагоддзе: беларуска-польскія адносіны 1918–2017 гг.* Мінск, 2017. С. 22.

¹² Лазько Р. Беларуска-савецкія перагаворы 1920 г. // *Białoruś w XX stuleciu w kręgu kultury i polityki*. Toruń, 2007. S. 325–326.

¹³ Протокол заседания политического бюро ЦК РКП(б) 25 мая 1920 г. [Электронный ресурс]: URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#sho>

После получения приглашения из Москвы, в Риге было проведено совещание с участием представителей президиума Рады БНР и Рады народных министров, по результатам которого было принято решение переговоры с большевиками вести только на платформе признания независимости БНР.

24 июня 1920 г. в Москву выехала делегация БНР во главе с В. Захаркой. Он встретился с Г. Чичериным и передал ему меморандум, который содержал требование признать независимость БНР и содействовать возрождению белорусского народа в политических, экономических и национально-культурных отношениях¹⁴. Однако переговоры завершились для белорусских деятелей безрезультатно, так как в условиях успешного наступления Красной армии летом 1920 г. руководство РСФСР утратило заинтересованность в таком слабом союзнике, как БНР. В начале августа правительство БНР убедилось в бесперспективности переговоров и отозвало из Москвы В. Захарку¹⁵.

Летом 1920 г. дипломатия БНР активизировала свои действия в столицах прибалтийских государств. 25 июня военный советник Военно-дипломатической миссии БНР в Риге генерал П. Вент, представитель МИД БНР И. Черепук получили полномочия на ведение переговоров с эстонским правительством относительно признания Эстонией БНР. Также предполагалось просить Эстонию о посредничестве в переговорах с Советской Россией. Однако на эстонском направлении дипломатию БНР постигла неудача¹⁶. Территориальный спор с Литвой стал главным препятствием для участия БНР в Балтийской конференции в Риге в августе 1920 г. Хотя, казалось, у белорусских деятелей были основания рассчитывать на литовскую поддержку. Еще в начале 1920 г. было подписано соглашение между правительством Литвы и правительством БНР во главе с В. Ластовским. Последнее получило возможность вести государственно-политическую деятельность в Литве и

wunit&id=57469;tab=img0007 (дата обращения: 10.04.2019).

¹⁴ Короткова Д. А. Белоруссия в советско-польских отношениях в 1918–1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 181.

¹⁵ Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 4 т. Мінск, 2008. Т. 1. Ч. 2. С. 50.

¹⁶ Ціхаміраў А. В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.) Мн., 2003. С. 273.

финансовую поддержку¹⁷. Правительство БНР рассчитывало, что прибалтийские страны могут стать на путь признания БНР. Поэтому оно приложило большие усилия, чтобы добиться участия в Балтийской конференции. В Ригу прибыла белорусская делегация во главе с И. Черепуком. Однако стать полноправным участником конференции она не смогла. Из пяти государств — участников конференции только Литва проголосовала против допуска к ее работе белорусской делегации. А так как решение о расширении состава конференции должно было приниматься единогласно, то делегация БНР не была включена в число ее участников¹⁸.

Рига стала центром дипломатической активности БНР в связи с проходившими в ней со второй половины сентября 1920 г. мирными переговорами между Советской Россией, Советской Украиной и Польшей. Рада БНР направила свою делегацию в столицу Латвии, ставя задачу добиться участия в переговорах. 14 сентября руководитель советской делегации на переговорах с Польшей А. Иоффе писал Г. Чичерину, что Польша может поддержать правительство В. Ластовского в его стремлении принять участие в переговорах¹⁹. В телеграмме от 17 сентября Г. Чичерин дал указание А. Иоффе ни в коем случае не признавать правительство Ластовского, так как это «означало бы непризнание законного Советского Белорусского правительства». В ответ А. Иоффе подчеркнул, что никакого дела с Ластовским иметь не нужно, потому что он, «вероятно, подкушен поляками»²⁰.

2 октября делегация БНР обратилась к президиуму Рижской мирной конференции с декларацией. В ней было заявлено, что ни Польша, ни Россия не имеют права выступать от имени Беларуси. Заканчивалась декларация требованием признать БНР и допустить ее к участию в работе конференции. Не получив ответа на свою декларацию от 2 октября, делегация БНР 5 октября обратилась к участникам Рижской конференции с нотой. В ней подчеркивалась необходимость

¹⁷ *Лебедзева В.* Пакліканая свабодай: нарыс жыцця і дзейнасці Палуты Бадуновой. Гомель, 2018. С. 27.

¹⁸ Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.) : зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 4 т. Мінск, 2008. Т. 1. Ч. 2. С. 125–126.

¹⁹ Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў... С. 157–158.

²⁰ Там же. С. 161.

признания Польшей и РСФСР Белорусской Народной Республики и отвода польских и советских войск с территории Беларуси. Правительство БНР требовало «участия в Российско-Украинско-Польских переговорах как равноправной стороны» и заявляло, «что мир, который определяет судьбу Белоруссии и закрепленный без участия представителей ее законного правительства — Белорусский народ не признает и будет бороться против него всеми возможными способами»²¹. Однако БНР не представляла той силы, с которой участники Рижской конференции должны были считаться. Поэтому все обращения белорусских деятелей к Польше и Советской России оставались без ответа. 12 октября Советская Россия, Советская Украина и Польша подписали в Риге предварительный мирный договор, который, наряду с другим, предусматривал раздел Беларуси.

21 октября в Риге на конференции белорусских социалистических партий было заявлено, что, если будущий мир будет заключен на основе прелиминарного мира, то они будут бороться против него всеми доступными средствами²². Однако очевидно, что надежд на то, что участники польско-советской конференции прислушаются к требованиям белорусских национальных сил, практически не было. Раздел Беларуси был одним из постулатов, на котором держалось польско-советское мирное соглашение. В связи с этим ни польская, ни советская сторона не были заинтересованы в участии белорусской делегации в переговорах и не собирались удовлетворять требования БНР относительно условий будущего мира.

То, что предварительный мирный договор был подписан без участия белорусских представителей, дало основание правительству БНР для новых протестов на международном уровне, и в том числе стало поводом обратиться к странам Прибалтики. 27 октября оно выступило с заявлением Совету послов балтийских государств и правительствам Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и Польши, в которых обратило внимание на первый пункт польско-советского мирного договора, где говорилось о признании независимости Беларуси. Белорусские деятели указывали, что речь о признании независимости Беларуси может вестись только

²¹ Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў... С. 177.

²² Там же. С. 209–210.

на основе акта от 25 марта 1918 г. в ее этнических границах. Через несколько дней негативная позиция правительства БНР по вопросу советско-польского мирного договора была подробно раскрыта в специальном меморандуме²³. Однако это обращение, как и другие обращения к международному сообществу, не принесли БНР желанного результата.

Таким образом, попытки руководства БНР использовать Прибалтику как плацдарм для активной дипломатической деятельности с целью достижения международного признания не принесли успеха. Сами прибалтийские страны не пошли на юридическое признание БНР и не допустили ее участия в работе балтийской конференции. Не удалось через Прибалтику заручиться поддержкой Антанты, прежде всего Великобритании, как и повлиять на политику Советской России на белорусском направлении. Не увенчались успехом и шаги по созданию белорусских вооруженных сил, ядром которых должен был стать отряд С. Булак-Балаховича.

Источники

Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зборнік дакументаў і матэрыялаў: у 4 т. Мінск, 2008. Т. 1. Ч. 2.

Выписка из копии протокола допроса арестованного Езавитова Константина Борисовича от 19 февраля 1946 года. [Электронный ресурс]: URL: <https://bydc.info/bdts-v-arkhivakh/654-dopros-k-ezovitova-o-bulak-balakhoviche-i-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh-belorusskoj-narodnoj-republiki>. (дата обращения: 01.04.2019).

Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 325. Оп. 1. Д. 110.

Протокол заседания политического бюро ЦК РКП(б) 25 мая 1920 г. [Электронный ресурс]: URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=57469;tab=img0007> (дата обращения: 10.04.2019).

Литература

Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: у 2 кн. / рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.] Мінск, 2011.

²³ Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 325. Оп. 1. Д. 110. Л. 134, 135–138.

- Короткова Д. А.* Белоруссия в советско-польских отношениях в 1918–1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2015.
- Лазько Р.* Беларуска-савецкія перагаворы 1920 г. // *Białoruś w XX stuleciu w kręgu kultury i polityki*. Toruń, 2007. S. 325–326.
- Лазько Р. Р., Кротаў А. М., Мязга М. М.* Беларусь у еўрапейскай палітыцы 1918–1925 гг.: нарысы. Гомель, 2003.
- Лебедзева В.* Пакліканая свабодай: нарыс жыцця і дзейнасці Палуты Бадуновай. Гомель, 2018.
- Міхалюк Д.* Беларуская Народная Рэспубліка 1918–1920 гг.: ля вытокаў беларускай дзяржаўнасці. Смаленск, 2015.
- Снапкоўскі У. Е.* Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі: у 2 ч. Мн., 2004. Ч. 1.
- Снапкоўскі У. Е.* Шлях скрозь стагоддзе: беларуска-польскія адносіны 1918–2017 гг. Мінск, 2017.
- Ціхаміраў А. В.* Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.) Мн., 2003.
- Łatyszonok O.* Białoruskie formacje wojskowe 1917–1923. Białystok, 1996.

Мезга Николай Николаевич, доктор исторических наук, декан исторического факультета (Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь); эл. почта: nmezza@gsu.by.

**Baltic direction in the activities
of the Belarusian People's Republic.
1918–1921**

The Baltic direction became one of the defining in BNR activity since autumn 1918. At the meeting of Rada of BNR on November 20th the decision to seek recognition from Lithuania and Latvia was made. Special importance was paid to the rapprochement with Lithuania, as the latter received significant ethnic Belarusian territories under the agreement with Germany. On November 15th, an agreement was signed between the Council of and the Belarusian Rada of Vilna, which guaranteed certain rights of Belarusians in the territory of the Grodno region. The Union of the BNR and the Republic of Lithuania was fragile, and in the summer of 1918 it completely ruptured. At the same time, there was a positive attitude to the case of the Belarusian statehood of Latvia. The BNR government decided to send a mission to Riga and use the Baltic States as a springboard to gain the support of England. At the end of August, BNR military and diplomatic missions were established in Riga and Revel. An obstacle to obtaining English support was that London was poorly

oriented in the ethnic situation in Eastern Europe. The main purpose of the mission of the BNR in Riga was the organization of the Belarusian armed units. The head of the mission K. Jezavitaŭ established relations with General S. Bulak-Balachowicz and recognized him as the commander of a separate military unit of BNR in Estonia. The mission in Revel was used to establish contacts with Soviet Russia. However, the visit of the Belarusian delegation to Moscow did not bring positive results to BNR. The efforts of BNR to achieve participation in the Baltic conference in August 1920 in Riga were unsuccessful. With the beginning of the Polish-Soviet peace talks in September 1920, the BNR delegation arrived in Riga. They sought to participate in the negotiations, but did not find understanding on the part of Soviet Russia and Poland.

Key words: the Belarusian People's Republic, the Baltic States, international relations, military diplomatic mission, the Baltic Conference, international recognition.

Mikalai Miazga, Doctor of Historical Sciences, Dean of Historical Faculty (Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus); e-mail: nmezga@gsu.by.

References

- Gistoryya belaruskaj dzyarzhajŭnasci ŭ kancy XVIII – pachatku XXI st.: u 2 kn. / redkal.: A. A. Kavalenya [i insh.] Minsk, 2011.
- Korotkova D. A. Belorussiya v sovetsko-pol'skih otnosheniyah v 1918–1921 gg.: dis. ... kand. ist. nauk. M., 2015.
- Laz'ko R. Belaruska-saveckiya peragavory 1920 g. // Białoruś w XX stuletiu w kręgu kultury i polityki. Toruń, 2007. S. 325–326.
- Laz'ko R. R., Krotaj A. M., Myazga M. M. Belarus' u eŭrapejskaj palitycy 1918–1925 gg.: narysy. Gomel', 2003.
- Lebedzeva V. Paklikanaya svabodaj: narys zhyccya i dziejnasci Paluty Badunovaj. Gomel', 2018.
- Mihalyuk D. Belaruskaya Narodnaya Respublika 1918–1920 gg.: lya vytokaŭ belaruskaj dzyarzhajŭnasci. Smalensk, 2015.
- Snapkoŭski U. E. Gistoryya znesnnyaj palityki Belarusi: u 2 ch. Mn., 2004. CH. 1.
- Snapkoŭski U. E. Shlyah skroz' stagoddze: belaruska-pol'skiya adnosiny 1918–2017 gg. Minsk, 2017.
- Cihamiraŭ A. V. Belarus' u sisteme mizhnarodnyh adnosin peryyadu paslyavaennaga ŭladkavannya Eŭropy i pol'ska-saveckaj vajny (1918–1921 gg.) Mn., 2003.
- Łatyszczonok O. Białoruskie formacje wojskowe 1917–1923. Białystok, 1996.

Дубровко Е. Н.

СОВЕТСКИЙ ФАКТОР ПОЛИТИКИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПОЛЬСКО- ЛИТОВСКОМ КОНФЛИКТЕ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье показано влияние советского фактора на политику Великобритании в отношении конфликта между Польшей и Литвой после Первой мировой войны. Выявлено, что в своей политике в отношении литовско-польского противостояния островное государство исходило преимущественно из потребностей своих собственных отношений с Советской Россией.

Ключевые слова: Великобритания, Польша, Литва, Советская Россия, Первая мировая война, международные отношения.

К концу Первой мировой войны с распадом империй в Европе активизировались малые народы, пытавшиеся в условиях складывания новой системы международных отношений построить собственные национальные государства. Такие процессы были характерны, в частности, для региона Центрально-Восточной Европы и Прибалтики. Становление здесь новых государств вызвало к жизни многочисленные конфликты, связанные с оформлением территориальных границ. Итоги их урегулирования часто становились результатом не только усилий самих сторон конфликта, но и определялись столкновением интересов крупных европейских держав. Один из таких конфликтов — польско-литовский — неоднократно становился объектом исторических исследований, но при этом и сегодня признается, что роль в нем европейских держав остается в русскоязычной историографии относительно слабо освещена¹. В связи с этим, на наш взгляд, обращение к анализу политики в отношении польско-литовского конфликта одной из ведущих держав Антанты — Великобританией — вполне обосновано. В частности, в рамках этой статьи попытаемся выявить влияние на нее советского фактора.

¹ *Ашарчук В.* Виленская проблема в историографии // Журнал международного права и международных отношений. 2010. № 4. С. 54-61.

При подготовке к мирной конференции эксперты британского внешнеполитического ведомства признавали, что литовцы выступают против союза с Польшей². На конференции в Париже литовская делегация А. Вольдемареса подтвердила эту позицию³, польская же делегация выступила за автономию «территории распространения литовского языка» в составе Польши⁴. Великобритания там же выступила с меморандумом, в котором отмечалось, что балтийские области и Польша должны составить в будущем «пояс», который будет «противостоять географическим преимуществам Германии в торговле с Россией»⁵. При этом определенности в политике в отношении Литвы у Великобритании не было. Об этом свидетельствует тот факт, что в ходе конференции англичане настойчиво запрашивали у литовцев меморандум о возможности федерации с Россией, и в то же время активно интересовались внутренней ситуацией в Литве и собственными организационными возможностями властей в Ковно [в настоящее время Каунас, Литва. — Е. Д.]. При этом англичане не спешили предоставлять им финансовую помощь, так как возможности появления нового независимого государства, по их мнению, определялись его собственным экономическим потенциалом⁶. Наряду с рассмотрением Литвы в экономическом аспекте, Великобритания исходила из необходимости создать в регионе преграду на пути потенциального наступления на запад войск Советской России. Признавалось, что необходимо заменить немецкие войска, на тот момент выполнявшие эту роль, местными силами, а для их организации отправить собственную военную миссию⁷. В качестве местных сил долж-

² Peace Handbooks. London, 1920. Vol. VIII. № 44. P. 60, 62, 141.

³ Рубцов А. Ф. Литва в политике французского империализма 1918–1924 гг. Томск, 1988. С. 97.

⁴ Sprawy Polskie na Konferencji Pokojowej w Paryżu w 1919 r. Dokumenty i materiały: w 3 t./red. K. R. Bierzanek. W-wa, 1965. T. 1. S. 105-107.

⁵ Hovi O. The Baltic area in British policy, 1918–1921: in 3 vol. Helsinki, 1980. Vol. 1. P. 53.

⁶ Subocz J. Polityka zagraniczna Litwy wobec Polski w latach 1918–1923. Lublin, 2013. S. 67, 69, 71.

⁷ Memorandum giving a narrative of events in the Baltic states from the time of the armistice, November, 1918, up to August, 1919 // The National archives. [Электронный ресурс]: URL: <https://discovery.nation->

ны были выступить польские и литовские войска, первые при этом рассматривались как более мощные. Во избежание борьбы между ними за спорные территории конференция установила «линию Фоша», то есть демаркационную линию⁸.

Как видно, в первой половине 1919 г. необходимость противостоять продвижению войск Советской России на запад стимулировала Великобританию к налаживанию хотя бы временного военного сотрудничества Польши и Литвы без окончательного решения вопроса о статусе этих государств и отношениях между ними.

Следует отметить, что британские военные скептически оценивали способности местных вооруженных сил противостоять Советской России⁹. Со своей стороны, премьер-министр Великобритании оценивал ситуацию исходя из экономических интересов своей страны. К концу лета 1919 г. он признал невозможность использования военных методов для создания таможенного барьера между Германией и Россией¹⁰. Ставка была сделана на дипломатию и экономические методы, возможность реализации которых наметилась после того, как 11 сентября 1919 г. правительство Советской России предложило литовскому правительству начать переговоры о перемирии. 25 сентября была отправлена телеграмма британскому представителю в Ковно с уведомлением о признании Литвы де факто. В ней подчеркивалось, что Великобритания предлагает балтийским государствам самостоятельно и сообща решить вопрос о необходимости заключения соглашения с Советской Россией, учитывая, что основная угроза исходит от Германии¹¹. Параллельно с поддержкой налаживания литовско-советских отношений Великобритания проявляла заинтересованность и в улучшении литовско-британских от-

alarchives.gov.uk/details/r/D7644851 (дата обращения: 09.05.2019).

⁸ Sprawy Polskie na Konferencji Pokojowej w Paryżu ... Т. 1. S. 437–442.

⁹ *Žiugžda R. Lithuania and Western powers 1917-1940.* Vilnius, 1987. P. 38.

¹⁰ War Cabinet Papers. [Электронный ресурс]: URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-11.pdf> (дата обращения: 09.05.2019).

¹¹ War Cabinet Papers. [Электронный ресурс]: URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-12.pdf> (дата обращения: 09.05.2019).

ношений. В качестве одного из шагов в этом направлении британское военное ведомство в сентябре 1919 г. отправило по просьбе литовского правительства ряд офицеров в Литву с целью помощи в организации местной армии, которую предполагалось использовать вместо польских войск в Прибалтике, что вызвало недовольство Польши¹². Активизировалось и налаживание торговых отношений¹³. Такая политическая линия в отношении Литвы вписывалась в русло советской политики Великобритании, в рамках которой к концу 1919 г. экономические интересы начинали доминировать, что привело к снятию блокады с Советской России в январе 1920 г. В этих условиях в отношениях между Польшей, ведущей явно агрессивную политику в восточном направлении, и ковенской Литвой, взявшей курс на нормализацию отношений с Советской Россией, Великобритания оказывала поддержку, хоть и весьма сдержанно, литовской стороне. В частности, британский премьер на Лондонской конференции в декабре 1919 г. высказался против чрезмерного расширения Польши за счет литовских земель и идеи польско-литовской федерации¹⁴.

В январе — феврале 1920 г. Польше и Литве было рекомендовано прекратить враждебные действия друг против друга и установить нейтральную зону. В Форин офис [британское внешнеполитическое ведомство. — Е. Д.] утвердилась мысль, навязываемая Литве и Польше, что окончательное решение польско-литовского спора может быть выработано лишь главными союзными державами или Лигой наций. Указанная позиция Великобритании способствовала заключению 20 февраля между Польшей и Литвой соглашения, по которому устанавливалась временная граница между ними по «линии Фоша»¹⁵.

31 марта 1920 г. правительство Литвы проинформировало Г. Чичерина о готовности заключить мир с Советской Россией и 7 мая в Москве начались мирные переговоры с со-

¹² *Hovi O.* Op. cit. S. 193.

¹³ *Навицкас К.* Литва и Антанты (1918–1920 гг.). Вильнюс, 1970. С. 118–119.

¹⁴ Documents on British Foreign Policy 1919–1939. 1st Ser. [1919–1925] / ed. by R. Butler [etc.]. London, 1948. Vol. 2. P. 738–748.

¹⁵ *Ślusarczyk J.* Granice Polski w XX wieku (koncepcje, realizacje, zagrożenia). Toruń, 1994. S. 209.

ветской делегацией, возглавляемой А. Йоффе¹⁶. В то же время польско-советские отношения вступили в острую стадию: в конце апреля развернулось польское наступление в Украине, а с середины мая – контрнаступление советских войск. В этих обстоятельствах Великобритания информировала литовское правительство о желательности соглашения с Польшей по всем спорным вопросам при сохранении литовского нейтралитета в советско-польском конфликте¹⁷. Литовское правительство выразило готовность следовать рекомендациям Великобритании, а вот Польша не захотела отказаться от претензий на Вильно [в настоящее время Вильнюс. – Е. Д.] и литовские территории¹⁸. Почти одновременно с конференцией в городе Спа, на которой Польша было заявлено о необходимости принять линию государственной границы Литвы, которую укажут главные союзные державы, и отказаться от претензий на Виленщину, подошли к концу литовско-советские мирные переговоры. 12 июля был заключен мирный договор между Россией и Литвой, который был подписан и ратифицирован с полного одобрения британского ведомства иностранных дел¹⁹. Даже во второй половине августа – начале сентября, когда Польша развернула успешное контрнаступление на восточном фронте, британские дипломаты, уверенные в его временном характере, рекомендовали Польше воздержаться от атаки на литовцев. Они продолжали отталкиваться в вопросе польско-литовской границы от решений Парижской мирной конференции и от линии литовской границы, указанной в договоре от 12 июля²⁰.

Во многом под давлением Великобритании и в соответствии с рекомендацией Лиги наций, Польша и Литва заключили 7 октября 1920 г. Сувалкское соглашение, которое установило демаркационную линию по «линии Фоша» и далее на

¹⁶ *Žiugžda* R. Op. cit. P. 54.

¹⁷ Conferences of Ministers. Conclusions of Meetings held between Oct. 31. 1919 and Sep. 8. 1920. [Электронный ресурс]: URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-37.pdf> (дата обращения: 09.05.2019).

¹⁸ Documents on British Foreign Policy 1919–1939. 1st Ser. [1919–1925] / ed. by R. Butler [etc.]. London, 1961. Vol. 11. P. 359, 363–364, 366.

¹⁹ Ibid. P.403–404.

²⁰ Ibid. P. 536, 537, 543.

восток от Гродно до железной дороги Лида-Вильнюс. Однако сразу после этого был предпринят поход войска под командованием Люциана Желиговского, который должен был обеспечить отрыв от Литвы и закрепление в дальнейшем за Польшей ряда территорий, включая Вильно. Эта инспирированная Варшавой акция вызвала 12 октября протест со стороны британского поверенного²¹.

Таким образом, в условиях обострения польско-советских отношений, с одной стороны, и нормализации литовско-советских отношений, с другой, Великобритания в польско-литовском конфликте сохраняла пролитовскую позицию, исходя из собственного интереса, заключавшегося в налаживании англо-советских экономических отношений. В то же время в условиях появления опасности продвижения войск Красной Армии на запад желательным являлось достижение нормализации литовско-польских отношений, или, как минимум, нейтралитета Литвы в советско-польском конфликте.

12 октября 1920 г. в Риге был подписан советско-польский договор о перемирии и предварительных условиях мира, и позиция Великобритании в отношении польско-литовского конфликта начала меняться. В частности, уже 16 октября глава британского ведомства иностранных дел инструктировал британского представителя в Варшаве просто придерживаться *status quo* и даже посоветовать умеренность литовцам²². В результате акции Л. Желиговского образовалась так называемая Срединная Литва, территория которой формально не нарушила решения союзников о польско-литовском разграничении и советско-литовский договор, потому дальнейшие усилия Великобритании оказались направлены на прекращение военных действий в регионе. В частности, 29 ноября полковником П. Чардигни, главой военной контрольной комиссии Лиги наций, был подписан протокол о прекращении враждебных действий²³.

По мере нормализации польско-советских отношений в Великобритании стала утверждаться идея о выгодности для нее польско-литовской федерации²⁴. Потому она не спешит

²¹ *Tommasini Fr.* Odrodzenie Polski. W-wa, 1928. S. 213.

²² Documents on British Foreign Policy... Vol. 11. P. 613-614.

²³ *Žiugžda R.* Op. cit. P. 57.

²⁴ Documents on British Foreign Policy... Vol. 11. P. 719-722.

ла с признанием Литвы де юре, хотя 26 января 1921 г. были признаны Эстония и Латвия²⁵. Польско-литовская федерация была полезна для налаживания британской торговли и усиления политического влияния Великобритании в регионе. Польско-литовский союз упростил бы осуществление плана использования этой территории в качестве базы для реализации британских экономических интересов в России. Это было особенно актуально в связи с подходом к концу англо-советских переговоров о заключении торгового соглашения и польско-советских мирных переговоров. К тому же Польша все активнее пропагандировала идею англо-польского экономического сотрудничества²⁶. С другой стороны, такой союз способствовал бы отрыву Литвы от Германии, что позволило бы Великобритании контролировать немецкое проникновение в Советскую Россию через этот регион²⁷. Военные же круги, в лице полковника П. Чадигни, учитывали и возможность совместных военных действий литовских и польских войск в случае таковых «к северу от Пинска», если Красная армия войдет на польскую территорию²⁸.

По отношению к дальнейшим событиям конца 1921 – начала 1922 г., вплоть до обнародования акта объединения Средней Литвы и Польши, британское ведомство иностранных дел демонстрировало выжидательную позицию, по-прежнему поддерживая идею польско-литовской федерации²⁹. В начале 1922 г. прощупывалась возможность реализации обмена: Литва соглашалась бы на передачу Вильно Польше, а получала бы взамен Клайпеду, но на тот момент литовское правительство отказалось. Зато, по сути, подчинилось требованию признать интернационализацию р. Неман, что обеспечило ему признание де юре 20 декабря 1922 г., а Великобритании должно было облегчить доступ в регион³⁰.

Принципиального же значения детали дальнейшего решения территориального спора между Польшей и Литвой для Великобритании больше не имели, так как при любом ва-

²⁵ Žiugžda R. Op. cit. P. 58.

²⁶ Documents on British Foreign Policy... Vol. 11. P. 683–686, 693.

²⁷ Ibid. P. 667–670.

²⁸ Žiugžda R. Op. cit. P. 58–59.

²⁹ Documents on British Foreign Policy. 1st Ser. [1919–1925] /ed. by W. W. Medlicott [and others]. London, 1981. Vol. 23. P. 336.

³⁰ Žiugžda R. Op. cit. P. 63–64.

рианте все эти территории должны были стать доступны для осуществления транзита в Советскую Россию из Европы. Когда в марте 1923 г. Конференция послов в Париже с участием английского представителя приняла решение о международном признании линии восточных границ Польши, закреплявшее за ней ряд литовских территорий, включая город Вильно, это в полной мере отразило позицию Великобритании, охарактеризованную пометкой, оставленной на внутриведомственной документации еще в декабре 1920 г. главой внешнеполитического ведомства Дж. Н. Керзоном: «мнение литовцев меня не интересует»³¹. Очевидно, что при выработке своей политики в польско-литовском конфликте после Первой мировой войны Великобритания исходила прежде всего из потребностей собственных складывавшихся отношений с Советской Россией.

Источники

- Conferences of Ministers. Conclusions of Meetings Held Between October 31, 1919 And September 8, 1920. [Электронный ресурс]. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-37.pdf> (дата обращения: 09.05.2019).
- Documents on British Foreign Policy 1919–1939. 1st Ser. [1919–1925] / Ed. by R. Butler [etc.]. London, 1948. Vol. 2.
- Documents on British Foreign Policy 1919–1939. 1st Ser. [1919–1925] / Ed. by R. Butler [etc.]. London, 1961. Vol. 11.
- Documents on British Foreign Policy 1919–1939. 1st Ser. [1919–1925] / Ed. by W. W. Medlicott [etc.]. London, 1981. Vol. 23.
- Memorandum Giving a Narrative of Events in the Baltic States from the Time of the Armistice, November, 1918, up to August, 1919. [Электронный ресурс]: URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7644851> (дата обращения: 09.05.2019).
- Peace Handbooks: in 25 vol. London, 1920. Vol. VIII. № 44.
- Sprawy Polskie na Konferencji Pokojowej w Paryżu w 1919 r. Dokumenty i materiały: w 3 t. /red. K.R. Bierzanek. W-wa, 1965. T. 1.
- Tommasini Fr.* Odrodzenie Polski. W-wa, 1928.
- War Cabinet Papers. [Электронный ресурс]: URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-11.pdf> (дата обращения: 09.05.2019).

³¹ Documents on British Foreign Policy ... Vol. 11. P. 692.

War Cabinet Papers. [Электронный ресурс]: URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-12.pdf> (дата обращения: 09.05.2019).

Литература

- Ашарчук В.* Виленская проблема в историографии // Журнал международного права и международных отношений. 2010. № 4. С. 54–61.
- Навицкас К.* Литва и Антанта (1918–1920 гг.). Вильнюс, 1970.
- Рубцов А. Ф.* Литва в политике французского империализма 1918–1924 гг. Томск, 1988.
- Novi O.* The Baltic area in British policy, 1918–1921: in 3 vol. Helsinki, 1980. Vol. 1.
- Ślusarczyk J.* Granice Polski w XX wieku (koncepcje, realizacje, zagrożenia). Toruń, 1994.
- Subocz J.* Polityka zagraniczna Litwy wobec Polski w latach 1918–1923. Lublin, 2013.
- Žiugžda R.* Lithuania and Western powers 1917–1940. Vilnius, 1987.

Дубровко Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, (Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь); эл. почта: e_dubrovko@tut.by.

The Soviet Factor in British Policy Towards the Polish-Lithuanian Conflict After the First World War

The article is devoted to the analysis of the policy of one of the leading powers of the Entente – the United Kingdom – in relation to the Polish-Lithuanian conflict. It shows the influence of the Soviet factor on the policy of this state in relation to the conflict between Poland and Lithuania after the First World War.

It is shown that in the first half of 1919 the need to resist the advance of Soviet Russia's troops to the West stimulated the UK to establish temporary military cooperation between Poland and Lithuania without a final decision on the status of these States and relations between them.

At the end of 1919–1920 in the conditions of aggravation of the Polish-Soviet relations, on the one hand, and normalization of the Lithuanian-Soviet relations, on the other hand, Great Britain in the Polish-Lithuanian conflict took the Pro-Lithuanian position, proceeding from own interest consisting in adjustment of the Anglo-Soviet economic relations. At the same time, in the face of the danger of advancing the Red Army to the West, it was desirable to achieve the normalization of Lithuanian-Polish relations, or at least the neutrality of Lithuania in the Soviet-Polish conflict.

With the normalization of Polish-Soviet relations in early 1921 the idea of the profitability of the Polish-Lithuanian Federation began to assert in the UK. In relation to the subsequent events of late 1921 – early 1922, until the promulgation of the unification act of Central Lithuania and Poland, the British foreign office showed a wait-and-see attitude, still supporting the idea of the Polish-Lithuanian Federation. The details of the further resolution of the territorial dispute between Poland and Lithuania were no longer of fundamental importance for the UK, which was reflected in the decision on the Eastern borders of Poland international recognition in March 1923.

Thus, it is revealed that in its policy towards the Lithuanian-Polish confrontation after the First World War, the UK proceeded mainly from the needs of its own relations with Soviet Russia.

Key words: Great Britain, Poland, Lithuania, Soviet Russia, World War I, international relations.

Alena Dubrouka, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World History, (Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus); e-mail: e_dubrovko@tut.by.

References

- Asharchuk V. Vilenskaya problema v istoriografii // Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenij. 2010. № 4. S. 54–61.
- Navickas K. Litva i Antanta (1918–1920 gg.). Vil'nyus, 1970.
- Rubcov A. F. Litva v politike francuzskogo imperializma 1918–1924 gg. Tomsk, 1988.
- Hovi O. The Baltic area in British policy, 1918–1921: in 3 vol. Helsinki, 1980. Vol. 1.
- Ślusarczyk J. Granice Polski w XX wieku (koncepcje, realizacje, zagrożenia). Toruń, 1994.
- Subocz J. Polityka zagraniczna Litwy wobec Polski w latach 1918–1923. Lublin, 2013.
- Žiugžda R. Lithuania and Western powers 1917–1940. Vilnius, 1987.

РОССИЯ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

УДК 930.2(075.8)

Колосова И. О.

О ПСКОВСКОМ «ТОРГОВОМ УСТАВЕ» XIV ВЕКА

В статье рассматривается гипотеза Л. В. Черепнина (1948) о существовании в Пскове в XIV в. специального устава, который регулировал отношения, вытекающие из торгового быта горожан. Современные авторы используют для обозначения этого гипотетического документа термин «торговый устав». К нему Черепниным отнесены нормы, которые регламентируют отношения займа (ссуды), заклада, ссблюдения (поклажи), поручительства, вложения средств в торговлю. В выделенной Черепниным группе статей рассматриваются отдельные казусы, в большинстве случаев связанные со сферой торговли. Говоря о ПСГ в целом, исследователь предположил, что до нас она не дошла в оригинальном (псковском) виде. Тем не менее, можно отметить важность постановки им вопроса о правовом обеспечении торговли в Пскове в XIV в.

Ключевые слова: источниковедение, Псковская судная грамота, торговля, устав, статья, заем (ссуда), заклад, ссблюдение (поклажа), порука.

К вопросу о роли Пскова в торговле между Западной и Восточной Европой исследователи обращались неоднократно. Можно отметить в связи с этим работы А. Л. Хорошкевич¹, в т. ч. — ее статью, посвященную некоторым аспектам русской внутренней и русско-ганзейской торговли в XIV–XV вв.² В работах по источниковедению ПСГ в общей форме отмечается включение в ее состав статей о торговле и важность этой темы для крупного пограничного торгового города.

¹ См., например: *Хорошкевич А. Л.* Псков как посредник между Западной, Северной и Восточной Европой в средние века и начале Нового времени // *Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию летописного упоминания)*. М., 2003. Т. 1. С. 33–39.

² *Хорошкевич А. Л.* Кредит в русской внутренней и русско-ганзейской торговле XIV–XV веков // *История СССР*. 1977. № 2. С. 127–140.

Укажем на местоположение основного торжища Пскова (*Старый Торг, Торговище*) в XIV–XV вв. по письменным и археологическим данным — у Домантовой стены, перед княжим двором³. Правда, существует мнение о том, что сюда иноземные купцы не допускались.

Предположение о существовании в Пскове в XIV в. документа, регулирующего отношения в сфере внутренней торговли и послужившего одним из источников ПСГ, было, как известно, опубликовано Л. В. Черепниным в конце 1940-х гг., причем в первой части фундаментальной монографии о русских феодальных архивах исследователь посвятил Грамоте отдельную главу под названием «Документальное наследие государственного архива Пскова XV в. (Псковская судная грамота)».⁴ Можно отметить, что еще до войны Черепнин в соавторстве с А. И. Яковлевым опубликовал новый перевод ПСГ и комментарии к ней, а в 1945 г. — результаты своего исследования по истории текста памятника⁵. В дальнейшем он обратился к темам истории Пскова в связи с изучением процессов политического объединения русских земель вокруг Москвы и начала государственной централизации⁶.

Присоединяясь к мнению исследователей, относивших создание свода псковских законов к 1397 г., Черепнин сформулировал представление об источниках первой редакции Грамоты. К ним он отнес Правду Александра Ярославича⁷, а также два устава, которые он датировал XIV в. — судебный устав князя Александра Михайловича Тверского (до 1339 г.) и «... специальный устав, регулирующий область гражданских взаимоотношений, вытекающих из торгового быта Пскова: договоры займа, поклажи, поручительства, вложения средств в торговые обороты и т.д.»⁸. Именно этот второй устав, выделенный Череп-

³ Лабутина И. К. Историческая топография Пскова в XIV–XV веках. М., 2011. С. 131–134.

⁴ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Часть первая. М., 1948. С. 408–447.

⁵ Черепнин Л. В., Яковлев А. И. Псковская судная грамота (Новый перевод и комментарий) // ИЗ. Т. 6. 1940. С. 235–297; Черепнин Л. В. К вопросу о составе Псковской судной грамоты // ИЗ. Т. 16. М., 1945. С. 203–231.

⁶ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960.

⁷ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы... С. 438–442.

⁸ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы... С. 442–443.

ниним, получил название «торговый устав» у Ю. Г. Алексева или «Псковский торговый устав» в учебнике по курсу «Источниковедение», подготовленном на историческом факультете Санкт-Петербургского государственного университета⁹.

Итак, к XIV в. (точнее, к концу 1320-х – 1330-м гг.) Черепнин отнес законодательство (*судебный устав*) князя Александра Михайловича Тверского (1327-1337, до 1339 г.) – 25 статей в Воронцовском списке Грамоты. Основное доказательство существования устава князя Александра Тверского – его длительное княжение в Пскове: «... трудно предположить, чтобы его десятилетнее княжение в Пскове не оставило никаких следов в виде юридических памятников»¹⁰. Отметим, что за указанный период князь Александр все же много времени провел вне Пскова. Отнесенные к судебному уставу статьи, как отмечал Черепнин, близки к первоначальной редакции Русской Правды, к позднейшим уставным и судным земским грамотам; они могут быть датированы первой половиной XIV в.¹¹

Согласно наблюдениям Черепнина, текст судебного устава в Воронцовском списке перебит статьями некоего другого устава – о торговле. К нему Черепнин отнес 17 статей: 14–19, 28–33, 38–41, 45¹². Следует отметить, что три из них (38–41) явно по недоразумению попали в этот список, т. к. в них идет речь о правах и обязанностях наймитов и даже косвенного отношения к торговле они не имеют.

Если судебный устав появился, по представлению Черепнина, при Александре Михайловиче, то второй – возможно, несколько позднее. Само их соединение (смещение) могло быть результатом редакторской работы конца XIV в. При этом исследователь отмечает, что тексты уставов подвергались впоследствии неоднократному редактированию¹³.

⁹ Алексеев Ю. Г. Структура текста Псковской судной грамоты // ВИД. Т. XII. Л., 1981. С. 19; Сиренов А. В., Твердюкова Е. Д., Филлошкин А. И. Источниковедение. Учебник для академического бакалавриата. М., 2016 (глава 7. Источники по истории права: 7.4. Судные и уставные грамоты XIV–XV веков. Авторы главы 7 – А. В. Сиренов и А. И. Филлошкин). Отметим, что текст о ПСГ (с. 152–154) значительно более объемный, чем в других современных учебных пособиях.

¹⁰ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы... С. 443.

¹¹ Там же.

¹² Псковская судная грамота. Издание Имп. Археографической комиссии. С 17-ю таблицами. СПб., 1914. С. 4–5, 7–8, 10–12.

¹³ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы... С. 443–444.

Рассматривая вопросы структуры текста ПСГ, а также его историю, Ю. Г. Алексеев также отметил, что его первая часть, до статьи 50 (по старой нумерации), отличается преобладанием систематизированного текста и, скорее всего, может быть отнесена к первой редакции Грамоты (1397 г.)¹⁴. Но можно ли в этой части вычленивать отдельные тексты («уставы», это как принято при изучении РП, где, в ряде случаев присутствуют подзаголовки, которых нет в ПСГ), датировать, установить их содержание? Алексеев дает на этот вопрос отрицательный ответ. Но именно такой подход мы обнаруживаем у Черепнина.

В связи с гипотезой об уставе, регулировавшем в Пскове сферу внутренней торговли, важны как наблюдения над содержанием причисленных к нему статей, так и над их терминологией. Так, важно употребление в этих статьях термина *рубль*. Он фигурирует в статьях 30 (21, 22) и 32, 33 (24)¹⁵ как сумма, при даче которой в долг требуется *запись* (письменный документ, правильно оформленный) и *заклад*. В других же отмеченных статьях используется собирательный термин *серебро*. В. Л. Янин, опираясь, на гипотезу М. П. Сотниковой о серебряных слитках двойного литья, а также на анализ употребления термина «рубль» в берестяных грамотах, пришел к выводу о том, что он распространяется с рубежа XIII–XIV вв. Отмечается также то, что термин «рубль» известен в тверском летописании с 1316 г.¹⁶ Он фигурирует, например, в первой вологодской берестяной грамоте (1300–1320-е гг., возможно, до 1340-х гг.)¹⁷.

¹⁴ Алексеев Ю. Г. Структура текста Псковской судной грамоты // ВИД. Т. XII. Л., 1981. С. 22, 27–28; Алексеев Ю. Г. Вопросы истории текста Псковской судной грамоты // ВИД. Т. XI. Л., 1979. С. 48–68; Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Текст. Комментарий. Исследование. Псков, 1997. С. 122–123, 136–137.

¹⁵ В круглых скобках приведена нумерация по Ю. Г. Алексееву (Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980. С. 8–9; Алексеев Ю. Г. Палеографические наблюдения над списками Псковской судной грамоты // ВИД. Т. X. Л., 1978. С. 70–103).

¹⁶ Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы Великого Новгорода. М., 2009. С. 474–501; Янин В. Л. Русские денежные системы X–XV вв. // Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 366.

¹⁷ Древнерусские берестяные грамоты. [Электронный ресурс]. URL: <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/vologda/1/> (Дата

Таким образом, данные об употреблении термина «рубль», в том числе — новейшие, не противоречат представлению о датировке статей «торгового устава» временем Александра Тверского или несколько более поздним. В то же время, в гипотетическом «судебном уставе» есть упоминания *денги* — термина, появившегося в Московской Руси не ранее последней четверти XIV в., а в псковском законодательстве — видимо, не ранее 1420-х гг., после денежной реформы 1424 г.¹⁸

Каково содержание статей, отнесенных Черепниным к уставу о торговле? Следует напомнить, что исследователь отмечал сохранение в составе Воронцовского списка лишь извлечений из первоначального текста этого устава.

По частным сюжетам эти статьи можно разделить на четыре группы:

1) Статьи о сблюдении (отдаче имущества на сохранение): 14 (9–11), 15 (12), 16–17 (13);

2) Статьи о ссуде (займе, кредите): 28–31 (19–23);

3) Статьи о поручительстве за должника 32, 33 (24);

4) Статья 38 (28) об иске в суд по торговым деньгам¹⁹.

По мнению Черепнина, завершает «устав о торговле» обобщающая статья 45 (35б)²⁰ об иске в суд о торговле, поруче, сблюдении или ссуде²¹.

СБЛЮДЕНИЕ

В ст. 14 (9, 10, 11) рассматриваются вопросы об имуществе, отданном на сохранение (*сблюдение*). Можно отметить упоминание *торговли* (товара?), т. е. статья, несомненно, относится к торговой тематике. В первом случае истец предъявляет *доску* душепризчика умершего. Имущество (*сблюдение*) — это *серебро*²², одежда (*платье*) или ссуда (*крута*), скот («ино чего животнаго»). Оговорено наличие завещания (*порядни*) и (или)

обращения: 21.06.2019); Кукушкин И. П., Гиппиус А. А., Зализняк А. А. Первая берестяная грамота из Вологды // РА. 2018. № 1. С. 164–172.

¹⁸ Янин В. Л. Русские денежные системы ... С. 367.

¹⁹ Псковская судная грамота. Издание Имп. Археографической комиссии. С 17-ю таблицами. СПб., 1914. С. 4–8, 10, 12; Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Текст. Комментарий. Исследование. Псков, 1997. С. 38–40.

²⁰ Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Текст... С. 41.

²¹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы ... С. 443.

²² Слитки? *Серебро* — собирательный термин для обозначения денег, ценного имущества.

рукописания (письменного заверенного акта, хранящегося в архиве (*ларе*); в этих документах, вероятно, не отражены факты передачи имущества на сблюдение (долг покойного). Тогда иск на приказников судом не рассматривается и такой долг они возвращать не должны; равно не рассматривается иск на приказников без *заклада* и без *записи*. Ю. Г. Алексеев считал, что старинная *доска* — неформальный (не заверенный) акт или какой-либо предмет, символизирующий факт сделки о сблюдении²³. *Доска* может пониматься как запись для кратковременного использования (на бересте, на навощенной дощечке (цере)²⁴. Во втором случае имеется документ или некий символический предмет (*запись* или *заклад*); тогда иск предъявляется тому, кто получил имущество умершего (или распоряжается им). Также и душеприказчики умершего без *записи* или *заклада* не могут предъявлять иски по сблюдению, ссуде, торговле умершего.

Ст. 19 (15) также отменяет иск о *сблюдении* по *доскам безименно, по старинь*. По ст. 15 (12) родственники умершего, получившие его имущество по наследству, могут предъявлять иски и без *заклада* и *записи*. Таким образом, сделки могли заключаться и без этих документов. *Доска* также отвергается не всегда, а только тогда, когда нет конкурирующего с ней

²³ Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980. С. 73; Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Текст... С. 62.

²⁴ Примером такой *доски* является новгородская берестяная грамота № 141 (XIII в.). Л. В. Черепнин, рассматривая ее, обращается к тексту ПСГ и приходит к выводу о том, что в документе речь идет о *сблюдении*, связанном с отъездом собственников имущества (Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторические источники. М., 1969. С. 361–362). Авторы первой публикации псковской берестяной грамоты № 4 (XIV в.) сравнивают ее с упомянутым новгородским источником и приходят к выводу о том, что в псковской грамоте № 4 речь идет о дарении; это — дарственная запись (Лабутина И. К., Костючук Л. Я. Псковские берестяные грамоты № 3 и 4 // СА. 1981. № 1. С. 77–78). А. А. Зализняк, уточняя первоначальное чтение, определил, что псковская грамота № 4 — реестр (или часть реестра лиц, которые должны поставить определенные виды кожаных изделий (Зализняк А. А. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // Зализняк А. А., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 178–179). Не исключено, впрочем, что речь в псковской грамоте № 4 идет именно о *сблюдении*.

письменного документа. Как отмечает Ю. Г. Алексеев, в ПСГ прослеживается переход от того времени, когда письменного оформления *сблюдения* и *ссуды* не требовалось и *доска* признавалась достаточным аргументом для судебного иска. Этот порядок — старый, не являющийся в новых условиях общим правилом; он близок к нормам РП. Нововведение ПСГ — это *заклад* и *запись*, «... новый закон, принятый вечем и отражающий новые отношения»²⁵. Пока сделок было мало, и они заключались в сравнительно узком кругу, официальной письменной фиксации не требовалось. Далее Алексеев отмечает, что постепенно сделки выходят за пределы узкого круга лиц, связанных совместными торговыми операциями или соседством, и изменяется порядок их фиксации. Причем, именно оформление *сблюдения* демонстрирует новизну. Итак, *сблюдение* ПСГ — сделка, доступная широкому кругу малознакомых лиц, вступающих в чисто формальные, имущественные отношения²⁶.

А. В. Валеров предполагает существование в отличие от *доски*, являвшейся неформальным актом, *закладной доски* — именного документа с перечнем имущества, который признавался в суде бесспорным доказательством, а также пишет о *записи с закладом* и *закладной грамоте*²⁷.

Текст статей 16–17 (13) дефектен. Тем не менее, очевидно, что в нем речь идет об особой коллизии, связанной со *сблюдением*, например, о пожаре, о грабеже, о какой-то опасности. Тогда передавший имущество на *сблюдение*, возможно, уезжавший надолго по делам, может предъявить иск и вопрос решается крестоцелованием или судебным поединком, причем речь идет о недельном сроке подачи иска. В качестве источника для этой статьи ПСГ Алексеев указывает на титул XI византийской Эклоги, отмечая, в т.ч., терминологическое сходство. Интересно наблюдение Алексея, согласно которому текст ПСГ ближе к греческому оригиналу, чем к переводу в Мериле

²⁵ Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Развитие феодальных отношений... С. 74.

²⁶ Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Развитие феодальных отношений... С. 74–75. Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Текст... С. 62.

²⁷ Валеров А. В. Формы кредитных сделок в Северо-Западной Руси XIV–XV вв. (на примере Псковской судной грамоты) // Вестник СПбГУ. Серия 5. 2010. № 2. С. 136.

Праведном. Отмечается также близость к Закону Градскому, славянской переделке византийского Полихрона²⁸. Итак, норма ПСГ, включенная Черепниным в устав о торговле, оказывается русской переработкой византийского закона, возможно, сделанной в Пскове в XIV в.

По мнению Ю. Г. Алексева, сложность оформления письменной сделки предполагает большую стоимость предмета этой сделки — достаточно ценного имущества. Такая сделка заключается в среде зажиточных горожан (в т. ч. — торговцев) или состоятельных сельских жителей и именно здесь зарождается письменный акт и вытесняется старая патриархальная сделка. Важно то, что этот процесс отражается именно в новых правилах оформления *сблюдения* — передачи на хранение особо ценного имущества, что связано, в том числе, с торговыми операциями²⁹.

Следует обратить внимание на мнение А. В. Валерова о том, что передача в поклажу (сохранение) товара, обеспеченного залогом, превращала *сблюдение* в разновидность торгового кредита³⁰.

Статья 18 (14) отражает, как пишет Алексеев, сделки о *сблюдении* второго сорта, заключаемые на малоценное имущество³¹ и в социальных низах: упоминаются закупен и скотник, зависимые люди, работающие в селе в хозяйстве господина, но сохраняющие остатки своей свободы. При этом, отсутствуя какое-то время («по волости ходить»), они могут предъявить иск об оставленном имуществе. Своего имущества на господине они ищут традиционно, по старине — путем устного показания; предусматриваются присяга и поединок³². Но между кем и кем в этом случае поединок — неясно.

²⁸ Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Развитие феодальных отношений... С. 75–76. К такому же выводу пришел и А. С. Переверзев (см.: Переверзев А. С. Византийское право, как источник Псковской судной грамоты // Юридические науки. 2015. № 3. С. 25–26).

²⁹ Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Развитие феодальных отношений... С. 76; Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Текст... С. 62.

³⁰ Валеров А. В. Указ. соч. С. 136.

³¹ Упоминается *верша* — скорее всего, доля урожая.

³² Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Развитие феодальных отношений... С. 77; Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Текст... С. 62.

Таким образом, согласно этой части текста ПСГ сделки об имуществе строго формализованы и должны быть оформлены документально³³. Для включенных в гипотетический «торговый устав» статей о *сблюдении*, как показывает анализ их содержания, основной вопрос — документальное оформление передачи имущества, прежде всего — ценного, на хранение.

ССУДА

Статья 28 (19) открывает группу статей, связанных со *ссудой* (займом, кредитом). Далее эта тема, включая поручительство за должника, раскрывается в статьях 29–32 (20–24). Ссуда, вероятно, во многих случаях связана с торговыми операциями. В первом случае (ст. 28 (19) иск о возвращении ссуды предъявляется по *доске* и сверх того — по *закладу*: истец может поцеловать крест и получить искомое; *заклад* при этом может быть положен у креста. Поле (поединок) через *заклад* не присуждается. Ю. Г. Алексеев указывает в ПСГ на две группы сделок — под *заклад* и без *заклада*, они оформляются *записью* или *доской*. Далее очевидно, что ссуды более рубля³⁴ даются только под *заклад*; до рубля — и без записи, по *доскам*. Вновь оказывается, что *доска* сама по себе не признается документом, в случае иска по ней поле не присуждается³⁵. Ст. 30 (21, 22) подтверждает незаконность ссуды (займа серебра) более рубля без *заклада* и записи, по *доскам*.

В ст. 29 (20) речь идет об отсутствии *доски* при *закладе* серебра или другого имущества. Наличие *заклада* ставит в выгодное положение кредитора, который может сам выбрать способ доказательства своей правоты. Если ссуда по *закладу* оформлена *доской*, предусматривается обязательная присяга истца или ответчика, т.е. *доска* сама по себе не документ. Если нет *заклада*, а только *доска*, то спор о долге может быть решен судебным *поединком*: *заклад* важнее кратковременной записи³⁶.

³³ Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Развитие феодальных отношений... С. 73–74.

³⁴ Как отмечено выше, упоминание в этой группе статей *рубля* может иметь датирующее значение; автор отмечает, что рубль ПСГ примерно равен трем гривнам РП (Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Развитие феодальных отношений... С. 78).

³⁵ Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Развитие феодальных отношений... С. 78–79; Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Текст... С. 65.

³⁶ Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Развитие феодальных

В ст. 31 (23) идет речь об иске по доскам о *ссудном серебре*, а, сверх того, на суде представляется *заклад* — платье, доспех, даже конь и другое имущество («незрачее и животное»). Представление *заклада* не ведет автоматически к судебному решению в пользу истца. Должник, как пишет Ю. Г. Алексеев, может отказаться от своего *заклада*. Тогда он не возвращает ссуду, а *заклад* переходит в собственность заимодавца (т. е. речь идет о ссуде под залог имущества). Прецедент сводится к тому, что ссуда была дана по старым нормам, без документа³⁷.

Следует отметить, что в статьях, которые относятся к заключительной части ПСГ и не связываются с уставом о торговле, также рассматриваются вопросы возвращения долга кредитору³⁸.

Итак, статьи ПСГ о ссуде (займе, кредите), вероятно, в основном имеют отношение к торговым операциям.

Проблемы распространения кредита в русской внутренней и русско-ганзейской торговле рассматриваются в статье А. Л. Хорошкевич³⁹. Причем если в ганзейской торговле существовали запреты на кредитование (часто, впрочем, нарушаемые), то во внутренней торговле кредит был довольно распространенным явлением. Хорошкевич выделяет такие виды кредита как денежный и коммерческий, предоставляемый покупателю в форме отсрочки платежа за партию товара⁴⁰. Автор отмечает, что из законодательных памятников тема кредита, долговых отношений, в т. ч. и в торговле, регламентируется именно в ПСГ⁴¹. Подчеркивается, что Грамота «... очень строго разделяла просто долг (ст. 36⁴²) и долг, сделан-

отношений... С. 79.

³⁷ Валеров А. В. Указ. соч. С. 136.

³⁸ Например, статьи 104 (101), 107 (104). В комментариях к этим статьям Ю. Г. Алексеев отмечает широкое развитие ссуды под заклад имущества, в т.ч. — недвижимого (участок земли, двор, клеть), причем в некоторых случаях продолжает сохраняться старый порядок — ссуда неформальная, без записи (но с залогом); см.: Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Текст... С. 46, 80–81.

³⁹ Хорошкевич А. Л. Кредит в русской внутренней и русско-ганзейской торговле ... С. 127–128.

⁴⁰ Там же. С. 125.

⁴¹ Там же. С. 126.

⁴² Ст. 26 по Алексееву.

ный в процессе торговли: «долг» и «торговые деньги» (ст. 38⁴³). Ю. Г. Алексеев также писал о «торговых деньгах» как о кредитных отношениях, которые возникали при торговых операциях⁴⁴. О четком разграничении в ПСГ денежного и торгового займов писал также А. В. Валеров⁴⁵.

А. Л. Хорошкевич отмечает, что при возвращении долга по долговой расписке (*доске*), должник получал документ (*рядницу*), удостоверявший возвращение им торгового долга. Существовал еще один вид документа, обеспечивавшего торговый заем — *запись*. Хорошкевич приводит мнение о том, что *запись* ПСГ может пониматься как вексель. Только по этому документу, согласно ст. 14 (9), можно было требовать от наследников умершего возвращения торгового займа (*ссуды*). На поручителя также можно было искать торговой ссуды или денег, но в этом случае в *записи* должен был содержаться перечень имущества. Отметим вывод исследовательницы о применении кредитования в псковской торговле — как в денежной, так и в товарной форме⁴⁶.

А. В. Валеров также подчеркивает значение ПСГ в рассмотрении этой темы кредита: в источнике представлены «... статьи, касающиеся оборота прав собственности, имущественных споров и обязательственных отношений, регламентации сложившихся естественным путем торговых порядков»⁴⁷. Автор рассматривает мнения историков прошлого о ссуде (займе) ПСГ и останавливается на вопросе о формах кредитных сделок — крупных и мелких, более рубля или меньше. Он определяет мелкие долговые сделки как потребительский кредит, использовавшийся для личных нужд. Крупные сделки следовало оформлять документально — это новация ПСГ по сравнению с РП. *Запись* — договор займа, обязательно поступавший в государственный архив при Троицком соборе (*ларь*)⁴⁸. Что касается *досок*, то Валеров отмечает их широкое применение в кредитных операциях, это древняя форма за-

⁴³ Ст. 28 по Алексееву.

⁴⁴ Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Развитие феодальных отношений... С. 82–83.

⁴⁵ Валеров А. В. Указ. соч. С. 134.

⁴⁶ Хорошкевич А. Л. Кредит в русской внутренней и русско-ганзейской торговле... С. 128.

⁴⁷ Валеров А. В. Указ. соч. С. 131.

⁴⁸ Там же. С. 133–134.

верения долгового обязательства, основанная на доверии кредитора к заемщику: первый «... для себя составлял список должников с указанием размера долга»⁴⁹. При этом «торговые деньги» взимались с должника в том случае, когда существовали *доска* и *рядница* (последняя — правильно оформленная, в двух экземплярах). В торговых делах *доска* была очень важна, с ней было связано оформление договоров товарищества, поручительства, сделок поклажи⁵⁰ (*сблюдения*).

В статье А. В. Валерова рассматривается также тема кредитов ростовщического и коммерческого, при этом привлекаются в основном статьи первой части ПСГ, т. е. гипотетического «торгового устава». Ростовщический кредит — денежная ссуда (*ссудное серебро*) под проценты. Таким образом, можно предполагать, что в Пскове уже в XIV в. были профессиональные ростовщики, «... генетические предшественники банка ...» в его зачаточной форме⁵¹. Но основным все же был кредит коммерческий, как правило, связанный с *порукой* (поручительством).

ПОРУКА

В статьях 32, 33 (24) речь идет о поручительстве за друга по ссуде в серебре. Еще раз можно напомнить, что сумма ссуды по поруке, не подтвержденная документом, при этом не может быть более рубля. Именно правильно оформленный документ обеспечивает возвращение ссуды. Это возвращение также должно быть подтверждено грамотой, находящейся в архиве (*ларе*). Если такого документа не было, то порука не помогала вернуть ссуду. При этом мелкая кредитная сделка, обеспеченная только поручительством, видимо, была широко распространена в различных социальных группах⁵².

Итак, обязательное документальное оформление касается главным образом крупных сделок, характерных для зажиточных слоев общества. Поручка, таким образом, распространяется и на торговые дела. Причем она известна, например, по более раннему тексту — договору Смоленска с Ригой (1229 г.). В Пскове, согласно ПСГ, также был распространен институт поруки. По мнению Алексева, в статьях 32, 33 (24) рассматривается частный случай — иск на поручнике, при котором че-

⁴⁹ Валеров А. В. Указ. соч. С. 134.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 135.

⁵² Там же. С. 139.

ловец, по котором дана порука, предъявляет *рядницу* в том, что он уже заплатил требуемую сумму. Но *рядница* признается действительной только в том случае, если она правильно оформлена и в архиве имеется копия, иначе платит поручник⁵³.

Отметим, что статьи 36, 37 (46, 47) отнесены Черепниным к судебному уставу Александра Михайловича. Между тем, в этой группе также есть статьи, упоминающие о торговле. Впрочем, они связаны с кражами. Так, в статье 46 идет речь об опознании человеком своего украденного имущества (*свое што изгибшее*) у другого. Этот другой сообщает, что купил искомое имущество на торгу, не зная у кого — тогда ведется разбирательство (*ему правда дать*), т. е. должно быть доказано, что он купил спорную вещь на торгу и с вором не делился: обвиняемый, если он пользуется хорошей репутацией, может просто принести присягу. В этом случае владелец не может получить украденное. По статье 47 имущество может быть куплено в чужой земле или в городе, а может быть где-то найдено; в этом случае достаточно присяги добросовестного покупателя. Но судят только уличенного в краже, а не того, кто это краденое купил, не зная о незаконности его приобретения⁵⁴.

Рассматривая институт поруки, А. В. Валеров замечает: «... оформление поручительства по товарному кредиту фактически приводило к возникновению новой формы долгового кредитного документа — переводного товарного векселя ... Псковская Судная грамота достаточно отчетливо зафиксировала практикуемый во внутренней торговле Руси XIV — первой половины XV в. порядок применения авалья⁵⁵ и взыскания долга с поручителя, который древнерусское право времен Правды Русской еще не знало»⁵⁶.

ИСКИ О ТОРГОВЫХ ДЕНЬГАХ

В статье 38 (28) идет речь об иске в суд о *торговых деньгах*. Может быть представлена *доска*, а против нее — письменный документ (*рядница*). Как уже отмечалось выше, в случае, если в

⁵³ Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Развитие феодальных отношений... С. 83, 84.

⁵⁴ Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Текст... С. 69.

⁵⁵ *Аваль* — выданная третьей стороной гарантия платежа по векселю; синоним: *поручительство*. См.: Аваль // Академик. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/10962. (дата обращения: 27.06.2019).

⁵⁶ Валеров А. В. Указ. соч. С. 135.

архиве св. Троицы (*ларе*) нет копии этого документа (*противня*), он признается недействительным. Таким образом, не всегда *рядница* имеет преимущество перед *доской* и еще не полностью отвергается старая форма торговых сделок. Причем иск должен быть «по имяни», т. е. он точно адресован и содержит перечисление его предметов⁵⁷. Как писал Алексеев, *торговые деньги* — особый вид займа; это кредит, связанный с торговыми операциями. Эти ситуации рассматриваются в ПрП, по которой такие отношения заключаются без формальностей, в узком кругу лиц, называемых *купцами* — только они занимаются торговыми операциями. По ПСГ в иске о торговых деньгах *доска* имеет значение судебного аргумента (в отличие от иска по обычной ссуде). Исследователь приходит к выводу о том, что в торговых делах еще сохраняется патриархальная неоформленность сделок: признается в качестве аргумента *доска*, «... а далее решает суд божий». Но, в то же время, и в этих делах уже появляется *рядница*⁵⁸.

Наконец, в завершающей гипотетической устав статье 45 (35 б) идет речь об иске о торговле, поруке, сблюдении или ссуде. Но точно состав имущества не указывается, поэтому иск признается несостоятельным⁵⁹.

Итак, что же такое псковский «торговый устав» — историографический миф, подкрепляемый высоким научным авторитетом Л. В. Черепнина, или некий реально существовавший текст, следы которого сохранились в Воронцовском списке Грамоты?

Как показано выше, в выделенной Черепниным группе статей рассматриваются отдельные казусы, в большинстве случаев связанные со сферой торговли. В упомянутом выше учебном пособии по источниковедению приводится мнение большинства исследователей о ПСГ как о цельном кодексе, при составлении которого более ранние тексты оказались слиты в единый текст Грамоты. Причем в этом заключается оригинальность памятника, т. к. в древнерусских законодатель-

⁵⁷ Валеров А. В. Указ. соч. С. 67; Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Развитие феодальных отношений... С. 82.

⁵⁸ Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Развитие феодальных отношений... С. 82–83.

⁵⁹ Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Текст... С. 68–69.

ных актах зачастую более явно прослеживаются их источники — уставы. Здесь же отмечается, что оригинальный текст ПСГ был объемнее дошедшего до нас и имел другой вид: до наших дней сохранилась выписка, подготовленная для Москвы; причем она редактировалась и в Пскове, и в Москве⁶⁰.

Ю. Г. Алексеев, считая грамоту Александра Невского источником ПСГ, отмечает, что она (из-за многочисленных разновременных вторжений в ее текст) не может быть реконструирована. Он предполагал, что эта грамота строилась по образцу новгородско-княжеских докончаний, включавших, в том числе, регулирование вопросов торговли — группу статей о размерах торговых пошлин, о мыте и его размерах, о поездках в другие земли, о Немецком торговом дворе.

Статьи, отнесенные Черепнинным к «торговому уставу», по Алексееву сгруппированы по другому принципу — они регулируют и регламентируют порядок заключения и документального оформления разного рода сделок, в т. ч. — в сфере торговли. Всего, как пишет Алексеев, в первой части Грамоты (статьи 1–50) не менее 11–12 тематических разделов, «... не перебивающих и не пересекающихся друг с другом»⁶¹. В то же время, именно на анализе указанной группы статей в основном построена глава III монографии этого исследователя («Суд о сблюдении, ссуде, закладе и поруке»)⁶².

Следует отметить, что, рассматривая вопрос об источниках, отразивших правовое обеспечение новгородской торговли, Е. А. Рыбина выделяет среди них новгородско-княжеские докончания, актуальные прежде всего для регулирования вопросов внутренней торговли, в т. ч. — с другими княжествами и землями⁶³. Отметим, что она не видит оснований для реконструкции некоего отдельного новгородского «торгового устава».

Итак, если уставы третьей четверти — конца XIV в. (судебный, торговый, о наймитах, об изорниках, etc.) и существова-

⁶⁰ Сиренов А. В., Твердюкова Е. Д., Филошкин А. И. Указ. соч. С 153–154.

⁶¹ Алексеев Ю. Г. Структура текста Псковской судной грамоты // ВИД. Т. XII. Л., 1981. С. 24.

⁶² Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Развитие феодальных отношений... С. 73–91.

⁶³ Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода. Историко-археологические очерки. Великий Новгород, 2001. С. 6–13.

ли, то они вошли в ПСГ в виде выписок, актуальных для более позднего времени, и были дополнены вставками. Тем не менее, возвращение к давней гипотезе Л. В. Черепнина полезно в связи с важностью темы правового обеспечения русской внутренней торговли XIV–XV вв.

Источники

Псковская судная грамота. Издание Имп. Археографической комиссии. С 17-ю таблицами. СПб., 1914.
Текст // *Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота. Текст. Комментарий. Исследование. Псков, 1997. С. 9–47.

Литература

Аваль // Академик. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/10962 (Дата обращения: 27.06.2019).
Алексеев Ю. Г. Вопросы истории текста Псковской судной грамоты // ВИД. Т. XI. Л., 1979. С. 48–68.
Алексеев Ю. Г. Палеографические наблюдения над списками Псковской судной грамоты // ВИД. Т. X. Л., 1978. С. 70–103.
Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980.
Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Текст. Комментарий. Исследование. Псков, 1997.
Алексеев Ю. Г. Структура текста Псковской судной грамоты // ВИД. Т. XII. Л., 1981. С. 13–28.
Валеров А. В. Формы кредитных сделок в Северо-Западной Руси XIV–XV вв. (на примере Псковской судной грамоты) // Вестник СПбГУ. Серия 5. 2010. № 2. С. 131–142.
Древнерусские берестяные грамоты. [Электронный ресурс]. URL: <http://gramoty.ru/birchbark/> (Дата обращения: 21.06.2019).
Зализняк А. А., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (1984–1989 гг.). М., 1993.
Кукушкин И. П., Гиппиус А. А., Зализняк А. А. Первая берестяная грамота из Вологды // РА. 2018. № 1. С. 164–172.
Лабутина И. К. Историческая топография Пскова в XIV–XV веках. М., 2011.
Лабутина И. К., Костючук Л. Я. Псковские берестяные грамоты № 3 и 4 // СА. 1981. № 1. С. 66–78.

- Переверзев А. С. Византийское право, как источник Псковской судной грамоты // Юридические науки. 2015. № 3. С. 24–27.
- Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода. Историко-археологические очерки. Великий Новгород, 2001.
- Сиренов А. В., Твердюкова Е. Д., Филлюшкин А. И. Источниковедение. Учебник для академического бакалавриата. М., 2016.
- Хорошкевич А. Л. Кредит в русской внутренней и ганзейской торговле XIV–XV веков // История СССР. 1977. № 2. С. 125–140.
- Хорошкевич А. Л. Псков как посредник между Западной, Северной и Восточной Европой в средние века и начале Нового времени // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию летописного упоминания). М., 2003. Т. 1. С. 33–39.
- Черепнин Л. В. К вопросу о составе Псковской судной грамоты // ИЗ. Т.16. М., 1945. С. 203–231.
- Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.
- Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960.
- Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Часть первая. М.; Л., 1948.
- Черепнин Л. В., Яковлев А. И. Псковская судная грамота (Новый перевод и комментарий) // ИЗ. Т. 6. 1940. С. 235–297.
- Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы Великого Новгорода. М., 2009.
- Янин В. Л. Русские денежные системы X–XV вв. // Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 364–375.

Колосова Ирина Олеговна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории (Псковский государственный университет, Псков, Россия); эл. почта: i9113690060@gmail.com.

About the «Pskov Trade Statute» of the XIVth century

Pskov was a major regional and international trade center in the middle ages. Being engaged in active domestic and international trade, Pskov residents were forced to develop a practice of regulating trade relations and credit systems. The article compares the opinions of researchers about the trade articles of the Pskovskaja sudnaja gramota (Pskov Judicial Charter). The hypothesis of L. V. Cherepnin (1948)

about the existence of a special Charter in Pskov in the XIV century, which regulated relations arising from the commercial life of citizens, is considered in particular. Modern authors use the term "Commercial Charter" to refer to this hypothetical document. Cherepnin referred to the Charter norms that regulate the relationship of a loan, zaklad, sblyudenie (poklazha), guarantees, investments in trade. In the group of articles selected by Cherepnin, individual incidents are considered, in most cases related to the sphere of trade. Speaking about the Pskov Judicial Charter as a whole, the researcher suggested that it did not reach us in its original (Pskov) form. Nevertheless, we can note the importance of raising the issue of legal support for trade in Pskov in the XIV century.

Key words: trading, source study, Pskovskaja sudnaja gramota (the Pskov Judicial Charter), edition, statute, clause, loan, pledge, safekeeping.

Irina Kolosova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History (Pskov State University, Pskov, Russia); e-mail: i9113690060@gmail.com.

References

- Aval' // Akademik. [Elektronnyj resurs]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/10962 (Data obrashcheniya: 27.06.2019).
- Alekseev Yu. G. Voprosy istorii teksta Pskovskoj sudnoj gramoty // VID. T. XI. L., 1979. S. 48–68.
- Alekseev Yu. G. Paleograficheskie nablyudeniya nad spiskami Pskovskoj sudnoj gramoty // VID. T. X. L., 1978. S. 70–103.
- Alekseev Yu. G. Pskovskaya sudnaya gramota i ee vremya. Razvitie feodal'nyh otnoshenij na Rusi XIV–XV vv. L., 1980.
- Alekseev Yu. G. Pskovskaya sudnaya gramota. Tekst. Kommentarij. Issledovanie. Pskov, 1997.
- Alekseev Yu. G. Struktura teksta Pskovskoj sudnoj gramoty // VID. T. XII. L., 1981. S. 13–28.
- Valerov A. V. Formy kreditnyh sdelok v Severo-Zapadnoj Rusi XIV–XV vv. (na primere Pskovskoj sudnoj gramoty) // Vestnik SPbGU. Seriya 5. 2010. № 2. S. 131–142.
- Drevnerusskie berestyanye gramoty. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://gramoty.ru/birchbark/> (Data obrashcheniya: 21.06.2019).
- Zaliznyak A. A., Yanin V. L. Novgorodskie gramoty na bereste 1984–1989 gg.). M., 1993.
- Kukushkin I. P., Gippius A. A., Zaliznyak A. A. Pervaya berestyanaya gramota iz Vologdy // RA. 2018. № 1. S. 164–172.
- Labutina I. K. Istoricheskaya topografiya Pskova v XIV–XV vekah. M., 2011.
- Labutina I. K., Kostyuchuk L. Yu. Pskovskie berestyanye gramoty № 3 i 4 // SA. 1981. № 1. S. 66–78.

- Pereverzev A. S.* Vizantijskoe pravo, kak istochnik Pskovskoj sudnoj gramoty // YUridicheskie nauki. 2015. № 3. S. 24–27.
- Rybina E. A.* Torgovlya srednevekovogo Novgoroda. Istoriko-arheologicheskie ocherki. Velikij Novgorod, 2001.
- Sirenov A. V., Tverdyukova E. D., Filyushkin A. I.* Istochnikovedenie. Uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata. M., 2016.
- Horoshkevich A. L.* Kredit v russkoj vnutrennej i ganzejskoj torgovle XIV–XV vekov // Istoriya SSSR. 1977. № 2. S. 125–140.
- Horoshkevich A. L.* Pskov kak posrednik mezhdru Zapadnoj, Severnoj i Vostochnoj Evropoj v srednie veka i nachale Novogo vremeni // Pskov v rossijskoj i evropejskoj istorii (k 1100-letiyu letopisnogo upominaniya). M., 2003. T. 1. S. 33–39.
- Cherepnin L. V.* K voprosu o sostave Pskovskoj sudnoj gramoty // IZ. T. 16. M., 1945. S. 203–231.
- Cherepnin L. V.* Novgorodskie berestyanye gramoty kak istoricheskij istochnik. M., 1969.
- Cherepnin L. V.* Obrazovanie Russkogo centralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vv. M., 1960.
- Cherepnin L. V.* Russkie feodal'nye arhivy XIV–XV vekov. CHast' pervaya. M.; L., 1948.
- Cherepnin L. V., Yakovlev A. I.* Pskovskaya sudnaya gramota (Novyj perevod i kommentarij) // IZ. T. 6. 1940. S. 235–297.
- Yanin V. L.* Denezhno-vesovye sistemy domongol'skoj Rusi i ocherki istorii denezhnoj sistemy Velikogo Novgoroda. M., 2009.
- Yanin V. L.* Russkie denezhnye sistemy X–XV vv. // Arheologiya SSSR. Drevnyaya Rus'. Gorod, zamok, selo. M., 1985. S. 364–375.

Костючук Л. Я.

УНИКАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ О ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ И БЫТЕ ПСКОВИЧЕЙ XVI-XVII вв.

Русско-немецкие разговорники XVI-XVII вв., составленные немцами на Псковской земле, научно значимы, отразив торговые отношения купцов, быт, обычаи, народную речь псковичей удачной системой латинских знаков. Это сохранило уникальные особенности древнего псковского говора. Поэтому тексты разговорника Т. Фенне 1607 г. иллюстрируют псковские слова прошлого в исторической части Псковского областного словаря.

Ключевые слова: разговорники, русские книги, реплики диалогов, торговая лексика, записи иностранцев, псковская народная речь, древнепсковский говор, Псковский областной словарь с историческими данными.

В русистике в советское время потребовалось несколько десятилетий небезопасного сражения — научного труда, по словам Д. С. Лихачева, от «самого образованного филолога XX века» Б. А. Ларина, чтобы доказать право на признание записей русской народной речи иностранцами в прошлом ценными источниками для изучения русской разговорной речи и русского языка вообще. Ученый, исследовав, перевел на русский язык (предварительно кое-что расшифровав) три важных памятника иностранных авторов XVI-XVII вв. о русском языке и издал отдельными монографиями под названиями: «Генрих-Вильгельм Лудольф. Русская грамматика. Оксфорд, 1696 г.», «Парижский словарь москвитов 1586 г.», «Русско-английский Словарь-дневник Ричарда Джемса (1618-1619 гг.)». Такая работа длилась не одно десятилетие, вопреки небезопасным препятствиям, в постоянном мужественном отстаивании объективной значимости материала для лингвистических исследований. В результате в середине XX в. утвердилось в отечественной науке особое, ларинское, направление, признающее значимость записей русской речи иностранцами прошлых веков как ценных источников для изучения русского языка¹.

¹ Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи

И авторы-создатели новаторского в мировой лексикографии «Псковского областного словаря с историческими данными»² и «Обиходного словаря русского языка Московской Руси XVI–XVII веков»³ (идеи принадлежат Б. А. Ларину) имеют возможность в историческую часть словарных статей вводить уникальные примеры псковской народной речи из тех памятников, которым посвящена данная статья.

С послевоенного времени ученые разных стран (Германии, Дании, Норвегии, Польши) ввели в научный обиход (более 10) так называемые особые русско-иноязычные «учебники»-руководства по русскому языку с прекрасными текстами живого русского языка, которые иностранные составители называли «*русскими книгами*» (у нас же еще боролись против «космополитизма» в науке).

В древности «*Русские книги*» облегчали ведение торговых отношений между городами Северной Германии, Прибалтики, с одной стороны, и Русью — с другой. Среди этих пособий особенно выделяются такие, которые были созданы именно на основе бесед с псковскими информантами, тем более и в самом Пскове, поскольку через пограничный город осуществлялись связи с зарубежными купцами.

Историк А. Л. Хорошкевич убедительно показывает, привлекая и языковые примеры, что Псков был «*как посредник между Западной, Северной и Восточной Европой в средние века и начале нового времени*»⁴.

В статье об исторических исследованиях М. Н. Тихомирова, посвященных прошлому русских городов, обращает внимание на себя один древний источник, известный теперь и нам, лингвистам, который мог бы давно (если бы ранее был опубликованным) дать исчерпывающий материал на очень трудный для изучения и историками вопрос о быте древних городов. Одна мудрая фраза из неопубликованного при жиз-

Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002; Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–27. Л./СПб., 1967–2017.

² Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–27. Л./СПб., 1967–2017.

³ Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–27. Л./СПб., 1967–2017.

⁴ Хорошкевич А. Л. Псков как посредник между Западной, Северной и Восточной Европой в Средние века и начале Нового времени // Псков в российской и европейской истории: В 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 33–39.

ни М. Н. Тихомирова памятника в статье А. Л. Хорошкевич стала эпиграфом: «*Без ветру дерево не шумит. Без мысли человек — не живет*». Это русско-немецкий разговорник, составленный в Пскове в 1607 г. Тонни Фенне. Историкам, занимавшимся и ранее древними источниками, он был известен давно.

Ценны наблюдения А. Л. Хорошкевич относительно роли Пскова указанного периода: «...в Пскове складывались благоприятные условия для культурных контактов местного и приезжего — иностранного — купечества. Псков несомненно обгонял Новгород по интенсивности подобных контактов». Показательно, что русско-немецкие словари-разговорники, восходящие к середине XIII в. «сохранили не только общие особенности Северо-западного диалекта, но по преимуществу особенности именно псковского говора»⁵.

С последней же трети XX в. псковским и ленинградским лексикографам, составляющим «*Псковский областной словарь*», сразу по издании в Копенгагене в 1970 г., стал известен этот ценный источник — русско-немецкий разговорник, составленный в Пскове в 1607 г. Т. Фенне. Один из его издателей, известный лингвист Р. О. Якобсон специально прислал его на имя С. М. Глускиной, так как псковичи посылали ему уже выходившие выпуски словаря, а он высоко оценил и поддерживал ларинскую идею и сам словарь как уникальный. Другой издатель, Л. Л. Хаммерих в 1971 г. привез еще экземпляр в подарок библиотеке Псковского пединститута.

Памятник XVII в. содержит много диалогов и списков слов на разные темы, мудрые народные пословицы, поговорки, фразеологизмы. Есть фразы и на церковнославянском языке и почему-то небольшое количество коротких польских текстов.

Т. Фенне разработал свою транскрипцию на основе латиницы для народных фраз, сопроводив тексты переводом на свой нижненемецкий диалект. Издатели же передали русские фразы и кириллицей с сохранением всех особенностей псковской народной речи начала XVII в., дали и перевод на английский, чтобы читатели могли понять смысл местных слов и выражений.

⁵ Хорошкевич А. Л. Псков как посредник... С. 36. Речь идет о памятнике Tonnie's Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov, 1607. Vol. II. Copenhagen, 1970.

Этот труд позволил многим лингвистам во второй половине XX и уже в XXI в. использовать его и для своих исследований, и для теоретических открытий. Вспомним многие работы С. М. Глускиной⁶. Академику А. А. Зализняку, например, случаи типа «*аз тебе не виновате*», «*разочкльсь*» помогли подтвердить предположение о своеобразном окончании *-e* вместо *-ъ* в именных формах мужского рода единственного числа как грамматический признак особого древнего псковско-новгородского диалекта⁷. А образования типа «*мочи~~л~~до*» вместо «*мочи~~д~~до*» (на месте праславянских древних сочетаний **dl*, **tl*, изменившихся в общевосточнославянском языке в один звук **l*, выявили важную (но трудно объяснимую) специфику псковских говоров в условиях особого языкового пограничья. Ведь подобные факты пытался с XIX в. объяснить и академик А. А. Шахматов, так как впервые заметил их только в псковских памятниках Л. Л. Васильев (ученик А. И. Соболевского). Не соглашаясь с А. А. Соболевским, утверждавшим, что это польское влияние (в западнославянском языке древние сочетания не упростились), А. А. Шахматов в лекциях по диалектологии, читанных в 10-е гг. XX в. в Петербургском университете, обмолвился, что это влияние «*со стороны*», но не польской, поскольку в белорусском языке, соседствующем с польским, нет такого влияния⁸. Но вопрос так и оставался открытым.

Помогла же нам методика доказательств С. М. Глускиной, разработанная ею при обнаружении несвершения только в псковских говорах общеславянского закона второй палатализации заднеязычных согласных, которые во всех славянских языках изменялись в соответствующих позициях, а в псковских говорах этого не произошло. Например, *кеп*, *кедить*, *кевка* вместо *цеп*, *цедить*, *цевка*; «*Угурицы ужэ фси закбели*» вместо

⁶ Глускина С. М. (соавт. Большакова Н. В.). Разговорник Т. Фенне как источник для изучения псковского диалекта XVII века // Псковские говоры в их прошлом и настоящем. Л., 1988. С. 16–24; Глускина С. М. Фонетические особенности древнепсковского диалекта (по данным Псковского областного словаря) // Археология Пскова и Псковской земли. Псков, 1982. С. 27–31.

⁷ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.

⁸ Шахматов А. А. Русская диалектология: лекции / Под ред. Б. А. Ларина. С приложением очерка «Древнейшие судьбы русского племени». СПб, 2010. С. 53–56.

зацвели⁹. Нам при сборе диалектного материала встречаются слова с другим явлением, но тоже древним и не поддающимся объяснениям чисто фонетического характера: это явления типа *жерегдо* (= *жердо*), *всегди на конь* (= *вседи*), включая и фонетическое оформление по аналогии *клещ* в значении 'дещ'. Как и С. М. Глускиной для объяснения несвершения важного фонетического закона пришлось учесть внешние причины-условия для древнего периода, когда совершались языковые изменения, так в данном случае приходится признать результат древнего языкового взаимодействия кривичей (предков псковичей) с балтскими племенами при достаточно длительной изоляции предков псковичей от всех славян как раз в те века, когда и происходили указанные языковые изменения у славянских племен. Влияние соседних балтских языков (латышского, литовского), в которых их случаи типа *egle* 'ель' при общении как «свое» повлияли на «чужое»: славянские сочетания **dl*, **tl*, не упростившись, заменились на похожие [*zl*], [*kl*]. Не случайно подобные наблюдения лингвистов разделял и поддерживал археолог-славист В. В. Седов, создавший свою теорию для объяснения, как появились кривичи в данном регионе у Псковских озер¹⁰.

Вернемся к разговорникам. Кто же такой Т. Фенне? Вероятно, один из немецких прибалтийских немцев, которые приехали в Псков с восстановлением в 1599 г. торговых отношений Русского государства с Прибалтикой и Северной Германией. Р. О. Якобсон, сопровождая публикацию разговорника 1607 г., сказал: «Трудно найти другой источник с таким поразжающим количеством лексических, фразеологических и синтаксических фактов старорусского разговорного языка»¹¹.

⁹ Глушкина С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говорах) // Псковские говоры. II. Псков, 1968. С. 20–43. См. также: Глушкина С. М. О «третьей» палатализации заднеязычных согласных в славянских языках // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 293. Теория и методика преподавания языка. Л., 1968. С. 95–112.

¹⁰ Седов В. В. Славяне в древности. М., 1994; Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995.

¹¹ Цит. по: Мжельская О. С. Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI–XVII вв. (по данным иностранных руководств для изучения русского языка). СПб., 2003. С. 21.

Уже в XIX в. были известны русско-немецкие разговорники, тоже отражающие псковскую народную речь XVI в., которым краткое описание дал в свое время С. М. Строев. После войны ими стали интересоваться ученые. Один памятник условно назван «Анонимным», другой приписывают Т. Шрове. Судьба их в годы войны была нелегкая. Перемещенные военными событиями, они оказались в другом городе Европы и сохранялись в Краковском университете. Десятилетия они были недоступны для ученых, тем более никто ими серьезно не занимался¹².

В 1997 г. коллектив краковских лингвистов под руководством В. Витковского, предварительно расшифровав и исследовав, издал «Русскую книгу» Т. Шрове¹³. Предполагают, что подготовлена она была в XVI в. в Прибалтике на псковском материале. Обратили внимание, что многие фразы-диалоги схожи с аналогичными у Т. Фенне. Значит, возможно, был протограф.

Кто же такой Т. Шрове? И вдруг из работы М. Б. Бесудновой о сложных русско-ливонских отношениях конца XV в. (1494–1500 гг.), о которой был ее доклад на одном Археологическом семинаре в Пскове, мы узнаем, что в 1494 г. из ганзейских городов Рига, Дерпт, Ревель отправили в Москву посольство (а из Дерпта был ратман / бургомистр Т. Шрове). Возможно, бургомистр, не зная русского языка, заказал составить для себя в помощь «Русскую книгу». С нее была сделана копия 1546 г., которая и оказалась в сложные военные годы в Кракове и стала известна после исследовательской работы под названием «Русская книга Т. Шрове».

Еще в 1994 г. А. Фаловский (тоже ученый из Кракова) издал в результате своего исследования и подготовки к печати третий памятник-разговорник, тоже с псковской языковой основой, — так называемый «Анонимный разговорник» (автор не

¹² Болек А. Лексика торговых сделок в Русской книге Томаса Шрове по списку 1596 года // Вопросы лингвистики и лингводидактики: Материалы конференции по материалам МАПРЯЛ, Краков, 23–24. IV. 1996. Kraków, 1996. S. 171–177; Болек А. Псковские разговорники-словари в работах краковских ученых // Псков в российской и европейской истории: В 2 т. Т. 2. М., 2003. С. 213–218.

¹³ “Etnn Russisch Buch” Tomasa Schrouego [XVI w.]. Cz. II. Kraków, 1997.

был в рукописи указан)¹⁴. Судя по двум случаям упоминания в нем Пскова («Где-то его на дороге псковски»; «В котором городе – во Пскове»), он тоже был создан на псковском материале. Это подтвердили и наши с О. С. Мжедской наблюдения за характером выбора отдельных слов, за подобием фраз в «Русско-немецком разговорнике» Т. Фенне и в «Русской книге» Т. Шрове¹⁵, что тоже подтверждает предположение о возможном протографе.

Исследователь А. Филей из Риги, исследуя отражение лингвопрагматики русско-ганзейских языковых контактов в текстах разговорников XVI в. (на материале как раз «Анонимного разговорника»), подчеркивает, что в этот период можно наблюдать «документально узаконенную северо-германскими торговцами монополизацию на изучение и использование русского языка»¹⁶.

Постараемся услышать и «увидеть» некоторые фрагменты разного содержания, но отражающие тематику Ганзы, то есть торговли. Примеры приведем прежде всего из пока непревзойденного двуязычного разговорника Т. Фенне.

Для выбора понравившегося товара широко использовались разные по структуре слова, в частности с корнем *люб-* с семей 'нравиться':

«Яз твоево товару посмотрю по своей любви, токо товар мнѣ любо, ино яз с тобою торгую» (ТФ, 338);

«Здесь лежи мой товар в дву кучах, слобуй одну кучу, которую ты хочешь, да которую<ю> ты слобуешь, я тебѣ ту припрыважу» (ТФ, 407).

¹⁴ "Ein Rusch Boeck": Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien, 1994.

¹⁵ Мжельская О. С., Костючук Л. Я. Русско-иноязычные разговорники XVI–XVII вв. как источники сведений о жизни древнего Пскова и его обитателей (псковский торг) // Псков в российской и европейской истории: В 2 т. Т. 2. М., 2003. С. 207–212. Ср.: Хорошкевич А. Л. Из истории создания немецко-русских словарей-разговорников «Томаса Шрове» и «Тонниса Фенне» // Древности Пскова. Археология. История. Архитектура. К юбилею Инги Константиновны Лабутиной. Псков, 1999. С. 218–230.

¹⁶ Филей А. Отражение лингвопрагматического аспекта русско-ганзейских языковых контактов в текстах разговорников XVI века (Экстралингвистический фактор: исторические предпосылки языковых отношения) // Littera Scripta: Сборник научных трудов молодых филологов. Вып. 8. Рига, 2012. С. 148.

Сделка — важный в торговле этап, в ходе которого должны соблюдаться нормы честных торговых отношений:

«Держи мнѣ твое цѣну, как ты нынѣча со мной сговорился, и яз тебѣ так на промѣну держу, как я с тобой смолвился» (ТФ, 444).

Эта фраза, как и ряд других, была записана Т. Фенне кириллицей, что, наряду с очень высоким качеством зафиксированных текстов, дает основание предполагать, что составитель в какой-то степени знал не только устный, но и письменный славянский язык:

«Держы мнѣ твое цену как ты нынеча самной зговорился, и яз тебѣ так на промѣну держю как я с тобой смольвился» (ТФ, 444).

Основательная фраза показывает, что покупатель обнаруживает понимание порядочности в торговых отношениях. Подчас купцам с двух сторон требовался *промежник* [‘*посредник*’] в качестве третейского судьи, который *промежничал*:

«Коли вы меня слушать, я вас розведу» (ТФ, 220).

Он может поучать конфликтующие стороны:

«Розведитесь, как пригоже, добро вам в суд не лазить» (ТФ, 289).

Важно предварительно до купли-продажи составить договор (*бить / ударить по рукам*, с синонимом *обручить / обручиться*):

«Что вы много звяжете? Бейте по рукам да дай вам Бог обѣма на прикуп» (ТФ, 438).

Нарушение же договора не одобрялось, чему посвящен большой фрагмент рассуждений:

«Право, дружке, то мнѣ добрѣ [‘сильно’. — Л. К.] в досаду, что ты мнѣ тот товар отказываешь, которой я от тебе обручил, нынѣча товар иному продаешь, которой тебѣ больше меня за ево дает; [далее в этом же едином фрагменте «речи» обижаемого следует возможный исход отношений. — Л. К.] да отказу от тебе не приму, я хочу от тебе твою: ты мнѣ товару (!) припрывадишь; не припрывадишь ты мнѣ товару, я с тобою перед судью иду; что на<м> судья с тобой о том присудит, за то мы с тобой имеемся» (ТФ, 375).

Идеальными считаются честные, искренние отношения:

«Торгуй ты со мной всим сердцем, не лестью, да меня своим товаром не обижай» (ТФ, 337).

Значима удача в торговле, получение прибыли (*примок, прикуп, корысть*):

«Очем тебѣ на мнѣ завидно, что Бог мнѣ примка заслал? Я твоей корысти не завижу» (ТФ, 360).

Достижение цели и в торговле требовало особого обряда (литки пить 'отмечать хороший результат выпивкой и угощением'). На эту тему приводится фрагмент небольшого диалога (две соседние фразы) с этим типично псковским фразеологизмом, востребованным в псковской речи до сих пор:

«Сегодня мы литки пить. Кому то платить? – То нам обһмя платить» (ТФ, 337).

Приезжие и местные купцы обязаны были соблюдать определенные правила торговли, чтобы обеим сторонам было пригоже:

«Починашь продать по закону, ино будет у тебе купцов стало [‘достаточно, постоянно’. – Л. К.], да люди от тебе купят» (ТФ, 279).

В разговорнике Т. Фенне много фразеологизированных выражений, например:

голова на кряжу – ‘о пребывании в добром здравии’:

«Ов ту пору добро, коли Бог даст – голова на кряжу да товар на суши» (ТФ, 366);

своему слову не господарь – ‘о том, кто не выполняет обещаний’:

«Ты хотѣл мнѣ товар поблюсть, да не поблюгл, да нынѣча ты иному продал, ты своему слову не осподарь» (ТФ, 289);

спихнуть на чей-нибудь ворот – ‘переложить заботы на кого-нибудь’:

«Дивья тебѣ на мой ворот спехнуть» (ТФ, 282);

говорить на чью-нибудь руку – ‘высказываться в чью-нибудь пользу’:

«Пожалуй, понарови / пособи мнѣ товар купить да говори на мою руку» (ТФ, 392).

Образцы ряда этикетных выражений.

Приветствие и ответ при встрече:

«Челом мой миле Немчине, как тебе Бог на дорогу милует / здорово ишедши?» (ТФ, 191);

«Челом, друже! Здорово ишедши? Как тебе Бог милует? – Здорово! Бог дал поздорову – голова жива» (ТФ, 274).

Пожелание хорошего:

«Добро добыть и лиха сбыть» (ТФ, 213).

Приглашение в гости:

«Пожалуй, приди ко мнѣ хлѣба есть» (ТФ, 237).

Большое количество пословиц:

«*Цыплята (!) хоче курица учить*» (ТФ, 230);

«*Что ты на други за очи смущаешь, то тебѣ самому сбудет-ся*» (ТФ, 230);

«*Женка в грозѣ держать, да слушае и мужа не бьет*» (ТФ, 230).

Заботливо поучающее:

«*Хто живет без забота (!), тот умрет без богатства*» (ТФ, 482).

Мудрое образное рассуждение:

«*Держи свое слово одн<ор>рядное, да платье дв<у>рядное*» (ТФ, 478), — знакомящее и с терминами из области трудовых действий.

Конечно, отражены и недобрые пожелания:

«*Дай, Господи, тебе скорчило*» (ТФ, 490).

И списки слов, и группировки текстов показывают богатство разнообразных тем, отражающих языковую картину в двух языках. Ограничимся немногими примерами из необходимых в быту действий.

Наведение порядка в доме:

«*Вымети / выпачи / вычисти полату да дай сим ключ*» (ТФ, 402).

Не исключено, что это может быть в ситуации, когда псковский хозяин пускал жить в свой дом немецкого гостя-купца, сравним: «*Пожалуй, оспе осударь, пусти меня в своем подьорье ночевать*» (ТФ, 204).

Предполагалось, что в Пскове периода создания словаря Т. Фенне приезжим немцам приходилось устраиваться в частных домах псковичей для возможности ведения своих торговых дел и познания-совершенствования русского языка в частных беседах с хозяевами. Ведь благодаря в основном добрым отношениям между псковскими хозяевами и иностранными гостями могла появиться в двуязычном разговорнике следующая учебная фраза:

«*Первой я то слово не умлѣ молвить, слава Богу, нынѣ я умлѣю говорить*» (ТФ, 198).

Она передает радость от достижения нелегкой цели и благодарность за условия для этого.

Итак, разговорники Т. Фенне, Т. Шrove и Анонимный близки по своим целям — помочь иностранным купцам в общении с купцами принимающей стороны при профессио-

нальной деятельности и в повседневных отношениях с хозяевами. Это было неизбежно в условиях псковского пограничья.

Поэтому объективно они отразили русскую псковскую разговорную речь XVI–XVII вв., многие стороны быта древнего Пскова, особенности, специфику торговых отношений. Использовалось богатство лексического состава русского языка, прежде всего народного. «Этот структурный тип разговорника <...> тесно связан с потребностями ганзейской торговли, служил ее процветанию и был распространен в Северо-Восточной Германии, Прибалтике и Северо-Западной Руси»¹⁷. Служат эти памятники и другим гуманитарным наукам в зависимости от интересов исследователей. Не случайно, что прежде всего разговорник Т. Фенне, по условиям своего издания, стал одним из незаменимых источников иллюстративного материала для «Псковского областного словаря с историческими данными».

Источники

“Ein Rusch Boeck”: Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gespachsbuch aus dem XVI Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien, 1994.

“Etnn Russisch Buch” Tomasa Schrouego [XVI w.]. Cz. II. Kraków, 1997.

Tonnies Fenne’s Low Gernan Manual of Spoken Russian. Pskov, 1607. Vol. II. Copenhagen, 1970.

Литература

Болек А. Лексика торговых сделок в Русской книге Томаса Шроче по списку 1596 года // Вопросы лингвистики и лингводидактики: Материалы конференции по материалам МА-ПРЯЛ, Краков, 23–24.IV.1996. Kraków, 1996. S. 171–177.

Болек А. Псковские разговорники-словари в работах краковских ученых // Псков в российской и европейской истории: В 2 т. Т. 2. М., 2003. С. 213–218.

Глушкина С. М. (соавт. Большакова Н. В.) Разговорник Т. Фенне как источник для изучения псковского диалекта XVII века

¹⁷ Мжельская О. С., Костючук Л. Я. Русско-иноязычные разговорники XVI–XVII вв. как источники сведений о жизни древнего Пскова и его обитателей (псковский торг) // Псков в российской и европейской истории: В 2 т. Т. 2. М., 2003. С. 212.

- // Псковские говоры в их прошлом и настоящем. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1988. С. 16–24.
- Глускина С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говорах) // Псковские говоры. П. Псков, 1968. С. 20–43.
- Глускина С. М. О «третьей» палатализации заднеязычных согласных в славянских языках // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 293. Теория и методика преподавания языка. Л., 1968. С. 95–112.
- Глускина С. М. Фонетические особенности древнепсковского диалекта (по данным Псковского областного словаря) // Археология Пскова и Псковской земли. Псков, 1982. С. 27–31.
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002.
- Мжельская О. С. Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI–XVII вв. (по данным иностранных руководств для изучения русского языка). СПб., 2003.
- Мжельская О. С., Костючук Л. Я. Русско-иноязычные разговорники XVI–XVII вв. как источники сведений о жизни древнего Пскова и его обитателей (псковский торг) // Псков в российской и европейской истории: В 2 т. Т. 2. М., 2003. С. 207–212.
- Обиходный словарь русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 1–8. СПб., 1994–2019.
- Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–27. Л./СПб., 1967–2017.
- Седов В. В. Славяне в древности. М., 1994.
- Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995.
- Филей А. Отражение лингвопрагматического аспекта русско-ганзейских языковых контактов в текстах разговорников XVI века (Экстралингвистический фактор: исторические предпосылки языковых отношения) // *Littera Scripta*: Сборник научных трудов молодых филологов. Вып. 8. Рига, 2012. С. 147–152.
- Хорошкевич А. Л. Из истории создания немецко-русских словарей-разговорников «Томаса Шрове» и «Тонниса Фенне» // Древности Пскова. Археология. История. Архитектура. К юбилею Инги Константиновны Лабутиной. Псков, 1999. С. 218–230.

Хорошкевич А. Л. Псков как посредник между Западной, Северной и Восточной Европой в Средние века и начале Нового времени // Псков в российской и европейской истории: В 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 33–39.

Шахматов А. А. Русская диалектология: лекции / Под ред. Б. А. Ларина. С приложением очерка «Древнейшие судьбы русского племени». СПб, 2010.

Костючук Лариса Яковлевна, доктор филологический наук, профессор кафедры русского языка (Псковский государственный университет, Псков, Россия); эл. почта: anh57@yandex.ru.

Trading Relations and Everyday Life of the Pskovians in Unique Sources from the XVI–XVII Centuries

Study of three Russian-German phrasebooks from the 16th–17th centuries compiled by the Germans in the Pskov land is of much academic value: Russian-German Phrasebook by Tönnies Fonne (1607); Russian Book by Thomas Schroue (16th century, copy from 1546); Anonymous Phrasebook (16th century; Russian Book with no authorship). Contents of these written monuments show not only peculiarities of Pskov's trading relations with foreign lands, but people's communication both every day and during cultural events, as well. Some local traditions are mentioned; mediators of commercial transactions, providers of various trading activities; variety of weight measures. Much prominence is given to the ethics of buying and selling, observation of commercial reputation, because it facilitates the main goal of both parties, i.e. to gain fair profit. Reference word lists and dialogues incorporate common Russian and Pskov nomenclature (the last also preserves ancient specificity of various linguistic levels).

Thus, such material is readily used and studied with objectives of all kinds both by the linguists working with the word in numerous aspects and historians who are interested in objects of material culture and ancient documents. The article deals with the introduction of the "Russian books" in the academic practice, the most conclusive and user-friendly being the one by Tönnies Fonne. It serves as a source of demonstration for the historical section of the Pskov Regional Dictionary with Historical Data. It was Boris Larin who made it possible for the scholars to use records of the Russian speech made by foreigners.

Key words: phrasebooks, Russian books, dialogue exchanges, trading vocabulary, records by foreigners, Pskov folk speech, dialect of Old Pskov, Pskov Regional Dictionary with Historical Data.

Larisa Kostiuchuk, Doctor of Philology, Professor of the Russian Language Department (Pskov State University, Pskov, Russia); e-mail: anh57@yandex.ru.

References

- Bolek A. Leksika trgovykh sdelok v Russkoj knige Tomasa SHrove po spisku 1596 goda // Voprosy lingvistiki i lingvodidaktiki: Materialy konferencii po materialam MAPRYAL, Krakov, 23–24.IV.1996. Kraków, 1996. S. 171–177.
- Bolek A. Pskovskie razgovorniki-slovari v rabotah krakovskih uchenykh // Pskov v rossijskoj i evropejskoj istorii: V 2 t. T. 2. M., 2003. S. 213–218.
- Gluskina S. M. (soavt. Bol'shakova N. V.) Razgovornik T. Fenne kak istochnik dlya izucheniya pskovskogo dialekta XVII veka // Pskovskie govory v ih proshlom i nastoyashchem. L.: LGPI im. A. I. Gercena, 1988. S. 16–24.
- Gluskina S. M. O vtoroj palatalizacii zadneyazychnykh soglasnykh v russkom yazyke (na materiale severo-zapadnykh govorah) // Pskovskie govory. II. Pskov, 1968. S. 20–43.
- Gluskina S. M. O «tret'ej» palatadizacii zadneyazychnykh soglasnykh v slavyanskih yazykah // Uchenye zapiski LGPI im. A. I. Gercena. T. 293. Teoriya i metodika prepodavaniya yazyka. L., 1968. S. 95–112.
- Gluskina S. M. Foneticheskie osobennosti drevnepskovskogo dialekta (po dannym Pskovskogo oblastnogo slovarya) // Arheologiya Pskova i Pskovskoj zemli. Pskov, 1982. S. 27–31.
- Zaliznyak A. A. Drevnenovgorodskij dialekt. M., 1995.
- Larin B. A. Tri inostrannykh istochnika po razgovornoj rechi Moskovskoj Rusi XVI–XVII vekov. SPb., 2002.
- Mzhel'skaya O. S. Leksika obihodno-razgovornogo yazyka Moskovskoj Rusi XVI–XVII vv. (po dannym inostrannykh rukovodstv dlya izucheniya russkogo yazyka). SPb., 2003.
- Mzhel'skaya O. S., Kostyuchuk L. Ya. Russko-inoyazychnye razgovorniki XVI–XVII vv. kak istochniki svedenij o zhizni drevnego Pskova i ego obitatelej (pskovskij torg) // Pskov v rossijskoj i evropejskoj istorii: V 2 t. T. 2. M., 2003. S. 207–212.
- Obihodnyj slovar' russkogo yazyka Moskovskoj Rusi XVI–XVII vekov. Vyp. 1–8. SPb., 2004–2019.
- Pskovskij oblastnoj slovar' s istoricheskimi dannymi. Vyp. 1–27. L./SPb., 1967–2017.
- Sedov V. V. Slavyane v drevnosti. M., 1994.
- Sedov V. V. Slavyane v rannem srednevekov'e. M., 1995.
- Filej A. Otrazhenie lingvopragmaticheskogo aspekta russko-ganzejskikh yazykovykh kontaktov v tekstah razgovornikov XVI veka (Ekstralingvisticheskij faktor: istoricheskie predposylki yazykovykh otnosheniy) // Littera Scripta: Sbornik nauchnykh trudov molodykh filologov. Vyp. 8. Riga, 2012. S. 147–152.
- Horoshkevich A. L. Iz istorii sozdaniya nemecko-russkikh slovarj-razgovornikov «Tomasa SHrove» i «Tonnisia Fenne» // Drevnosti Pskova.

- Arheologiya. Istoriya. Arhitektura. K yubileyu Ingi Konstantinovny Labutinoj. Pskov, 1999. S. 218–230.
- Horoshkevich A. L.* Pskov kak posrednik mezhdru Zapadnoj, Severnoj i Vostochnoj Evropoj v Srednie veka i nachale Novogo vremeni // Pskov v rossijskoj i evropejskoj istorii: V 2 t. T. 1. M., 2003. S. 33–39.
- SHahmatov A. A.* Russkaya dialektologiya: lekicii / Pod red. B. A. Larina. S prilozheniem ocherka «Drevnejšie sud'by russkogo plemeni». SPb, 2010.

Горлов К. В., Закурина Т. Ю., Степанов С. В.

НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ 1655–1663 гг. ИЗ ИЗБОРСКОЙ КРЕПОСТИ КАК НОВЫЙ ИСТОЧНИК О ЖАЛОВАНИИ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ XVII ВЕКА

В результате археологического исследования Изборской крепости 2010–2013 гг. было найдено 114 монет, 76 из которых принадлежат эмиссии царя Алексея Михайловича 1655–1663 гг. Специфика места находки коллекции и ее внутренняя структура позволяют заключить, что данные монеты были потеряны служилыми людьми, составлявшими гарнизон крепости. Одна из причин массовой потери монет заключена в их девальвации.

Ключевые слова: крепость, Изборск, медные монеты, девальвация, служилые люди, датирующий материал.

Нумизматический материал занимает видное место в ряду источников, характеризующих социально-экономическую жизнь общества, историю денежного обращения. Монеты, полученные в ходе археологических раскопок, традиционно рассматриваются как важнейший хронологический индикатор культурного слоя.

Комплексный анализ нумизматических коллекций может дать сведения о социальном облике их владельцев. Наиболее перспективные выводы в данном направлении позволяют сделать материалы кладов. Оценка размера сокрытой суммы, исторической топографии места находки, времени тезаврации, социально-бытовых условий жизни населения, исторической обстановки в момент сокрытия и особенностей структуры депозитов позволяет выявить группы кладов крестьян, ремесленников, торговых и служилых людей¹. Глубо-

¹ Мельникова А. С. Служилые люди Василия Шуйского по данным монетных кладов // Очерки феодальной России. 1998. Вып. 2. С. 88; Зайцев В. В. Клады начала XVII в. как источник по ранней истории Комарицкой волости // Нумизматический сборник ГИМ. 2001. Т. XV. Труды ГИМ. Вып. 125. С. 162–275; Таценко С. Н. О кладовладельцах «Смутного времени» (на примере четырех московских кладов)

кий анализ исторической топографии мест находок кладов делает возможным установление круга конкретных персон, сокрывших свои капиталы².

Специфическую категорию представляют депозиты, единовременно сформированные из жалований служилых людей по «отечеству» и «прибору». В условиях войны именно эта часть населения подвергалась наибольшей смертельной опасности, в результате чего их капиталы оставались не востребованы. Наиболее ранние клады этой группы были отнесены А. Г. Векслером и А. С. Мельниковой к событиям Казанского похода³.

Смутное время дало новый пласт аналогичных комплексов, к которым принадлежит клад из Московского Кремля, найденный в изразце. Его владелец укрыл полученный оклад, вероятно, перед защитой столицы от войск И. И. Болотникова⁴. Подобный депозит обнаружен в Москве на Пятницкой улице. В его состав помимо серебряных монет входила 21 золотая денешка, эмиссия которых осуществлялась для служилых людей, мобилизованных к летней кампании 1610 г. А. С. Мельникова определила во владельце клада стрельца, получившего жалование накануне Можайского сбора ратных сил⁵. В 2017 и 2018 гг. в научный оборот были введены два монетных клада, сокрытые в 1605 и 1608 гг. на территории крепостей Копорья и Старой Ладogi. По мнению авторов публикаций, депозиты были сформированы из жалования служилых людей по «прибору», составляющих гарнизоны цитаделей⁶.

// Нумизматический сборник ГИМ. 2003. Т. XVI. Труды ГИМ. Вып. 138. С. 197–218; Сарайкин А. С. Шатошин Г. Г. Два клада медных монет Алексея Михайловича // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. 2017. Вып. 4. С. 418.

² Волков И. В., Гришин И. В., Малых С. В. Клад медных монет царя Алексея Михайловича из раскопок 2015 г. в Кадашевской слободе Москвы // Археология русского города. 2017. Т. I. С. 167; Цуканов Л. Н. Клад Василисы, вдовы Арсеньевой. Монеты и история. М., 2017.

³ Векслер А. Г., Мельникова А. С. Российская история в московских кладах. М., 1999. С. 86, 87.

⁴ Мельникова А. С. Служилые люди Василия Шуйского... С. 93, 94; она же. Русские монетные клады рубежа XVI–XVII веков. Киев, 2003. С. 98.

⁵ Мельникова А. С. Служилые люди Василия Шуйского... С. 101.

⁶ Горлов К. В., Григорьева Н. В., Лапшин В. А., Травкин С. Н. Клад русских средневековых монет из Ладожской каменной крепости // Stratum plus. 2017. № 6. С. 211–233; Горлов К. В. Новые источники о

Монетные комплексы, обнаруженные в крепостях, могут иметь дополнительный информационный потенциал, полученный за счет хорошо разработанной истории оборонительных сооружений. Крепости являлись важнейшими стратегическими объектами, доступ в которые имел ограниченный круг населения. Благодаря своему исключительному значению, они часто фигурируют на страницах документов как мирного, так и военного времени.

До нашего времени сохранились «Росписи» городов, «Перечневые выписки», акты приказов о выдачах из казны денег на жалование служилым людям, «Отписки» воевод к московским властям, «Переписные» и «Сметные» книги, сообщающие состояние и вооружение крепостей, численность и профессиональный состав гарнизонов, суммы, выдаваемые на «корм» солдатам⁷. Сопоставление данных письменных источников и фактического нумизматического материала, обнаруженного при археологическом исследовании крепостей, может дополнить и уточнить полученные сведения.

Изборская крепость — хорошо известный в историографии памятник русского крепостного зодчества XIV–XVII вв. История изучения крепости насчитывает более ста лет. Вопросы строительной периодизации и хронологии крепости посвящены обобщающие работы ведущих специалистов по истории русской архитектуры П. А. Раппопорта и В. В. Косточкина. Крепость неоднократно привлекала внимание археологов. Небольшие по площади участки в разное время здесь исследовали Г. П. Гроздилов, В. Д. Белецкий, М. А. Миролубов, Ю. Б. Бирюков.

Целенаправленные, планомерные археологические раскопки в северной части Изборской крепости проводились в 70–80-х гг. XX в. под руководством В. В. Седова и А. Р. Артемьева. Исследователями разработана культурная стратиграфия крепости, сделаны важные наблюдения по ее строительной

жаловании служилых людей XVII в. // Деньги в Российской истории: вопросы производства, обращения, бытования. 2018. С. 118–122; Горлов К. В., Рожнова О. В. Монетный клад Смутного времени из крепости Копорье // Записки ИИМК РАН. 2018. Вып. 18. С. 149–157.

⁷ Сборник Московского архива Министерства юстиции. М., 1914. Т. VI.

периодизации. В составе культурных отложений выделено четыре слоя, прослежено три горизонта застройки⁸.

Каменная крепость более 300 лет находилась на передовом рубеже обороны Псковской земли и Русского государства. На протяжении XVII в. крепость постепенно теряет свое стратегическое значение на границах государства, однако до конца этого столетия в ней содержится гарнизон из стрельцов, воротников и пушкарей.

Рис. 1. Схема расположения археологических раскопов в Изборской крепости

В 2001–2002, 2007–2013 гг. в связи с подготовкой и реализацией проекта консервации и частичной реставрации памятника здесь проводились комплексные исследования, одним из направлений которых стали архитектурно-археологические раскопки (руководители Т. Ю. Закурина, С. В. Степанов). В настоящее время Изборская крепость является одним из наиболее археологически исследованных памятников своего круга. Общая площадь раскопов в пределах укреплений и на примыкающих к ним участках составляет около 3 тысяч кв. м. (рис. 1).

⁸ Артемьев А. Р. Города Псковской земли XIII–XV вв. Владивосток, 1998; Седов В. В. Древний Изборск // Древний Псков: История. Искусство. Археология. Новые исследования. 1988. С. 44–65.

В ходе археологических исследований крепости 2010–2013 гг. получен многочисленный вещевой материал, в том числе – 114 монет XIV–XIX вв. Наиболее представительна коллекция монет XVII в., большая часть из которых (76 монет) относится к периоду проведения денежной реформы царя Алексея Михайловича (табл. 1).

Таблица 1

Каталог монет Алексея Михайловича из Изборской крепости⁹

Раскоп 53а, 2012 г.							
№ Н/Он	Определение монет	Тип*	Уч.	Кв.	Пл.	Гл.	Н/П
17	Дата чеканки: 1662–1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,310 г.	2682	P-53а	6	3	–60	1
21	Дата чеканки: 1655–1663 гг. Монетный двор: Новый. Вес: 0,385 г.	2459	P-53а	7	3	– 60	6
23	Дата чеканки: 1655–1663 гг. Монетный двор: Старый. Вес: 0,420 г.	2027	P-53а	7	3	– 58	8
24	Дата чеканки: 1655–1663 гг. Монетный двор: ? Вес: 0,350 г.	?	P-53а	7	3	– 59	9
25	Дата чеканки: 1655–1663 гг. Монетный двор: Старый. Вес: 0,345 г.	?	P-53а	7	3	– 60	10
30	Дата чеканки: 1655–1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,410 г.	?	P-53а	8	4	– 79	1
31	Дата чеканки: 1655–1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,380 г.	?	P-53а	8	4	– 75	2
32	Дата чеканки: 1655–1663 гг. Монетный двор: ? Вес: 0,370 г.	?	P-53а	8	4	– 78	3
35	Дата чеканки: 1659–1661 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,385 г.	2582	P-53а	8	4	– 80	6
37	Дата чеканки: 1659–1661 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,420 г.	2618	P-53а	7	4	– 79	8
* Типология монет приведена на основании каталога И. В. Гришина, В. Н. Клецинова, А. В. Храменкова. См.: Гришин И. В., Клецинов В. Н., Храменков А. В. Каталог русских средневековых монет с правления Ивана IV до правления Петра I (1533–1717 гг.). М., 2015.							

⁹ Все рассмотренные монеты отчеканены из меди номиналом копейка.

38	Дата чеканки: 1655–1663 гг. Монетный двор: Старый. Вес: 0,390 г.	2035	Р-53а	7	4	– 79	9
41	Дата чеканки: 1655–1663 гг. Монетный двор: Старый. Вес: 0,360 г.	2027	Р-53а	7	4	– 76	12
43	Дата чеканки: 1655–1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,380 г.	?	Р-53а	6	4	– 80	14
44	Дата чеканки: 1662–1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,360 г.	2684	Р-53а	6	4	– 79	15
45	Дата чеканки: 1655–1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,250 г.	?	Р-53а	7	4	– 79	16
46	Дата чеканки: 1655–1663 гг. Монетный двор: ? Вес: 0,115 г.	?	Р-53а	7	4	– 78	17
48	Дата чеканки: 1655–1663 гг. Монетный двор: Старый или Новый. Вес: 0,370 г.	?	Р-53а	6	4	– 78	19
49	Дата чеканки: 1662–1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,405 г.	2689	Р-53а	6	4	– 79	20
50	Дата чеканки: 1655–1663 гг. Монетный двор: ? Вес: 0,335 г.	?	Р-53а	6	4	– 77	21
53	Дата чеканки: 1655–1658/9 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,360 г.	2573	Р-53а	6а	4	– 79	24
54	Номинал: Копейка. Дата чеканки: 1655–1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,335 г.	?	Р-53а	6а	4	– 78	25
59	Дата чеканки: 1655–1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,325 г.	?	Р-53а	7	5	– 95	3
252	Дата чеканки: 1662–1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,350 г.	2680	Р-53а	6	3	– 58	2
Раскоп 54, 2012 г.							
№ Н/Он	Определение монет	Тип	Уч.	Кв.	Пл.	Гл.	Н/П
76	Дата чеканки: 1655–1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,295 г.	?	Р-54	2	5	– 92	1
77	Дата чеканки: 1662–1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,370 г.	2691	Р-54	5	5	– 87	2

81	Дата чеканки: 1662-1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,400 г.	2681	P-54	2	6	- 118	2
Раскоп 55, 2012 г.							
№ Н/Оп	Определение монет	Тип	Уч.	Кв.	Пл.	Гл.	Н/П
93	Дата чеканки: 1659-1661 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,350 г.	2584	P-55	4	2	- 38	1
95	Дата чеканки: 1659-1661 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,445 г.	2645	P-55	2	4	- 70	1
Раскоп 56, 2012-2013 гг.							
№ Н/Оп	Определение монет	Тип	Уч	Кв	Пл	Гл	Н/П
100	Дата чеканки: 1655-1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,375 г.	?	P-56б	11	3	- 55	1
114	Дата чеканки: 1659-1661 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,405 г.	2646	P-56б	11	4	- 76	12
159	Дата чеканки: 1659-1661 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,405 г.	2538	P-56б	25	5	- 98	35
160	Дата чеканки: 1662-1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,390 г.	2686	P-56б	25	5	- 99	36
161	Дата чеканки: 1659-1661 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,410 г.	2627	P-56б	18	5	- 99	37
172	Дата чеканки: 1655-1663 гг. Монетный двор: ? Вес: 0,310 г.	?	P-56а	4	6	- 112	1
177	Дата чеканки: 1655-1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,295 г.	?	P-56а	6	6	- 115	6
178	Дата чеканки: 1655-1663 гг. Монетный двор: Старый. Вес: 0,370 г.	?	P-56а	6	6	- 117	7
179	Дата чеканки: 1659-1661 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,390 г.	2645	P-56а	6	6	- 114	8
181	Дата чеканки: 1655-1663 гг. Монетный двор: ? Вес: 0,345 г.	?	P-56а	6	6	- 118	10
191	Дата чеканки: 1655-1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,320 г.	?	P-56а	13	6	- 116	20

192	Дата чеканки: 1662–1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,380 г.	2670	P-56a	12	6	- 118	21
194	Номинал: Копейка. Дата чеканки: 1655–1663 гг. Монетный двор: ? Вес: 0,315 г.	?	P-56a	12	6	- 117	23
195	Дата чеканки: 1655–1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,390 г.	?	P-56a	5	6	- 102	24
195	Дата чеканки: 1655–1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,380 г.	?	P-56a	5	6	- 104	25
201	Дата чеканки: 1659–1661 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,400 г.	2655	P-56b	8	6	- 103	4
203	Дата чеканки: 1655–1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,425 г.	Л. с. - 146 О. с. - 48	P-56b	27	6	- 106	6
205	Дата чеканки: 1662–1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,460 г.	2688	P-56b	27	6	- 110	8
206	Дата чеканки: 1659–1661 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,430 г.	2619	P-56b	27	6	- 102	9
207	Дата чеканки: 1662–1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,455 г.	2686	P-56b	27	6	- 101	10
208	Дата чеканки: 1662–1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,335 г.	2679	P-56b	27	6	- 103	11
209	Дата чеканки: 1662–1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,340 г.	2676	P-56b	25	6	- 109	12
211	Дата чеканки: 1655–1658/9 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,380 г.	2560	P-56b	27	6	- 106	14
212	Дата чеканки: 1659–1661 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,390 г.	2611	P-56b	19	6	- 102	15
213	Дата чеканки: 1662–1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,295 г.	2681	P-56b	16	6	- 109	16
219	Дата чеканки: 1655–1663 гг. Монетный двор: Старый. Вес: 0,380 г.	Л. с. - 1, 6, 7. О. с. -?	P-56b	17	6	- 112	22
228	Дата чеканки: 1662–1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,470 г.	2695	P-56b	17	6	- 114	31

235	Дата чеканки: 1655-1663 гг. Монетный двор: Старый. Вес: 0,400 г.	2028	P-566	18	6	- 112	38
27	Дата чеканки: 1655-1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,370 г.	?	P-56a	21	7	- 137	8
40	Дата чеканки: 1655-1663 гг. Монетный двор: ? Вес: 0,340 г.	?	P-566	16	7	-	11
45	Дата чеканки: 1655-1658/9 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,365 г.	2580	P-566	18	7	- 127	16
48	Дата чеканки: 1662-1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,370 г.	2688	P-566	18	7	-	19
49	Дата чеканки: 1655-1658/9 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,375 г.	2573	P-566	18	7	-	20
57	Дата чеканки: 1655- 1663 гг. Монетный двор: ? Вес: 0,345 г.	?	P-566	18	7	-	28
58	Дата чеканки: 1655- 1663 гг. Монетный двор: ? Вес: 0,275 г.	?	P-56 Б	18	7	-	29
60	Дата чеканки: 1655-1658/9 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,390 г.	2551	P-566	9	7	- 127	31
62	Дата чеканки: 1659-1661 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,400 г.	2639	P-566	19	7	-	33
92	Дата чеканки: 1659-1661 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,365 г.	2655	P-56a	20	8	- 159	6
114	Дата чеканки: 1659-1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,355 г.	?	P-56a	20	9	- 162	1
116	Дата чеканки: 1659-1663 гг. Монетный двор: Старый. Вес: 0,350 г.	?	P-56a	12	9	- 167	3

Раскоп 57, 2012 г.

№ Н/Оп	Определение монет	Тип	Уч	Кв	Пл	Гл	Н/П
253	Дата чеканки: 1662-1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,370 г.	2670	P-57	3	2	- 32	1
254	Дата чеканки: 1662-1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,440 г.	2685	P-57	3	2	- 39	2
255	Дата чеканки: 1662-1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,410 г.	2688	P-57	3	2	- 37	3

257	Дата чеканки: 1659–1661 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,340 г.	2620	Р-57	5	3	– 50	2
258	Дата чеканки: 1659–1661 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,425 г.	2654	Р-57	5	3	– 54	3
262	Дата чеканки: 1662–1663 гг. Монетный двор: Псковский. Вес: 0,305 г.	2691	Р-57	10	4	– 61	3
264	Дата чеканки: 1655–1663 гг. Монетный двор: ? Вес: 0,310 г.	?	Р-57	10	4	– 65	5
Раскоп 58, 2012 г.							
№ Н/Оп	Определение монет	Тип	Уч	Кв	Пл	Гфл	Н/П
224	Дата чеканки: 1655–1663 гг. Монетный двор: Новый. Вес: 0,410 г.	2388	Р-58	1	5	– 95	

В 1654 г. правительство Алексея Михайловича разрабатывает комплекс мер по реорганизации денежного хозяйства, предполагавших включение в обращение крупных монет различных номиналов, чеканенных из меди и серебра, в дополнение к уже имевшимся копейкам, деньгам и полушкам. В начале 1655 г. принимается решение о массовой чеканке медных копеек, денег и грошевиков¹⁰. В обращение медные копейки стали попадать с осени 1655 г. и вскоре превратились практически в единственное средство денежного расчета в стране. Их выпуск осуществлялся на трех московских денежных дворах: Старом, Новом и Кремлевском, а также на возобновленных Псковском и Новгородском. С 1658 г. чеканка началась в крепости Кукенойс.

¹⁰ В документе Разрядного приказа содержится информация о царской грамоте от 15 сентября 1655 г., в которой говорится: «Чтоб в Великом Новгороде и во Пскове медные деньги и грошевики и двудеяники и денежники делать наспех днем и ночью с великим радением...», а готовые монеты «...велети б присылать к Москве» (Зверев С. В. К истории русских денежных реформ 1654–1663 гг. // Патриарх Никон и его время: Сборник научных трудов ГИМ. 2004. Вып. 139. С. 120; он же. Монеты крупных номиналов в денежном обращении Русского государства в середине XVII в. // Вестник РГГУ. 2015. № 9 (152). Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». С. 114, 117; Мельникова А. С. Очерки по истории русского денежного обращения XVI–XVII веков. 2005. М., С. 276).

Эмиссия медных монет Алексея Михайловича в настоящее время является наименее разработанным разделом русской нумизматики Царского периода¹¹. Для копеек, выпущенных на московских денежных дворах и Кукунойсе, отсутствует дробная хронология, что заставляет датировать их 1655–1663 гг. А. С. Сарайкин и Г. Г. Шатохин разделили весь массив псковских копеек на три хронологические группы, но разработанные ими схемы пока носят предварительный характер, что не отменяет возможности их использования¹².

Монеты происходят с участков, расположенных в пределах крепостной стены. Общая площадь раскопов с монетными находками составляет 246,02 кв. м. Местоположение монет интересующего нас периода показывает, что большая часть монетных находок связана с территорией перед главными въездными воротами и Никольским собором. Здесь, на раскопах 53а, 55, 56 общей площадью 185,72 кв. м., обнаружено 65 монет, т. е. абсолютное их большинство (рис. 2). Находки русских медных монет 1655–1663 гг. на археологических памятниках встречаются достаточно часто, однако в столь большой концентрации, как в Изборске, обнаружены как будто впервые.

Исследования на раскопе 56 показали наличие хорошо стратифицированных отложений первой половины XIV–XVIII вв. мощностью 1–1,5 м. В составе этих отложений выделено несколько горизонтов застройки, открыт участок прицерковного кладбища, выявлены фрагменты архитектурных сооружений. Монетные находки периода реформы Алексея Михайловича представляют собой достаточно компактные скопления, сосредоточенные в северо-западной и юго-западной частях раскопа.

Материалы раскопок показывают, что юго-западный комплекс из 14 монет связан с выявленной в этой части раскопа трассой дороги, соединяющей главные въездные ворота крепости с прицерковной площадью, располагавшейся перед папертью Никольского собора. Дорога представляла собой сложное сооружение, состоявшее из деревянного мощения, опиравшегося на слой песчано-щебневой подсыпки, местами

¹¹ Волков И. В., Гришин И. В., Малых С. В. Указ. соч. С. 160.

¹² Сарайкин А. С. Шатохин Г. Г. К проблемам атрибуции псковских медных копеек середины XVII века // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. 2016. Вып. 2. С. 291–310.

залегавшей на поверхности темно-серой земли с углями. Под конструкциями дорожного полотна выявлена водоотводная система из деревянных труб, ориентированная в направлении въездных ворот. Исследования позволили предварительно отнести данное сооружение к XVII в. Находки 12 монет происходят из слоя подсыпки под дорожное полотно и связаны с горизонтом бытования дороги.

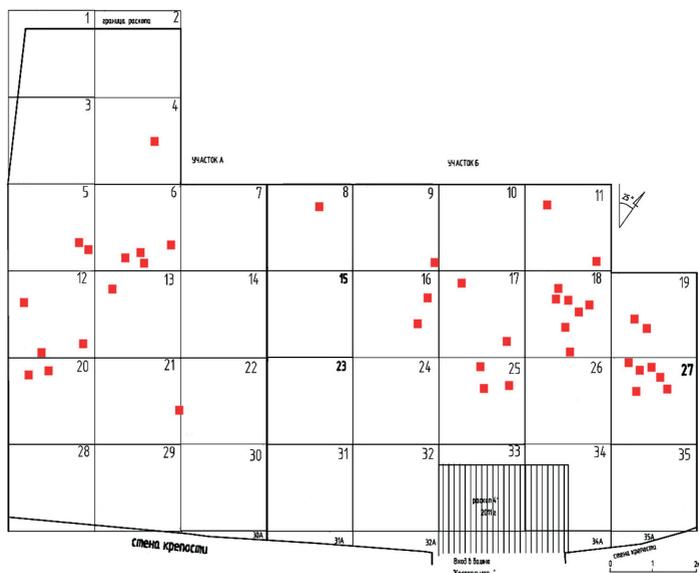

Рис. 2. Раскоп 56. Схема расположения монет

Монеты, составляющие юго-западный комплекс, отмечены на Псковском (девять экземпляров) и Старом (два экземпляра) денежных дворах. Место чеканки трех копеек по причине плохой сохранности установить не удалось.

Датировка псковских монет на основании хронологических схем А. С. Сарайкина и Г. Г. Шатохина показывает, что к 1659–1661 гг. принадлежат два экземпляра, к 1662–1663 гг. — один, шесть копеек без установленного типа относятся к 1655–1663 гг. Две московские копейки и три с неопределенным местом чеканки также датируются 1655–1663 гг.

Монеты, связанные с функционированием дороги, отличаются плохим состоянием сохранности, что, возможно, яв-

ляется следствием особенности культурного слоя, из которого они происходят.

Северо-западный комплекс, представленный 28 монетами, сосредоточен у южной стены Преображенского придела Никольского собора. Здесь раскопками был открыт участок прицерковного кладбища конца XVII–XVIII вв. Большая часть монетных находок собрана в границах могильника и происходит из углистого слоя. Этот слой прослеживался на большей части исследованной площади и имел несколько горизонтов. Его верхний горизонт по совокупности данных (прежде всего керамического материала) может быть отнесен ко второй половине XVI–XVII вв. Монеты залегали и в отложениях углистого слоя предшествующего периода, что, безусловно, связано с функционированием могильника.

Отметим, что авторами раскопок 80-х гг. XX в. в северной части крепости был выделен строительный горизонт (B2), погибший в пожаре, датированном по находкам 10 медных копеек Алексея Михайловича 1654–1665 гг.¹³

Монеты, образующие северо-западный комплекс, отчеканены на Псковском (23 экземпляра) и Старом (два экземпляра) денежных дворах. Место чеканки трех копеек по причине плохой сохранности установить не удалось.

Датировка псковских монет показывает, что к 1655–1658/1659 гг. принадлежат четыре экземпляра, к 1659–1661 гг. — девять экземпляров, к 1662–1663 гг. — восемь, две копейки без установленного типа относятся к 1655–1663 гг. Две московские копейки и три с неопределенным местом чеканки также датируются 1655–1663 гг.

Из раскопа 53а, расположенного у южной крепостной стены перед площадью Никольского собора, происходят 23 монеты интересующего нас периода. Денежные знаки собраны при снятии верхней части отложений культурного слоя с углями, датированного по совокупности находок второй половиной XV–XVII вв. (рис. 3).

Монеты разделяются между Псковским (13 экземпляров), Старым (4 экземпляра) и Новым (1 экземпляр) денежными дворами. У одной московской копейки точную принадлежность к денежному двору установить не удалось. У четырех монет денежный двор остался не определен. Обращает на себя внимание присутствие в раскопе 53а сразу шести монет,

¹³ Артемьев А. Р. Указ. соч. С. 32.

отчеканенных в Москве. На 53 монеты со всех других раскопов приходится только пять московских.

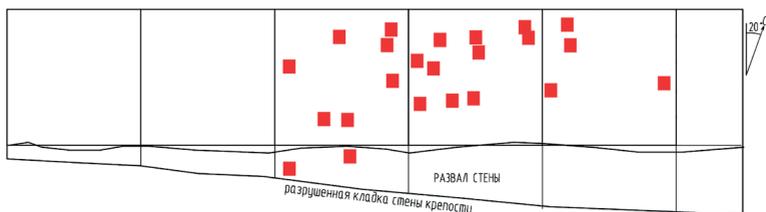

Рис. 3. Раскоп 53а. Схема расположения монет

Датировка псковских монет показывает, что к 1655–1658/1659 гг. принадлежит один экземпляр, к 1659–1661 гг. — два экземпляра, к 1662–1663 гг. — четыре, шесть копеек без установленного типа относятся к 1655–1663 гг. Шесть московских копеек и четыре с неопределенным местом чеканки также датируются 1655–1663 гг.

В целом характер распределения монет из зоны Никольского собора и главных въездных ворот показывает следующее. Большая часть монетных находок происходит из хорошо стратифицированных отложений и связана с горизонтами бытования дорожного замощения и пожара XVII в. Находки монет дают основание для более узких датировок указанных горизонтов.

Отдельные монетные находки сделаны в северо-западной и северо-восточной частях крепости (раскопы 54, 57, 58), где исследовались относительно небольшие участки (общей площадью 60,3 кв. м.) с существенной нарушенностью и слабой стратифицированностью отложений. Большая часть монет (7 экземпляров) раскопа 57 происходит из перемешанного садово-огородного слоя. Монета, найденная на раскопе 58 (у внутренних ворот Талавского захаба), связана со слоем реконструкции ворот XVIII в. Три монеты из раскопа 54 (перед башней Луковкой) происходят из зоны сплошного перекопа. Таким образом, находки 11 монет в северной части крепости могут иметь достаточно случайный характер и происходить из перемещенного слоя.

Монеты этой группы чеканены на Псковском (9 экземпляров) и Новом (1 экземпляр) денежных дворах. Место выпуска одной монеты установить не удалось.

Датировка псковских монет показывает, что к 1659–1661 гг. принадлежат два экземпляра, к 1662–1663 гг. — шесть, копейка без установленного типа относится к 1655–1663 гг. Копейка Нового денежного двора и монета с неопределенным местом чеканки датируются 1655–1663 гг.

Как видно найденные копейки распределяются между денежными дворами Пскова и Москвы (Старым и Новым¹⁴) при значительном доминировании псковской чеканки¹⁵ (рис. 4). Такая картина в целом типична для денежного обращения на Северо-Западе России в 1655–1663 гг. В кладках новгородско-псковского ареала процент псковской эмиссии превышает 77 %. А. С. Мельникова полагала, что продукция Псковского и Кукенойского дворов была ориентирована на западный, скорее всего ливонский, рынок, а Москва и Новгород должны были обеспечивать монетами внутренние регионы. Косвенно в пользу этого свидетельствуют и особенности монетных легенд Пскова и Кукенойса¹⁶.

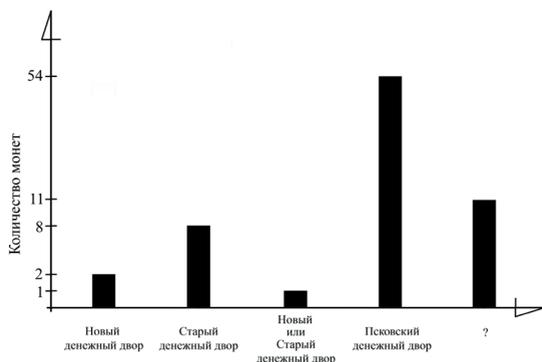

Рис. 4. Количественное распределение монет из Изборской крепости по денежным дворам

¹⁴ Монеты Дворцового денежного двора в настоящее время выделить не удастся, поскольку при их чеканке использовались снасти Нового и Старого дворов (Мельникова А. С. Очерки по истории русского денежного обращения... С. 273).

¹⁵ Место выпуска 11 монет в виду их плохой сохранности установить не удалось.

¹⁶ Мельникова А. С. Очерки по истории русского денежного обращения... С. 274, 293, 294.

В 1655–1663 гг. Псковский денежный двор занимал ключевую позицию в стране благодаря выгодному географическому положению, позволяющему легко пополнять сырьевую базу иностранной медью. Из 20-тысячной коллекции медных копеек собрания ОН ГИМ на долю псковских монет приходится более 16 тысяч экземпляров¹⁷.

Большая концентрация псковских монет в Изборске может быть объяснена и спецификой выплат жалования служилым людям в период Русско-польской войны 1654–1667 гг. Документы начального этапа денежной реформы сообщают, что готовая продукция с периферийных дворов должна была направляться в Москву в распоряжение Большой казны¹⁸. Однако уже 1656 г. грамота новгородского воеводы Г. С. Куракна сообщает об отправке царю, находящемуся при действующей армии, денежных сумм¹⁹.

Псковские Приходно-расходные книги указывают, что 16 января 1659 г. из Пскова в Москву были направлены 36 подвод с медными копейками, 22 марта того же года — 19 подвод, 4 июля — 24 подводы. По распоряжению московских властей, местные воеводы могли оставлять часть готовых денег у себя для раздачи их ратным людям в качестве жалования. Такой указ 1662 г. известен для новгородского воеводы Б. А. Репина²⁰.

¹⁷ Мельникова А. С. Очерки по истории русского денежного обращения... С. 273.

¹⁸ «А что будет зделано, и те деньги велети б присылать к Москве» (Мельникова А. С. Очерки по истории русского денежного обращения... С. 281).

¹⁹ «Указал ты, великий государь... мелкие медные деньги, которые деланы на Москве и в Великом Новгороде и во Пскове прислать к тебе... И впредь на Москве и Великом Новгороде мелкие медные деньги велено делать наспех, днем и ночью, а что будет впредь денег зделано, и те деньги по тому же велено присылать к тебе, великий государь, на стан не замотчав. И о том в твои государевы отчины в Великий Новгород и во Псков велено послать твои государевы грамоты» (Мельникова А. С. Очерки по истории русского денежного обращения... С. 281).

²⁰ «...держать в запасе чetyреста тысяч рублей, а что сверх тех запасных денег зделовые, и те деньги присылать к великому государю к Москве. И от запасных денег, что велено оставить в Великом Новгороде... сколько доведется великого государя жалованья твоево полку ратным людем, которым не дано, дать. А что затем в остатке будет, и тех денег прислать к великому государю в Москве» (Мельникова А. С. Очерки по истории русского денежного обращения... С. 281, 282).

Псковские источники сообщают о выдаче с денежного двора солдатам действующей армии «на корм» сумм от 3 до 10000 рублей по отписке стольника воеводы князя И. А. Хованского. В псковских Приходно-расходных книгах за 1656 г. есть запись, где говорится о выдаче с денежного двора «в четвертные расходы» 3000 рублей по приказу воеводы князя И. А. Хованского. Видно, что местный воевода мог в отдельных случаях распорядиться денежными ресурсами дворов²¹.

В книгах псковских четверных доходов и расходов за 1658/1659 г. отмечены многочисленные посылки денег в Мариенбург, Нейгаузен, Юрьев Ливонский и Царевичев-Дмитриев. Например, 39 марта 1659 г. по грамоте из Приказа Большого дворца из Пскова в Царевичев-Дмитриев «к думному дворянину и воеводе к Офонасию Лаврентьевичу Ордину-Нащокину ратным людям на жалование и на дворцовые расходы десять тысяч рублей послано...» «Значительные суммы посылались из Пскова и в другие Ливонские города»²². Из письменных источников видно, что монеты, выпущенные в Новгороде и Пскове, далеко не всегда отправлялись в распоряжение Большой казны, а в определенных случаях, минуя Москву, сразу передавались в качестве жалования служилым людям. Такая ситуация кажется логичной, так как одна из основных задач денежной реформы заключалась в финансировании русской армии в период ведения войны с Польшей²³.

Вероятно, что на определенном этапе и гарнизон Изборска мог получить денежные суммы напрямую из недалеко расположенного Пскова. Подтвердить или опровергнуть эту версию, возможно, помогут вновь открытые документы.

Обнаружение в ходе раскопок столь большого количества монет, прежде всего, обусловлено важностью исследованного участка в жизни крепости. В XVII в. здесь располагался основной узел всех городских коммуникаций: трасса дороги, соединяющей главные въездные ворота крепости с прицерковной площадью, располагавшейся перед папертью Никольского собора, надвратная Георгиевская башня, Никольский

²¹ Мельникова А. С. Очерки по истории русского денежного обращения... С. 282.

²² Зверев С. В. К истории русских денежных реформ... С. 132.

²³ Зайцев В. В. Русские монеты XIV–XVII вв. Очерки по нумизматике. М., 2016. С. 246.

сбор, тайный ход к воде, башня Колокольная со звонницей и часами. В то же время представительность собранной здесь монетной коллекции объясняется относительно обширной исследованной площадью, а также хорошей сохранностью культурных отложений в данном месте.

Применение к монетам Изборской крепости датировки А. С. Сарайкина и Г. Г. Шатохина показывает, что в количественном отношении доминируют наиболее поздние копейки 1662–1663 гг. Второе место принадлежит выпускам 1659–1661 гг. Самыми малочисленными оказались монеты 1655–1658/1659 гг. (Рис. 5). Такое количественное распределение монет по хронологическим группам не совпадает с пиком производственной активности Псковского двора, который пришелся на 1659–1661 гг. В 1661 г. объем чеканки снижается, что, вероятно, является следствием подписания Кардисского мира со Швецией, которая изменила условия продажи сырьевой меди для России²⁴.

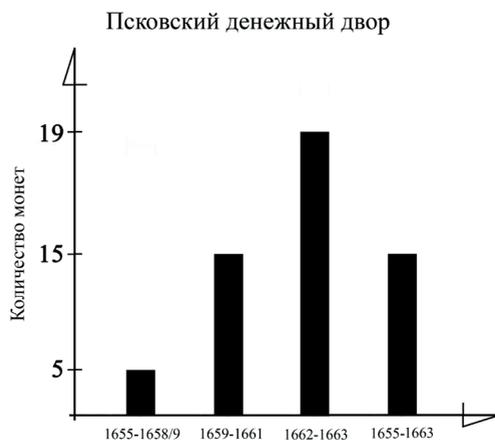

Рис. 5. Хронологическое распределение копеек Псковского денежного двора из Изборской крепости

Выпадение большого количества монет в Изборске в 1662–1663 гг. не может быть связано с какими-либо серьезными

²⁴ Мельникова А. С. Очерки по истории русского денежного обращения... С. 278.

трагическими событиями. Крепость не подвергалась осаде²⁵, а гарнизон по-прежнему составлял из 50 стрельцов и 10 пушкарей. Но, не исключено, что утрата определенного количества монет связана с пожаром, следы которого зафиксированы в северо-западной части раскопа 56.

Вероятнее всего, причину стремительного выпадения медных монет из денежного обращения стоит искать в их обвальном обесценивании. Уже в 1658 г. в русских городах появляется лаж при расчете за товары медными деньгами, который в контексте общего резкого роста цен с течением времени продолжает увеличиваться. В 1661 г. давали за один серебряный рубль 15 медных. Служилые люди получали жалование медными деньгами²⁶.

Косвенно в пользу высказанной версии говорит и отсутствие среди рассмотренного материала серебряных монет Алексея Михайловича, которые массово чеканились до и после 1655–1663²⁷ гг. Письменные источники указывают, что гарнизон в крепости продолжал оставаться до начала XVIII в. Годовая смета 1698 г. указывает, что изборские стрельцы на карауле стоят у городских ворот по 10 человек, а переменяются в сутки²⁸. Однако нумизматическим материалом присутствие ратников в это время не представлено. Монеты с высокой покупательной стоимостью и не должны были массово выпадать из денежного обращения в условиях караульной службы мирного времени. Утрата монет чаще всего связана с какими-либо катаклизмами, или, как в случае с Изборском, — быстрым обесцениванием денег.

Основной причиной провала денежной реформы стал безудержный выпуск в обращение медной монеты с принуди-

²⁵ В случае осады к обороне помимо стрельцов и пушкарей привлекались все их родственники определенного возраста мужского пола (*Носов К. С. Русские крепости конца XV–XVII в. СПб., 2009. С. 117, 130*).

²⁶ *Лаврентьев А. В. Денежная реформа 1654–1663 гг. в освещении летописцев XVII в. // Монеты, медали, жетоны. 1996. С. 42, 43; Мельникова А. С. Очерки по истории русского денежного обращения... С. 271; Зайцев В. В. Русские монеты... С. 246, 248.*

²⁷ В 1663 г. жалование войскам было выплачено уже серебряными деньгами (*Зверев С. В. К истории русских денежных реформ... С. 141*).

²⁸ *Сборник Московского архива Министерства юстиции. М., 1914. Т. VI. С. 419–420; Артемьев А. Р. Указ. соч. С. 308, 309.*

тельным курсом, не обеспеченным имевшимися на рынке товарами. Недоверие к медным монетам вызвал и расцвет фальшивомонетчества и злоупотребления денежными дел мастерами на денежных дворах. Ухудшению ситуации способствовало решение правительства с 1658 г. собирать подати с населения только серебром. Во многих городах России начались восстания против царской администрации²⁹.

Указ о прекращении «делания» медных денег последовал 11 июня 1663 г. С 15 июня на Старом денежном дворе возобновлялась чеканка серебряной проволочной копейки. Все виды жалования, государственные поборы и торговые операции снова осуществлялись серебряными монетами. Медные деньги «указал Великий Государь оставить». Указ от 26 июня 1663 г. требовал: «медные деньги сливать, а не слив, деньгами никому у себя не держать». В казне обмен меди на серебро производился из расчета за одну серебряную копейку 100 медных. В Москве деньги следовало обменять в течении двух недель, в других городах — в течение месяца³⁰.

Указ от 20 января 1664 г. еще раз потребовал «под страхом жестокого наказания, разорения и ссылки в дальние города не держать у себя медных копеек». Сообщалось, что «в Москве разных городех объявляются медные деньги портученны, а иные посеребряны и полужены»³¹. Однако, несмотря на ухищрения части населения, истории обращения медных монет пришел конец.

Точно известное время выхода медных монет из системы денежного обращения позволяет рассматривать их в качестве надежного хронологического индикатора. Выпадение таких денежных знаков в культурный слой происходило не позже 1663–1664 гг.

Следует отметить, что среди рассмотренных монет из Изборской крепости отсутствовали поддельные экземпляры³²,

²⁹ Мельникова А. С. Очерки по истории русского денежного обращения... С. 272; Зайцев В. В. Русские монеты... С. 248.

³⁰ Сборник указов по монетному и медальному делу в России помещенных в полном собрании законов с 1649 по 1881 г. / Сост. М. Деммени. СПб., 1887. Вып. 1. №338, 343. С. 3, 5, 6; Мельникова А. С. Очерки по истории русского денежного обращения... С. 272.

³¹ Зверев С. В. К истории русских денежных реформ... С. 142; Мельникова А. С. Очерки по истории русского денежного обращения... С. 273.

³² Практика подделки медных монет получила самое широкое развитие в период реформы 1655–1663 гг. и объясняется большое

которые не могли быть выданы из казны служилым людям. «Воровских денег» также не было среди состава упомянутых выше кладов из Старой Ладоги и Копорья. Также подделки отсутствуют и в депозите, найденном в трех километрах от г. Чуднова Житомирской области, состоящем из медных копеек, которые, по мнению А. С. Сарайкина и Г. Г. Шатохина, являлись жалованием служилого человека³³.

Специальный анализ веса монет из Изборска не проводился. Известно, что медные копейки чеканились на основании стопы серебряных (443 копейки из гривенки серебра, при нормативном весе копейки в 0,463 г³⁴, однако, в отличие от монет из благородного металла, разброс веса у медных был значительно больше, что объясняется дешевизной сырья. Можно отметить, что наиболее ровный вес у медных копеек зафиксирован у продукции Псковского денежного двора.

Следует отметить, что в коллекции монет, происходящих из различных раскопов, совпадают как распределение по денежным дворам, так и хронологически.

Анализ исторической топографии места находки монетного комплекса и его внутренней структуры позволяет заключить, что он был сформирован из монет, утраченных служилыми людьми в период денежной реформы 1655–1663 гг.

Стремительное выпадение монет из денежного обращения связано как с важностью и активностью использования места, в пределах которого они были найдены, так и с процессом обесценивания медных денег, и отчасти с пожаром. Обращает на себя внимание и отсутствие среди рассмотренной коллекции серебряных монет с высокой покупательной способностью.

Регламентированный на законодательном уровне быстрый вывод медных монет из денежного обращения наделяет данные монеты высоким датировочным потенциалом, позволяющим зажать культурный слой, из которого они происходят, семи-восьмилетними рамками.

разницей между ценой сырья и нарицательной стоимостью полученных монет.

³³ Сарайкин А. С. Шатохин Г. Г. Два клада медных монет... С. 413–420.

³⁴ Зверев С. В. Изменения монетной стопы в русской чеканке XVII в. и их отражение в оформлении монет // Монета. 2000. Вып. 7. С. 56.

Денежная реформа Алексея Михайловича является интереснейшей страницей в истории русской нумизматики, требующей дальнейшего изучения. Несмотря на свой неудачный итог, она послужила хорошим примером для будущего преобразования денежного дела в России уже в эпоху Петра I и, возможно, позволила избежать многих ошибок.

Литература

- Артемьев А. Р.* Города Псковской земли XIII–XV вв. Владивосток, 1998.
- Векслер А. Г., Мельникова А. С.* Российская история в московских кладах. М., 1999.
- Волков И. В., Гришин И. В., Малых С. В.* Клад медных монет царя Алексея Михайловича из раскопок 2015 г. в Кадашевской слободе Москвы // Археология русского города. 2017. Т. I. С. 156–197.
- Горлов К. В., Григорьева Н. В., Лапшин В. А., Травкин С. Н.* Клад русских средневековых монет из Ладужской каменной крепости // *Stratum plus*. 2017. № 6. С. 211–233.
- Горлов К. В.* Новые источники о жаловании служилых людей XVII в. // Деньги в Российской истории: вопросы производства, обращения, бытования. 2018. С. 118–122.
- Горлов К. В., Рожнова О. В.* Монетный клад Смутного времени из крепости Копорье // Записки ИИМК РАН. 2018. Вып. 18. С. 149–157.
- Гришин И. В., Клецинов В. Н., Храменков А. В.* Каталог русских средневековых монет с правления Ивана IV до правления Петра I (1533–1717 гг.). М., 2015.
- Зайцев В. В.* Клады начала XVII в. как источник по ранней истории Комарицкой волости // Нумизматический сборник ГИМ. 2001. Том XV. Труды ГИМ. Вып. 125. С. 262–275.
- Зайцев В. В.* Русские монеты XIV–XVII вв. Очерки по нумизматике. М., 2016.
- Зверев С. В.* Изменения монетной стопы в русской чеканке XVII в. и их отражение в оформлении монет // Монета. 2000. Вып. 7. С. 43–63.
- Зверев С. В.* К истории русских денежных реформ 1654–1663 гг. // Патриарх Никон и его время: Сборник научных трудов ГИМ. 2004. Вып. 139. С. 108–143.
- Зверев С. В.* Монеты крупных номиналов в денежном обращении Русского государства в середине XVII в. // Вестник

- РГГУ. 2015. № 9 (152). Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». С. 114–122.
- Лаврентьев А. В.* Денежная реформа 1654–1663 гг. в освещении летописцев XVII в. // *Монеты, медали, жетоны.* 1996. С. 37–49.
- Мельникова А. С.* Служилые люди Василия Шуйского по данным монетных кладов // *Очерки феодальной России.* 1998. Вып. 2. С. 88–122.
- Мельникова А. С.* Русские монетные клады рубежа XVI–XVII веков. Киев, 2003.
- Мельникова А. С.* Очерки по истории русского денежного обращения XVI–XVII веков. М., 2005.
- Носов К. С.* Русские крепости конца XV–XVII в. СПб., 2009.
- Сарайкин А. С. Шатошин Г. Г.* К проблемам атрибуции псковских медных копеек середины XVII века // *Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики.* 2016. Вып. 2. С. 291–310.
- Сарайкин А. С. Шатошин Г. Г.* Два клада медных монет Алексея Михайловича // *Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики.* 2017. Вып. 4. С. 412–438.
- Седов В. В.* Древний Изборск // *Древний Псков: История. Искусство. Археология. Новые исследования.* 1988. С. 44–65.
- Сборник указов по монетному и медальному делу в России помещенных в полном собрании законов с 1649 по 1881 г.* Сост. М. Деммени. Вып. 1. СПб., 1887.
- Сборник Московского архива Министерства юстиции.* Т. VI. М., 1914.
- Таценко С. Н.* О кладовладельцах «Смутного времени» (на примере четырех московских кладов) // *Нумизматический сборник ГИМ.* 2003. Том XVI. Труды ГИМ. Вып. 138. С. 197–218.
- Цуканов Л. Н.* Клад Василисы, вдовы Арсеньевой. Монеты и история. М., 2017.

Горлов Константин Вячеславович, научный сотрудник Лаборатории камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия); эл. почта: konstantinv.gorlov2018@yandex.ru.

Закурина Татьяна Юрьевна, кандидат исторических наук, археолог (Археологический центр Псковской области., Псков, Россия); эл. почта: tanyazak@list.ru

Степанов Сергей Владимирович старший научный сотрудник (АНО «Псковский археологический центр», Псков, Россия); эл. почта: pskovarheolog@yandex.ru

Coins of 1655–1663 Mintage from Izborsk Fortress as a New Source for Soldiers of the 17th Century

Izborsk fortress is an important monument of Russian defensive architecture of the XIV–XVII centuries. The history of the study of the fortress has more than 100 years. The archaeological excavations by T. Yu. Zakurnai, S. V. Stepanov in 2010–2013 produced numerous artefacts. The discovery of 76 copper coins minted by Tsar Alexei Mikhailovich in 1656–1663 is quite important.

In 1655, the government of Tzar Alexei Mikhailovich introduced to circulation copper instead of silver for kopeika minting. Soon the copper coins remained the only money of Russia. They were used for paid salaries to soldiers. Pskov Mint in 1655–1663 produced the largest number of coins in Russia. In Izborsk in 2010–2013 were found more kopeikas of Pskov than Moscow coinage.

Such a large number of coins minted in 1656–1663 is a rare find. There are several reasons for the loss of them. The place of finding is connected with the center of the social life of the fortress in the 17th century. The next reason is associated with the devaluation of these coins and the high inflation rate in Russia in the early 1660s. One silver kopeika was worth 100 copper kopeikas. For copper money, it was rarely possible to buy anything.

The loss of coins is not associated with the tragic events in the history of Izborsk. The discovery of coins in the fortress gives the reason to consider that they were lost by fortress garrison soldiers. Since among the coins, there are no fakes. The government did not use counterfeits for soldiers' salaries and other payments.

In 1663, the production of copper coins was stopped. They were again replaced by silver kopeikas. The state exchanged copper for silver coins. The definite time for stopping the circulation of copper coins makes it possible to use them for exact dating of the archaeological horizon. The coins were in the ground no later than 1663–1664's.

Key words: fortress, Izborsk, copper coins, devaluation, garrison, material for dating.

Konstantin Gorlov, Researcher of the Laboratory of Cameral and Digital Processing, Accounting and Storage of Archaeological Collections (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia); e-mail: konstantino.gorlov2018@yandex.ru.

Tatyana Zakurnai, Candidate of Historical Sciences, Archaeologist (Pskov Regional Archaeological Centre, Pskov, Russia); e-mail: tanyazak@list.ru

Sergej Stepanov, Senior Researcher (Pskov Archaeological Centre, Pskov, Russia); e-mail: pskovarheolog@yandex.ru.

References

- Artem'ev A. R.* Goroda Pskovskoj zemli XIII–XV vv. Vladivostok, 1998.
- Veksler A. G., Mel'nikova A. S.* Rossijskaya istoriya v moskovskih kladah. M., 1999.
- Volkov I. V., Grishin I. V., Malyh S. V.* Klad mednyh monet carya Alekseya Mihajlovicha iz raskopok 2015 g. v Kadashevskoj slobode Moskvy // *Arheologiya russkogo goroda*. 2017. T. I. S. 156–197.
- Gorlov K. V., Grigor'eva N. V., Lapshin V. A., Travkin S. N.* Klad russkih srednevekovykh monet iz Ladozhskoj kamennoj kreposti // *Stratum plus*. 2017. № 6. S. 211–233.
- Gorlov K. V.* Novye istochniki o zhalovanii sluzhilykh lyudej XVII v. // *Den'gi v Rossijskoj istorii: voprosy proizvodstva, obrashcheniya, bytovaniya*. 2018. S. 118–122.
- Gorlov K. V., Rozhnova O. V.* Monetnyj klad Smutnogo vremeni iz kreposti Kopor'e // *Zapiski IIMK RAN*. 2018. Vyp. 18. S. 149–157.
- Grishin I. V., Kleshchinov V. N., Hramenkov A. V.* Katalog russkih srednevekovykh monet s pravleniya Ivana IV do pravleniya Petra I (1533–1717 gg.). M., 2015.
- Zajcev V. V.* Klady nachala XVII v. kak istochnik po rannej istorii Komarickoj volosti // *Numizmaticheskij sbornik GIM*. 2001. Tom XV. Trudy GIM. Vyp. 125. S. 262–275.
- Zajcev V. V.* Russkie monety XIV–XVII vv. Ocherki po numizmatike. M., 2016.
- Zverev S. V.* Izmeneniya monetnoj stopy v russkoj chekanke XVII v. i ih otrazhenie v oformlenii monet // *Moneta*. 2000. Vyp. 7. S. 43–63.
- Zverev S. V.* K istorii russkih denezhnykh reform 1654–1663 gg. // *Patriarh Nikon i ego vremena: Sbornik nauchnykh trudov GIM*. 2004. Vyp. 139. S. 108–143.
- Zverev S. V.* Monety krupnykh nominalov v denezhnom obrashchenii Russkogo gosudarstva v seredine XVII v. // *Vestnik RGGU*. 2015. № 9 (152). Seriya «Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie». S. 114–122.
- Lavrent'ev A. V.* Denezhnaya reforma 1654–1663 gg. v osveshchenii letopiscev XVII v. // *Monety, medali, zhetony*. 1996. S. 37–49.
- Mel'nikova A. S.* Sluzhilye lyudi Vasiliya SHujskogo po dannym monetnykh kladov // *Ocherki feodal'noj Rossii*. 1998. Vyp. 2. S. 88–122.
- Mel'nikova A. S.* Russkie monetnye klady rubezha XVI–XVII vekov. Kiev, 2003.
- Mel'nikova A. S.* Ocherki po istorii russkogo denezhnogo obrashcheniya XVI–XVII vekov. M., 2005.
- Nosov K. S.* Russkie kreposti konca HV–XVII v. SPb., 2009.
- Sarajkin A. S., Shatoshin G. G.* K problemam atribucii pskovskih mednykh kopeek serediny XVII veka // *Rus', Litva, Orda v pamyatnikah numizmatiki i sfragistiki*. 2016. Vyp. 2. S. 291–310.
- Sarajkin A. S., Shatoshin G. G.* Dva klada mednykh monet Alekseya Miha-

- jlovicha // Rus', Litva, Orda v pamyatnikah numizmatiki i sfragistiki. 2017. Vyp. 4. S. 412–438.
- Sedov V. V.* Drevnij Izborsk // Drevnij Pskov: Istoriya. Iskusstvo. Arheologiya. Novye issledovaniya. 1988. S. 44–65.
- Sbornik ukazov po monetnomu i medal'nomu delu v Rossii pomeshchennyh v polnom sobranii zakonov s 1649 po 1881 g. Sost. M. Demmeni. Vyp. 1. SPb., 1887.
- Sbornik Moskovskogo arhiva Ministerstva yusticii. T. VI. M., 1914.
- Tacenko S. N.* O kladovlade'cah «Smutnogo vremeni» (na primere chetyrekh moskovskih kladov) // Numizmaticheskij sbornik GIM. 2003. Tom XVI. Trudy GIM. Vyp. 138. S. 197–218.
- Cukanov L. N.* Klad Vasilisy, vdovy Arsen'evoj. Monety i istoriya. M., 2017.

Постников Б. А.

РОД ЛЬНОТОРГОВЦЕВ БАЛАКИРЕВЫХ, ПОСАДСКИХ ПОЛКОВНИКОВ (К ВОПРОСУ О ПСКОВСКОЙ ТОРГОВЛЕ НА БАЛТИКЕ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII вв.)

Важной задачей современного изучения древнего Пскова остается выявление персонального состава городского посадского сословия на всем протяжении его 300-летней истории. Решение этой масштабной задачи осуществлялось, начиная с середины 1980-х гг., посредством сплошного копирования большого круга массовых источников и актовых материалов, обнаруженных в архивах РГАДА, ГАПО и Древлехранилища ПИХМ. Вслед за тем создавалась персональная картотека посадских псковичей, выполнялась реконструкция их родословий и собирались сведения об их хозяйственной деятельности. Все это дало возможность приступить к подушному жизнеописанию посадских псковичей, озаглавленному нами: «Псковский посад в XVI–XVIII веках. Анимографический свод». К настоящему времени готовятся к публикации первые два тома свода, содержащие, помимо обширной вводной части, статьи по персоналиям посадских людей в алфавитном порядке (от «А» – по «Г» включительно). В предлагаемой статье представлен небольшой фрагмент, в котором приводятся сведения о ранее не известном роде псковских купцов Балакиревых, поставлявших большие партии товаров к прибалтийским гаваням и игравших важную роль в организации посадского ополчения в годы Северной войны.

Ключевые слова: архивные источники, посадские люди, анимографический свод, торговые псковичи, шведские владения.

Известно, что с давних времен процветание порубежного Пскова в значительной степени зависело от его торговли с западными соседями. На протяжении столетий псковские купцы постоянно вывозили к прибалтийским гаваням лен, пеньку, воск, сало, выделанные кожи и другие местные товары и возвращались оттуда с железным и медным ломом, промышленными изделиями западных мастеров, рейнскими и фряжскими винами, и так далее. Перекупным торговым

промыслом и экспортными операциями были заняты не только крупные оптовики, составлявшие группу так называемых «прожиточных» или «лучших людей», но и большинство горожан, включая ремесленников. Будучи основным городским сословием «псковичи посадские люди» всех профессий и промыслов являлись на протяжении веков творцами и созидателями всего псковского благолепия, жалкие остатки которого едва дошли до нашего времени и большей частью сохранились лишь в исторической памяти.

Сегодня на слуху псковичей имена тех немногих посадских сограждан, каменные палаты которых сохранились до нашего времени: купцов Поганкиных, Русиновых, Меншиковых, Трубинских, Ямских, Посниковых, Сарпуновых. Историки назовут еще Иголкиных, Хозиных, а также хлебников Федора Емельянова и Гаврилу Демидова, отмеченных в летописях в связи с известными событиями. Всего не многим более полутора десятков человек, статьи о которых издавались, начиная с 1870-х гг. псковскими авторами: К. Г. Евлентьевым, И. В. Рыльским, В. А. Богусевичем, В. И. Лабутиным, Б. А. Постниковым, Л. Н. Макеенко, О. В. Емелиной.

Между тем, в двух сборниках Московского Архива министерства Юстиции (МАМЮ), посвященных Пскову и его пригородам, опубликован большой массив документов, в которых помимо множества псковичей, плативших оброк за свои заведения на псковском Торгу в 1585–1587 гг. (по подсчетам Н. С. Чечулина 773 человека)¹ поименно названы 152 псковитина посадских человека, отмеченных в разных делах XVII — начала XVIII вв.² Изучавшая псковский торг середины XVII в. Е. В. Чистякова также приводит имена более 60-ти посадских псковичей, большинство из которых, кроме лавочной торговли, принимали участие в оптовых операциях с иноземными купцами³.

В обширной исторической литературе посвященной экономическим связям России с Прибалтикой в XVI–XVII вв. неоднократно рассматривалось деятельное участие псковичей в зарубежной торговле. В статьях Е. Д. Рухмановой,

¹ Чечулин Н. С. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889. С. 130.

² Сб. МАМЮ. М., 1913. С. 1–502; Сб. МАМЮ. М., 1914. С. 1–555.

³ Чистякова Е. В. Псковский торг в середине XVII в. // Исторические записки. № 34. М. 1950. С. 198–225.

А. Л. Хорошкевич, Х. А. Пийримяэ, В. В. Дорошенко и других авторов в разных эпизодах упоминаются имена многих ранее неизвестных псковских купцов⁴. В этой связи весьма ценной является публикация русских актов Ревельского городского архива, в которой приводятся торговые сделки 23-х псковичей⁵. Не меньшее значение имеет сборник архивных материалов, изданных Константином Якубовым под названием «Россия и Швеция в первой половине XVII века», где отражены зарубежные операции 22-х псковских торговцев⁶. Особую ценность представляет сборник документов под названием «Русско-шведские экономические отношения в XVII веке», в котором содержится много псковских материалов, где упоминаются имена и деяния 157 псковичей торговых людей⁷.

Встречаются также сведения об отдельных посадских псковичах в других статьях и публикациях исторических актов, которые не могут быть перечислены в рамках краткого сообщения. Но все эти разрозненные материалы не сопоставимы с реальным персональным составом и численностью посадских псковичей, сменявших друг друга на протяжении трех столетий, знания о которых необходимы для всестороннего изучения истории Псковского посада.

⁴ Рухманова Е. Д. Русско-шведская торговля на Балтике в середине XVII в. // Скандинавский сборник. Т. 11. Таллин, 1957. С. 47-71; Хорошкевич А. Л. Значение экономических связей с Прибалтикой для развития северо-западных русских городов в конце XV — начале XVI в. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Сборник статей. Рига. 1968. С. 13-31; Пийримяэ Х. А. Торговые отношения России со Швецией и другими европейскими странами по материалам нарвского ввоза 1661-1700 гг. // Скандинавский сборник. Вып. 7. Таллин, 1963. С. 44-83; Дорошенко В. В. Русский экспорт через Нарву (по данным Иван-городской таможни 1619-1620 гг. // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 2001. С. 339-351.

⁵ Русские акты Ревельского городского архива. Изданы Археографической Комиссией под ред. Александра Барсукова // Русская историческая библиотека (РИБ). Т. XV. СПб., 1894. Стлб. 1-320.

⁶ Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII века. Сборник материалов, извлеченных из Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел и Шведского Государственного Архива, касающихся истории взаимных отношений России и Швеции в 1616-1651 годах. М., 1897. С. 1-493.

⁷ Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. М., 1960. С. 1-653.

Об актуальности такого исследования свидетельствует, в частности, опыт Ю. П. Спегальского, опубликовавшего в 1963 г. известную монографию об архитектурных формах каменных жилых зданий Пскова XVII в. В своей работе он использовал лишь сведения о псковском купечестве, имевшиеся в дореволюционной краеведческой литературе, и не проводил дополнительных историко-архивных изысканий. Поэтому первоначальные владельцы многих рассмотренных им древних палат остались не установленными и некоторые из них до сего времени называются именами позднейших владельцев⁸. За недостатком исторических сведений о посадских людях не поддаются атрибуции как уцелевшие древние жилые и хозяйственные здания, подлежащие сохранению и реставрации, так и многие их остатки, выявляемые в ходе археологических раскопок. И уж тем более не насыщается деталями и не воссоздается с необходимой полнотой общая картина многообразной хозяйственной и культурной жизни псковского посада.

Поэтому одной из основных задач современного изучения древнего Пскова является выявление поименного состава его граждан — посадских людей всех социальных уровней, установление их персональных судеб и родословий, родовых владений, ремесел и промыслов.

Решение этой масштабной задачи можно было осуществить лишь целенаправленным и системным привлечением большого круга массовых источников, дающих возможность с наибольшей полнотой выявлять хронологические срезы персонального состава городского населения. Такими источниками в первую очередь являются писцовые, оброчные и таможенные книги по Пскову XVI — начала XVIII вв., подушные ревизии (ревизские сказки) податного сословия и исповедные росписи городских церквей XVIII в., а также обширные актовые материалы, содержащие всевозможные росписи и переписные книги посадских людей, строельные, сметные и прочие книги, включая доношения городовых магистратов о числе купцов и мещан Пскова, их занятиях и доходах. Особую ценность представляют книги купчих крепостей по Пскову, в которых описана и топографически привязана значительная часть жилых и промышленных дворов, а также торговых лавок посадских

⁸ Спегальский Ю. П. Псковские каменные жилые здания XVII в. М., 1963. С. 1-175.

псковичей. Работа по выявлению и сплошному копированию этих источников проводилась на материалах РГАДА, ГАПО и Древлехранилища ПИХМ начиная с середины 1980-х гг.

Вторым этапом этой работы стало составление подушной картотеки посадских людей Пскова XVI–XVIII вв. При этом раздельно учитывались все выявленные персоналии: от известных своими трудами псковичей — до стариков и младенцев, от торговых людей — до ремесленников и их работников, от «нарочитых» и «прожиточных» горожан — до убогих богаделенных старцев. Отметим, что частые хронологические срезы массовых источников давали возможность проследить жизненные события и судьбы этих людей, а также определить их семейные связи и воссоздать генеалогию многих посадских родов. Так три ветви рода псковских посадских людей Хрястоловых, предок которых Григорий был псковским посадником в 1485–1504 гг., упоминаются в привлеченных источниках с 1585 по 1795 г. и представлены в шести поколениях 68 персоналиями мужского пола; род кушцов Черных представлен в семи поколениях 38 персоналиями и так далее. В то же время специфика источников позволяет получить топографическую привязку жилых посадских дворов по сотням, улицам, а позднее — по церковным приходам.

Наконец, третьим этапом — является написание статей по всем выявленным персоналиям, которые представляются в алфавитном порядке в виде подушного свода посадских людей, сопровождаются реконструкциями генеалогических схем и охватывают все посадское сословие со времени его возникновения после присоединения Пскова к Московскому государству — до упразднения в ходе городских реформ конца XVIII столетия. Тем самым полагается основа нашего знания обо всех, без какого-либо нарочитого исключения, псковичах посадских людях. Они выводятся из небытия исторического забвения и становятся реальными субъектами современных исторических и генеалогических изысканий.

Такой опыт составления полного подушного свода основного сословия крупного русского города предпринимается впервые и требует специальной дефиниции нового «жанра» исследования. В нашем представлении такой сословный свод мог бы называться «анимографическим» от соединения двух понятий: латинского *anima* — «душа, живое существо, чело-

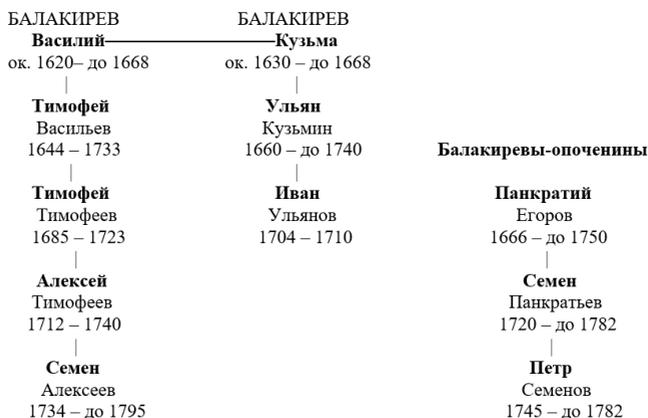
век, разумная душа человека» (*animo* — «дух, душа, оживлять, одушевлять») и греческого *grapho* — писать, чертить. Это словосочетание могло бы означать некое душеописание, своего рода «одушевление» давно забытых предков, воссоздание их духовных очертаний через воспоминания об их деяниях.

Отсюда предлагаемое название работы: «Псковский посад в XVI–XVIII вв. Анимографический свод».

В настоящее время готовятся к публикации первые два тома «Свода», объем которых составляет свыше 2200 страниц (Ок. 160 усл. п. л.), где, помимо обширной вводной части с перечнем привлеченных источников, содержатся в алфавитном порядке (от «А» — по «Г» включительно) краткие сообщения по персоналиям всех выявленных посадских псковичей.

Описания отдельных семейств и родов посадских людей предваряют разъяснения о происхождении и значении их родового прозвища или фамилии. Для наглядности приведем небольшой фрагмент второго тома «Свода», в котором содержатся сведения о ранее не известном роде псковских купцов Балакиревых, имевших обширные торговые связи с иноземными купцами через прибалтийские гавани, игравших ведущую роль в городском сословном самоуправлении, и в организации посадского ополчения в ходе Русско-Шведской (Северной) войны.

Род псковских посадских людей Балакиревых

БАЛАКИРЕВ — фамилия, образованная от прозвища *Балакирь*, возможно связанного «с диалектным *балакирь* — “кувшин, кринка, горшок” (в этом случае прозвище давалось по внешнему виду)»⁹. Род псковских посадских людей Балакиревых упоминается в привлеченных источниках с середины XVII в. по 1795 г. Представлен в пяти поколениях восемью персоналиями мужского пола. Основатель старшей ветви рода торговый п. п. ч. «Васка Болакирев» (см. Балакирев Василий). Однофамильцы или сродники псковских Балакиревых — опочечкие посадские люди Балакиревы, прибывшие в Псков и записавшиеся в посад около 1730 г.; упоминаются с 1733 по 1777 г. и представлены в трех поколениях тремя персоналиями мужского пола.

БАЛАКИРЕВ (БОЛАКИРЕВ) АЛЕКСЕЙ ТИМОФЕЕВ (1712–1740) — псковский купец, п. п. ч. Мокролужской сотни. Правнук Василия Балакирева (см. Балакирев Василий) — основателя старшей ветви рода псковских посадских людей Балакиревых. Впервые упоминается девятилетним отроком в ревизских сказках 1721–1723 гг. по Мокролужской сотне. Жил в родовом дворе Балакиревых в Больших Кузнецах вместе с дедом — богатым псковским купцом и посадским полковником Тимофеем Васильевым сыном Балакиревым 77 лет от роду (см. Балакирев Тимофей Васильев) и своим отцом — тоже купцом Тимофеем Тимофеевым 36 лет (см. Балакирев Тимофей Тимофеев). Первая подушная ревизия фиксировала лишь псковичей мужского пола, поэтому мать Алексея — Анна Петрова и младшая сестра Наталья, рожденная в 1717 г., в сказках не указаны. В этом дворе проживали в работниках посадский бобыль «Понкратей» Корнильев 20 лет (см. Дрягилев Панкратий Корнильев) и посадский человек Сила Донской 24 лет (см. Донской Сила Якимов) с годовалым сыном Степаном (см. Донской Степан Силин) В сказках отмечалось, что дед и отец Алексея торгуют льном и пенькой¹⁰. В Реестре посадских людей Пскова того времени уточнялось, что его дед «Тимофей Болакирев, торг имеет лном и пенкою и протчими товары на 3000 рублей»¹¹. Однако, в том же 1723 г. его отец Тимофей Ти-

⁹ Ганжина И. М. Словарь современных русских фамилий. М., 2001. С. 47.

¹⁰ Российский государственный архив древних актов. Далее: РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. № 2693. Л. 61 об. — 62.

¹¹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. № 2687. Л. 8.

мофеев умер¹² и 11-летний отрок Алексей остался в родовом дворе вместе с престарелым дедом. Из более поздних источников выясняется, что уже 13 лет отроду Алексей Балакирев был женат на некоей Татьяне, которая в 1725 г. родила ему дочь Прасковью. Год рождения дочери известен из Ревизской сказки 1762 г., в которой сообщалось, что «Прасковья Алексеева тридцати семи лет природная города Пскова посадцкого человека *Алексея Болакирева* дочь»¹³.

Двор Балакиревых в Больших Кузнецах находился в приходе церкви Анастасии Узорешительницы. В 1733 г. юная жена Алексея Татьяна и их работница в последний раз, выводили 89-летнего его деда Т. В. Балакирева (умер в том же году) в церковь для приобщения Святых Христовых Таин. В церковной исповедной росписи за этот год сообщалось: «посадцкой человек Тимофей Васильев сын Болакирев, внука ево Татяна [жена его внука Алексея. — *Б. П.*], да работница годовая посадская бобылка вдова Евдокия Григорьева во исповеди были». Сам же Алексей во исповеди не был, а его жену и деда сопровождал в храм «работник ево годовой Васильевские церкви с Горки бобыль Филип Иванов», который «во исповеди был, а Святых Таин не приобщался»¹⁴. В 1735 г. «*посадцкой человек Алексей Болакирев* з женою Татианой» также были «во исповеди <...>, а святых таин не приобщались»¹⁵. Незадолго перед тем (в 1734 г.) у них родился сын Семен (см. Балакирев Семен Алексеев)¹⁶.

Через несколько лет супруга Алексея Татьяна умерла, и он женился во второй раз. Новая жена — Акулина Иванова 1697-го года рождения — была старше его на 15 лет¹⁷. Но уже в 1740 г. в возрасте 28 лет Алексей Балакирев умер.

Ревизская сказка 1744 г., сообщавшая о смерти А. Т. Балакирева, отмечала, что в его дворе проживали: «*Алексея* оставшейся сын Семен 10 лет», а также крепостные работники Иев Семенов 41 года (см. Семенов Иев) и Алексей Григорьев 50 лет

¹² Государственный архив Псковской области. Далее: ГАПО. Ф. 22. Оп. 2. Д. 20. Л. 677.

¹³ ГАПО. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2710. Л. 85 об.

¹⁴ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 3461. Л. 121 об.

¹⁵ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 3464. Л. 120.

¹⁶ ГАПО. Ф. 22. Оп. 2. Д. 20. Л. 667–677 об.

¹⁷ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. № 2710. Л. 45 об.

(см. Григорьев Алексей)¹⁸. Несмотря на существование прямого наследника — малолетнего сына Семена — дети его двоюродной тетки Прасковьи Ульяновой и купца Степана Ракова (см. Раков Степан) в 1741 г. хлопотали «об отдаче им по наследству имения умершего Балакирева»¹⁹. Добиться этого не удалось, и вся недвижимость А. Т. Балакирева перешла к его вдове Акулине Ивановой, дочери и сыну Семену Алексееву. Дочь же его Прасковья Алексеева была выдана «в замужество» за купца Тихона Самуилова (см. Безносков Тихон Самуилов)²⁰.

Позднее, вдова покойного Алексея Балакирева Акулина Иванова переселилась в собственный двор, приобретенный ею на Запсковье, который находился в Жирковской сотне в приходе Козмодемьянской церкви с Примостья. В 1751 г. она была в храме у исповеди вместе со всеми, проживавшими у нее работниками: посадским человеком Иваном Петровым 56 лет (см. Петров Иван), его женой Февроньей Тимофеевой 40 лет, их детьми Еленой 10 лет, Анной 5 лет и трехлетним Яковом, работницей девкой Ириной Петровой 29 лет, жившим у нее в подсоседстве посадским человеком Григорием Ивановым 49 лет (см. Иванов Григорий), его женой Февроньей Ивановой 40 лет, их девятилетним сыном Иваном (см. Григорьев Иван) и своим работником — бобылем Псково-Печерского монастыря Миной Ивановым²¹.

О купеческой деятельности А. Т. Балакирева известно лишь то, что в 1735 г. он уплатил в Большой псковской таможене на Гостине дворе таможенных пошлин на сумму 179 руб. 47 $\frac{3}{4}$ коп.²² Вероятно, как дед и отец — он занимался льноторговлей и вывозил крупные партии льна и пеньки в С.-Петербург и к прибалтийским гаваням. В Оброчной книге Пскова 1758 г. достаточно полно представлена принадлежавшая ему недвижимость. Причем, одна часть его оброчных владений продолжала числиться на нем и, соответственно, принадлежала его вдове А. И. Балакиревой, а другая — была переписана на сына Семена. Приведем лишь те из них, которые все еще писались за покойным Алексеем.

¹⁸ ГАПО. Ф. 22. Оп. 2. Д. 20. Л. 667–677 об.

¹⁹ РГАДА. Ф. 440. Оп. 2. № 216.

²⁰ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. № 2710. Л. 85 об.

²¹ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3490. Л. 176–176 об.

²² ГАПО. Ф. 22. Оп.1. Д. 8. Л. 522.

Так, «з дворового места на посадцком человеке *Алексее Болакиреве* (то есть с родового двора Балакиревых в Больших Кузнецях), что напредь были пусторжевцов Григорья да Петра Шушериных», которое имелось в Мокролужской сотне смежно со двором посадцкого человека Михаила Железникова (см. Железников Михаил Силин), платился оброк 26 $\frac{1}{4}$ копейки²³.

С дворового места «на нем же *Балакиреве*, что напредь было кузнеца Ивана Апары [см. Апара Иван]», которое находилось по соседству с первым — «в Мокролужской сотни смежно со двором посадцкого человека Михаила Железникова», платился такой же оброк (26 $\frac{1}{4}$ коп.)²⁴.

С места в Горшечном ряду псковского Торга, прежде бывшего на казенном каменщике Иване Софронове (см. Софронов Иван), «что ныне огород псковскаго купца *Алексея Болакирева*», которое имелось в Пятенной сотне за алтарем церкви Ксении от Торгу — оброк составлял 15 $\frac{3}{4}$ копейки²⁵.

С лавочного места «на посадцком человеке *Алексее Болакиреве*», что прежде было п. ч. Петра Ботанова [см. Ботанов Петр Анкидинов], которое имелось в Большом Мясном ряду псковского Торга — платился оброк 10 копеек²⁶.

«С полулавочного места на нем же *Болакиреве*», что «напредь» было п. ч. Андрея мельника (см. Мельников Андрей Михайлов), которое находилось в Большом Мясном ряду псковского Торга — оброк составлял 6 $\frac{1}{4}$ копейки²⁷.

Кроме того, в том же, 1758 г., «бывшаго псковскаго купца *Алексея Болакирева* жена ево вдова Акилина Иванова» платила оброк за дворы наследников некоторых умерших псковичей:

За дворовое место, записанное за посадской вдовой Вассой Михайловой дочерью Русиновой, «что напредь было» п. ч. Ерофея Русинова, которое находилось в Житницкой сотне «против прежней кобацкой стоики» — 12 $\frac{3}{4}$ копейки²⁸;

За дворовое место бывшего п. п. ч. Федора Русинова (см. Русинов Федор Григорьев), записанное за его дочерью «девкой» Марфой, «что напредь было вдовы Никифоровой жены

²³ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. № 749. Л. 75 об.

²⁴ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. № 749. Л. 75 об.

²⁵ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. № 749. Л. 46 об.

²⁶ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. № 749. Л. 97 об.

²⁷ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. № 749. Л. 97 об.

²⁸ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. № 749. Л. 30 об.

Запорова [см. Запоров Никифор Михайлов] — Афимьи», которое находилось в Жирковской сотне в приходе Ильинского девичья монастыря с Запсковья смежно с двором псковского помещика Гаврилы Козляинова, и распаханное к тому времени под огород — 15¾ копейки²⁹;

За лавку, числившуюся на посадской вдове Катерине Максимовой, что была п. ч. Михаила Сарпунова (см. Сарпунов Михаил Венедиктов), которая имелась «в Житницкой сотне в Примостье против Козмодемьянской лавки». Оброк составлял 10 копеек³⁰.

БАЛАКИРЕВ ВАСИЛИЙ (ВАСКА) (ок. 1620 — ум. до 1668) — лавочный торговец, п. п. ч. Основатель старшей ветви рода псковских посадских людей Балакиревых. Имел младшего брата Кузьму (см. Балакирев Кузьма). Отсутствие упоминания о Балакиревых в валовой переписи Пскова 1646 г. наводит на мысль, что они могли появиться в городе с середины XVII в. Во всяком случае, уже к 1660-м гг. Василий Балакирев владел на псковском Торгу лавочным местом с оброком «полпяты денги»³¹. По более поздним источникам известно, что эта лавка находилась в бывшем Сапожном ряду, «идучи от Мокрово ручья на левой стороне»³². До 1668 г. это лавочное место перешло во владение к его сыну посадскому человеку Тимошке Балакиреву (см. Балакирев Тимофей Васильев)³³. К тому времени Василий Балакирев умер.

БАЛАКИРЕВ ИВАН УЛЬЯНОВ (1704–1710) — посадский младенец Кстовской сотни. Внук Кузьмы Балакирева (см. Балакирев Кузьма) — основателя младшей ветви рода псковских посадских людей Балакиревых. В валовой переписи Пскова 1709 г. Иван Балакирев упоминается пятилетним младенцем, проживающим вместе с отцом посадским полковником Ульяном Балакиревым (см. Балакирев Ульян Кузьмин) в его дворе, в Кстовской сотне. В переписи представлен: «Двор посацкого полковника Ульяна Балакирева, у него сын *Иван пяти лет*, у него ж живут [в работниках. — Б. П.] посацкого отца сын Сила Гаврилов [см. Панов Сила Гаврилов], бывший понамарь от Старого Костра Иван Панкратьев, да вскормлен-

²⁹ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. № 749. Л. 19.

³⁰ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. № 749. Л. 91 об.

³¹ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. № 12. Л. 109 об.

³² ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. № 749. Л. 132.

³³ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. № 12. Л. 109 об.

ник Петр Силин девяти лет [см. Силин Петр], да выходец из-за Польского рубежа работник Иван Никитин [см. Никитин Иван]»³⁴. По более поздним сведениям двор располагался в живописном месте «на Островке на берегу Псковы реки против Гремяцкого монастыря»³⁵. В переписи псковичей 1711 г., составленной с особой тщательностью, после морового поветрия и городского пожара, показан лишь его отец Ульян Балакирев из чего следует, что Иван Балакирев умер шестилетним младенцем во время чумы 1710 г.

[БАЛАКИРЕВ КУЗЬМА], ретроспекция (ок. 1630 – ум. до 1668) – п. п. ч. Мокролужской (?) сотни. Основатель младшей ветви псковского рода Балакиревых. Имел старшего брата Василия (см. Балакирев Василий). Отсутствие упоминания о Балакиревых в валовой переписи Пскова 1646 г. наводит на мысль, что они могли появиться в городе с середины XVII в. Старший брат Кузьмы – Василий владел торговой лавкой в Сапожном ряду псковского Торга, которая к 1668 г. перешла во владение его сына (племянника Кузьмы) – Тимофея (см. Балакирев Тимофей Васильев)³⁶. В 1660 г. в семье Кузьмы Балакирева родился сын Ульян (см. Балакирев Ульян Кузьмин), ставший впоследствии известным псковским купцом и посадским полковником.

БАЛАКИРЕВ ПАНКРАТИЙ (ПОНКРАТЕЙ) ЕГОРОВ (ЮРЬЕВ) (1666 – уп. 1733–1744) – опочецкий купец, п. п. ч. Завелицкой сотни. Однофамилец или сродник псковских Балакиревых. Прибыл с семьей из пригорода Опочки и записался в псковский посад до 1730 г. К тому времени имел жену Ирину Демидову, сына Семена (см. Балакирев Семен Панкратьев) и дочь Евфимию. Поселился своим двором на Завеличье. Вначале проживал в приходе церкви Николы от Кож. В исповедной росписи ее попа Емельяна Ефремова за 1733 г. отмечено: «Посадский человек *Понкратей Юрьев* во исповеди не был; жена ево Ирина Демидова з дочерью девкой Евфимией во исповеди были...»³⁷. Затем стал прихожанином Николо-Каменогородской церкви. В ее исповедной росписи за 1735 г. поп Симеон Власов свидетельствовал: «Посадский человек *Панкратей*

³⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8503. Л. 29.

³⁵ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. № 749. Л. 29.

³⁶ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. № 12. Л. 109 об.

³⁷ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3461. Л. 67.

Юрьев з женою Ириньей и з детми: сын Семион, дочь девка Афимья — во исповеди не были»³⁸. В ревизских сказках 1744 г. по Завелицкой сотне записаны: «*Понкратей Егоров сын Балакирев*» в возрасте 78 лет со своим сыном Семеном 24 лет от роду. В сказке сделано примечание: «Оной *Понкратей* и с сыном Семеном прибыли из пригорода Опочки» и сообщается: «Оные Понкратей и с сыном Семеном по определению канцелярии ревизии причислены в опочецкое купечество»³⁹.

БАЛАКИРЕВ ПЕТР СЕМЕНОВ (1745 – ум. до 1782) — мещанин Завелицкой сотни. Внук опочецкого купца Панкратия Балакирева (см. Балакирев Панкратий Егоров). Прибыл в Псков вместе с отцом опочецким купцом Семеном Панкратьевым (см. Балакирев Семен Панкратьев). Семья поселилась на Завеличье в приходе Климентовской церкви. В ее исповедной росписи за 1770 г. отмечалось: «*Опочецкой купец Семен Панкратьев* сорока [лет], дети *Петр* дватцати, *Настасья* осминатцати [18 лет]» у исповеди не были⁴⁰. Мать Петра в росписи не упоминается из чего следует, что к тому времени ее не было в живых. Вскоре семейство записалось в псковское мещанство и приобрело на Завеличье собственный двор в приходе Ильинской церкви. Запись в ее исповедной росписи за 1777 г. гласит: «Двор 18. *Мещанин Семен Панкратьев* сорока девяти [лет] вдов, дети ево: *Петр* тритцати дву, дочь *Настасья* тритцати одного [года]» — у исповеди были⁴¹.

Необходимо отметить различия в указании возраста П. С. Балакирева в исповедных росписях. Более предпочтительной, на наш взгляд, является датировка его рождения, определяемая из росписи Ильинской церкви — 1745 г. В сказках IV ревизии псковский мещанин Петр Балакирев уже не упоминается. Возможно, к 1782 г. умер.

БАЛАКИРЕВ СЕМЕН АЛЕКСЕЕВ (1734 – до 1795) — псковский купец Мокролуужской сотни, затем мещанин Кстовской сотни. Праправнук Василия Балакирева (см. Балакирев Василий) — основателя старшей ветви псковских посадских людей Балакиревых. Впервые упоминается десятилетним отроком в ревизской сказке 1744 г., в которой сообщалось о

³⁸ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3464. Л. 87.

³⁹ ГАПО. Ф. 22. Оп. 2. № 20. Л. 924.

⁴⁰ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3532. Л. 103 об.

⁴¹ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3550. Л. 38 об.

смерти его прадеда Тимофея Всильева в 1733 г. (см. Балакирев Тимофей Васильев), деда Тимофея Тимофеева в 1723 г. (см. Балакирев Тимофей Тимофеев) и отца Алексея Тимофеева в 1740 г. (см. Балакирев Алексей Тимофеев), из чего следовало, что Семен остался единственным уцелевшим представителем рода Балакиревых по мужской линии. В то время он проживал в своем родовом дворе в Мокролужской сотне вместе с сестрой Праскевой Алексеевой, мачехой — вдовой Акилиной Ивановой и крепостными работниками Иевом Семеновым 41 года (см. Семенов Иев) и Алексеем Григорьевым 50 лет (см. Григорьев Алексей), который «за старостию» был отослан в Консисторию для определения в богадельню⁴².

Вскоре сестра Семена, Параскева, вышла замуж за псковского купца Тихона Самуилова (см. Безносков Тихон Самуилов), двор которого находился в той же Мокролужской сотне, в приходе церкви Воскресения с Полонища. В их двор, на какое-то время, и переселился Семен Балакирев, о чем свидетельствует исповедная роспись церкви за 1751 г. В ней сообщалось, что у исповеди были п. п. ч. Тихон Самуилов 32 лет, его жена Праскева Алексеева 20 и «шурин посацкой ж человек *Семен Алексеев Балакирев*» 18 лет от роду⁴³.

Оброчная книга Пскова 1758 г. содержит сведения о некоторых особенностях финансовой деятельности молодого Семена Балакирева. Он платил казенным сборщикам оброчные деньги (на каких-то условиях) за разных псковичей, не имевших возможностей лично рассчитывать с казной. Так за помещика Богдана Александрова сына Окунева с его дворового и припускного места, которое имелось в Мокролужской сотне смежно с огородом помещика Степана Хвостова, — платил 39 $\frac{1}{2}$ копейки⁴⁴; за умершего «ис купечества фискала» п. п. ч. Семена Ржевина (см. Ржевин Семен Антонов) с его клетного места на Хлебной горке, что «напрядь» было посадского человека Ивана Сарпунова (см. Сарпунов Иван Михайлов), — платил 15 $\frac{3}{4}$ коп.⁴⁵; за умершего псковского купца Филиппа Меншикова (см. Меншиков Филип Самуилов) с его огородного места, которое имелось в Мокролужской сотне смежно

⁴² ГАПО. Ф. 22. Оп. 2. № 20. Л. 677 об.

⁴³ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3492. Л. 78 об.

⁴⁴ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. № 749. Л. 55 об.

⁴⁵ Там же. Л. 102.

с огородом помещика Ивана Окунева, — 6 ½ коп.⁴⁶; наконец, платил 10 копеек за лавочное место своего умершего отца Алексея Балакирева, имевшееся в Большом Мясном ряду псковского Торга, которое, вероятно, сдавал внаем⁴⁷.

Особо отметим платежи Семена Балакирева за умершего купца Ефима Подстенского (см. Подстенский Ефим Иванов). С его полудворового места, что было п. п. ч. Бориса Ефимова (см. Ефимов Борис), которое находилось в Кстовской сотне смежно с двором п. п. ч. Ивана Подстенского (см. Подстенский Иван Прокофьев), он платил 15 ¾ коп., с его же, Ефима Подстенского, соседнего дворового полуместа — платил 16 коп., а с расположенного рядом с этими участками дворового места умершего п. п. ч. Ивана Прокопьева сына Подстенского — 10 ½ коп.⁴⁸ Дело в том, что вдова Ефима Подстенского, умершего в 1751 г., — Матрена Григорьева, стала к тому времени женой Семена Балакирева. Вскоре и сам Семен переселился к супруге на ее просторное подворье в Кстовской сотне и в 1762 г. проживал там, по свидетельству сказки III ревизии, в возрасте 28 лет со своей 36-летней супругой. С ними пребывала «подкидышка девка Анна десяти недель»⁴⁹. Это подворье находилось в приходе церкви Богоявления с Бродов, в которой духовно «оформлялось» их семейство. Сведения о его составе приводятся в исповедных росписях храма. Например, сообщается, что в 1770 г. «*купец Семен Алексеев*» 35 лет от роду был у исповеди вместе с женой Матреной Григорьевой 47 лет и дочерьми, девками Натальей 17 и Анной девяти лет, а также с их работницей солдатской дочерью Ириной Перфильевой 37 лет и с проживавшей у него посадской вдовой Евдокией Марковой 35 лет⁵⁰; в 1777 г. «*мещанин Семен Алексеев сын Балакирев*» 44 лет исповедовался и причащался вместе с женой Матроной Григорьевой 54 лет и 16-летней дочерью Анной; с ними же приобщались святых таин их работница крестьянская жена Татьяна 48 лет и жившая у них мещанская жена Ксения Минина 26 лет с трехлетней дочерью Вассой⁵¹.

⁴⁶ Там же. Л. 72.

⁴⁷ Там же. Л. 97 об.

⁴⁸ Там же. Л. 13 об. — 14.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. № 2710. Л. 11.

⁵⁰ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3531. Л. 13.

⁵¹ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3550 Л. 6.

Даже понизив свой общественный статус с купеческого до мещанского, С. А. Балакирев оставался вполне обеспеченным человеком. Еще до 1770 г. он наследовал какое-то имущество от купцов Меншиковых⁵², а в 1779 г. взыскивал по векселям с подпоручика Осипа Яковлева 50 рублей, а с его жены Василисы Антоновой — 150 рублей⁵³. В 1781 г. Семен Балакирев продает один из своих дворов в Мокролужской сотне, о чем из Псковского городского магистрата во 2-й департамент Губернского магистрата поступило следующее доношение: «Сего ноября 12 дня объявлена в сем Городовом магистрате при челобитной от псковскаго купца Наума Васильева [см. Васильев Наум] купчая крепость, писанная Псковскаго Наместничества в Гражданской Полаты сего 1781-го года октября в девятый день на покупной им у *псковскаго мещанина Семена Алексеева сына Болакирева* состоящей во Пскове каменного и деревянного строения двор с садом и огородом в приходе церкви Воскресения Христова с Полонища на белом безоброчном и оброчном местах ценою за пятьсот рублей»⁵⁴.

Сказка IV ревизии по Кстовской сотне показывает, что в 1782 г. во дворе Балакирева проживали лишь сам «*Семен Алексеев сын Болакирев* 47 [лет]» и его «жена Матрена Григорьева 56 [лет]». В той же сказке сообщается, что доставшийся ему от псковского купца Филиппа Меншикова по наследству работник Иван Иванов в 1769 г. был отдан в рекруты, а подкидышка девка Анна в 1780 г. была выдана «взамужество» за мещанина Андрея Сапцова (см. Сапцов Андрей Егоров)⁵⁵. В доношении Псковского городского магистрата за 1785 г. о нем сказано: «*Семен Болакирев* — ничем не промышляет»⁵⁶.

В июне 1788 г. в Пскове разразился очередной пожар, в котором погорели Городовой Магистрат, новопостроенный каменный Гостиный двор на Площади, Рыбной, Кожевной, Железной и другие торговые ряды, а также немалое число обывательских домов в Кстовской, Петровской и Великоулицкой сотнях. В Гостином дворе сгорели и товары, принадлежавшие С. А. Балакиреву. В связи с этим в Псковский Городовой

⁵² ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. № 1055. Л. 84.

⁵³ ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. № 20. Л. 301 об.

⁵⁴ ГАПО. Ф. 590. Оп. 1. № 179.

⁵⁵ ГАПО. Ф. 41. Оп. 2. № 1539. Л. 136.

⁵⁶ ГАПО. Ф. 590. Оп. 1. № 373. Л. 68 об.

Магистрат поступило следующее «*Псковскаго мещанина Семена Балакирева от жены Матрены Григорьевой дочери* Объявление:

В учинившей здесь во Пскове минувшего июня со 2-го на 3-е число пожар погорело у меня разного товара на двесте пятьдесят да денгам пропало сорок, а всего претерпела убытку двесте девяносто рублей, о чем оному Магистрату сим в покорности и об(ъ)являю ноября ... дня 1788-го года. К сему об(ъ)явлению вместо мещанской жены Матрены Григор(ъ)евои по ее прошению оного ж Магистрата подканцелярист Иван Че-чулин руку приложил»⁵⁷.

Ко времени проведения пятой подушной ревизии никого из Балакиревых в Пскове не осталось. Ревизская сказка по Кстовской сотне 1795 г. сообщает: «*Семен Балакирев* — где находится неизвестно»⁵⁸.

БАЛАКИРЕВ СЕМЕН (СЕМИОН) ПАНКРАТЬЕВ (1720 – ум. до 1782) — опочецкий купец, затем мещанин Завелицкой сотни. Однофамилец или сродник псковских Балакиревых. Прибыл со своим отцом Панкратием «Юрьевым» (см. Балакирев Панкратий Егоров) из пригорода Опочки и записан в псковский посад до 1730 г. Семейство поселилось своим двором на Завеличье. Первое время проживало в приходе церкви Николы от Кож. Затем числилось в приходе Никольской церкви от Каменной ограды. В исповедной росписи за 1735 г. каменноградский поп Симеон Власов свидетельствовал: «Посадский человек Панкратей Юрьев з женою Ириньей и з детми: сын *Семион*, дочь девка Афимья — во исповеди не были»⁵⁹. В ревизских сказках 1744 г. по Завелицкой сотне Семен Панкратьев 24 лет от роду записан вместе с отцом Понкратием Егоровым сыном Балакиревым 78 лет. В сказке сделано примечание: «Оной Понкратей и с сыном *Семеном* прибыли из пригорода Опочки» и сообщается: «Оные Понкратей и с сыном *Семеном* по определению канцелярии ревизии причислены в опочецкое купечество»⁶⁰. Этим объясняется тот факт, что Семен Панкратьев отсутствует в сказках последующей III ревизии по Пскову.

Тем не менее, уже после смерти отца и проведения III подушной ревизии (1762 г.), С. П. Балакирев из Опочки снова

⁵⁷ ГАПО. Ф. 41. Оп. 2. № 585. Л. 142.

⁵⁸ ГАПО. Ф. 41. Оп. 2. № 2003. Л. 106.

⁵⁹ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3464. Л. 87.

⁶⁰ ГАПО. Ф. 22. Оп. 2. № 20. Л. 924.

вернулся в Псков и поселился со своей семьей на Завеличье на сей раз в приходе Климентовской церкви. В ее исповедной росписи за 1770 г. отмечалось: «Опочецкой купец *Семен Понкратьев* сорока [лет], дети Петр дватцати (см. Балакирев Петр Семенов), Настасья осминатцати [18 лет]» — у исповеди не были⁶¹. Жена его в росписи не упоминается, из чего следует, что к тому времени он был вдовцом. Вскоре он записался в псковское мещанство и обзавелся на Завеличье собственным двором в приходе Ильинской церкви. Запись в ее исповедной росписи за 1777 г. гласит: «Двор 18. Мещанин *Семен Панкратьев* сорока девяти [лет] вдов, дети ево: Петр тритцати дву, дочь Настасья тритцати одного [года]» — у исповеди были⁶².

Обращают на себя внимание различия в указании возраста С. П. Балакирева между документами первого и второго периодов его жизни. Более точной на наш взгляд является датировка его рождения, определяемая из сведений двух первых ревизий — 1720 г. В сказках IV ревизии псковский мещанин Семен Балакирев уже не упоминается. Умер до 1782 г.

БАЛАКИРЕВ (БОЛАКИРЕВ) ТИМОФЕЙ (ТИМОШКА) ВАСИЛЬЕВ (1645–1733) — крупный торговец, посадский полковник, п. п. ч. Мокролужской сотни. Сын Василия Балакирева (см. Балакирев Василий) — основателя старшей ветви псковских посадских людей Балакиревых. Впервые упоминается в Оброчной книге Пскова 1668 г., как владелец торгового «лавочного места, что было отца его Васки Балакирева», за которое платил «оброку полпяты денги»⁶³. Согласно валовой переписи 1678 г. жил своим двором, стоявшем на тяглом месте в Мокролужской сотне⁶⁴. Со временем женился, и в 1687 г. прижил сына, которому дал свое имя — Тимофей (см. Балакирев Тимофей Тимофеев). В те годы он весьма преуспел в торговых делах и занял видное место в ряду богатых псковских купцов.

В 1691 г. Т. В. Балакирев был выбран псковским земским старостой. В этом качестве ему пришлось держать ответ за несправедливое обложение налогом (10 копеек с рубля) торговых оборотов посадского человека Игнатия Колягина (см. Колягин Игнатий Нестеров), по челобитью которого в Псков

⁶¹ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3532. Л. 103 об.

⁶² ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3550. Л. 38 об.

⁶³ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. № 12. Л. 109 об.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8599. Л. 122 об.

была прислана царская грамота от 28 декабря с предписанием псковскому воеводе Петру Апраксину «вмешаться во внутреннее дело посадской общины и снизить оклад Колягина до 7 денег. Земский староста Пскова Тимофей Балакирев должен был оправдываться перед московским начальством. От имени всех посадских людей Пскова Балакирев писал, что окладчиков Афанасия Русинова с товарищи выбирали всем городом, подтвердив свое согласие подписями, причем свою руку приложил и обиженный Колягин: “И окладывали они окладчики нас сирот всех псковичей посадских людей вправду и ни на кого не посягая”. Земский староста от имени псковичей подробно мотивировал свое несогласие: “Мы сироты ваши псковичи посадские люди от частых многих пожаров вконец разорились, а он Игнатей Колягин з детьми [живший на Завеличье. — *Б. П.*] от частых пожарных разорений уцелел, и перед прошлыми годы <...> в промыслех у него перед своею братьею гораздо умножило, и промышляючи своими торги он Игнатий з детьми обогатился”». Балакирев просил не верить «ложному челобитью Колягина, и если ему “Афонасьев оклад Русинова с товарищи нелюб”, обложить его вновь с его промыслов»⁶⁵.

Не прекращая забот об укреплении посадской общины и более справедливой раскладке посадского тягла, земский староста Т. В. Балакирев «с товарищи» в 1692 г. подал челобитье «о приписании к ним в тягло всех пришлых людей, которые у них живут на посаде и имеют торговый промысел»⁶⁶. Но в 1695 г. по «ложному челобитью» старосты Балакирева было велено поверстать в посад проживавших в Пскове монастырских крестьян, что 24 марта того же года оспорили архимандрит Псково-Печерского монастыря Паисий с братьею, потребовав оставить этих крестьян за монастырем⁶⁷.

В 1697 г. Т. В. Балакирев снова был выбран земским старостой. На этот раз он вынужден был разбираться с большими убытками и «великими обидами», которые чинились псковичам, торговавшим в шведских владениях. В результате, 18 марта «псковские земские старосты *Тимошка Балакирев,*

⁶⁵ Аракчеев В. А. Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII вв. Псков, 2004. С. 248–249.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 141. Оп. 7. № 95. Л. 37.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Св. 26. № 9. Л. 1.

Понкрашко солодовник [см. Евсеев Панкратий] и все псковичи посадские торговые люди» подали челобитье царю Петру Алексеевичу с жалобой на бесчинства шведских властей, в котором, в частности, говорилось: «Свейского государства в городех генералы и губернаторы и секретари и бурмистры и ратманы и по се число нам, сиротам твоим, чинили и ныне чинят наипаче прежняго великие разорения, налоги и убытки и протори и тяжкие обиды и неволи. В прошлых годех по нынешней 205 год покупали мы сироты твои, во Пскове и во псковских пригородех и в уездех и в ьных городех лес и пеньку и сало и юфти и иные всякие товары на свои деньги, а иные деньги займуя всяких чинов у людей; и с тех товаров, с покупки и с отпуску, заплатя твою, великого государя, таможенную многую пошлину, свезли за свейский рубеж, в Ругодив. И те же свои товары продали мы, сироты твои, свейского короля подданным и инех государств приезжим торговым людем на деньги по уговорной цене порознь на 50849 ефимков <...>. А как мы, <...> начали у них за те свои товары просить денег, и они, иноземцы, надеясь на свои неправые суды, тех денег нам, сиротам, не платили и в тех деньгах нам отказали, бутто им платить нечем, хотя они теми нашими деньгами завладеть вечно; и от тое их неросплаты нам, сиротам твоим, учинилось протори и убытку <...> 8130 ефимков. А которая наша братья у тех должников, приходя в их полаты, начали просить денег за те свои товары, и они их бранили и ис полат своих з бесчестьем выбили». Челобитчики просили у государя помощи во взыскании долгов со шведских подданных⁶⁸.

Будучи крайне занятым текущими делами псковского земства, староста Тимофей Балакирев в марте 1697 г. подал челобитье, в котором просил о даче ему дозволения «за его прежние заслуги», «чтобы его ни в какие другие города, кроме Пскова в наряды не посылать»⁶⁹.

Оброчная книга Пскова 1697 г. содержит сведения о недвижимости Т. В. Балакирева, которой он располагал в это время. Становится известно, что помимо старого жилого двора, принадлежавшего его отцу, он приобрел в 1688/1689 г. еще один двор в Мокролужской сотне — «в Больших Кузнецях», прежде бывший во владении пусторжевских дворян Григория

⁶⁸ Русско-шведские экономические отношения... С. 532.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 7. № 98. Л. 1-20.

да Петра Шушериных, с оброком и с пошлиной «восм алтын полпяты денги»⁷⁰. Кроме того, ему принадлежали шесть торговых заведений: старая лавка его отца с оброком полпяты денги; лавка «Июдки» Дрягилева (см. Дрягилев Иуда Владимиров) и его брата «Яшки» (см. Дрягилев Яков Владимиров) с оброком семь алтын⁷¹; еще одна лавка с оброком «восм алтын с полуденгою»⁷²; лавочное место купленное им в 1687/1688 г., что было посадского человека Марка Котятникова (см. Котятников Марк Иванов) с оброком и с пошлиной семь алтын⁷³; половина лавки, «что у Мокрово ровня», купленной у Якима Котятникова (см. Котятников Яким Иванов) в 1696/1697 г. с оброком пять алтын две денги⁷⁴ и полулавочное место, купленное им в 1689/1690 г. у мясника Андрюшки Фомина (см. Ямленин Андрей Фомин) с оброком два алтына с «полуденгою»⁷⁵.

В Сметной книге Пскова 1699 г., составленной накануне Северной войны, «*Тимофей Васильев сын Болакирев* с сыном Тимофеем» записаны среди соседей Мокролужской сотни псковичей посадских людей, включенных в состав запасного посадского ополчения «с пищальми»⁷⁶. В последние предвоенные месяцы он был избран одним из бурмистров новоучрежденной Псковской ратуши. В марте 1700 г. земских дел бурмистрами, вместе с Т. В. Балакиревым, состояли представители виднейших в Пскове купеческих родов: Афонасий Русинов (см. Русинов Афанасий Михайлов Большой), Иван Посников (см. Посников Иван Яковлев) и Федор Спиоров (см. Спиоров Федор Емельянов)⁷⁷.

В первом десятилетии XVIII в., в ходе Северной войны, Т. В. Балакирев по-прежнему пребывал в руководстве разного рода земской службы. Так в 1708 г. он состоял бурмистром Большой псковской таможни, а в 1709 г. отвечал за сборы доимочных денег. Эти дела, требовавшие постоянного присутствия в Пскове, уберегли его в июле того же года от отправки в

⁷⁰ РГАДА. Ф. 137. Оп.1. № 38. Л. 42.

⁷¹ РГАДА. Ф. 137. Оп.1. № 38. Л. 72 об.

⁷² РГАДА. Ф. 137. Оп.1. № 38. Л. 84.

⁷³ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. № 38. Л. 29 об.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 137. Оп.1. № 38. Л. 71.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 137. Оп.1. № 38. Л. 101 об.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 210. № 70. Л. 322.

⁷⁷ *Постников А. Б.* Древлехранилище Псковского музея. Обзорение русских рукописных документов XVI-XVIII вв. М., 2013. С. 335. № 403.

Москву для наказания, когда он вместе с другими псковичами посадскими торговыми людьми был сыскан в неуплате государевых пошлин «з бород». Тимофею «с товарищи» удалось доказать, что они «з бород пошлинные денги на нынешней 709 год <...> послали к Москве со псковитином посацким человеком с Семеном Пол(у)ектовым тому ныне назад с месяц и велено ему те денги отдат(ь) в приказе Земских дел и отпись в тех денгах привести во Псков», а ту отпись обещались подать в Пскове господину ближнему кравчему и обер-каменданту над Псковом и Нарвою Кирилу Алексеевичу Нарышкину 20 августа того же года⁷⁸. Валовая перепись Пскова 1709 г. отмечает Т. В. Балакиева живущим в своем дворе в Мокролужской сотне, в которой указывает: «Двор *посацкого человека Тимофея Балакирева*, у него сын Тимофей пятнадцати лет [в переписи ошибка: сыну в то время было около 25 лет]». С ними же проживали работники: чухонский отрок Борис Иванов девяти лет и дворцовый крестьянин Петр Семенов⁷⁹. Не прерывалась и коммерческая деятельность Балакирева: 7 октября 1709 г. в Псковской приказной палате была записана крепость «на ссуду денег сто рублей мелких серебряных», которую он выдал на срок «до праздника Покрова Пресвятыя Богородицы в предбудущем сем сот в десятом году» п. п. ч. Никите Олисихину (см. Олисихин Никита Ерофеев) под залог его двора в Пятенной сотне⁸⁰.

Чума, разразившаяся в Пскове с сентября 1710 г., уничтожила за полгода три четверти населения, а пожар, длившийся с 8 по 11 ноября, превратил безлюдный город в пепелище. Уцелевшие псковичи подвергались, тем не менее, непомерным повинностям военного времени. В поисках облегчения своего положения они вновь поставили во главе Псковской ратуши одного из наиболее уважаемых и авторитетных своих сограждан Т. В. Балакирева. Вместе со своими товарищами земскими бурмистрами он, немедля, направил государю челобитье от 22 марта 1711 г. об испрошении льгот бедствующим землякам. В нем говорилось: «В прошлом де 710-м и в нынешнем 711-м году волею Божиею от морового поветрия псковича посадские лутчие и средние и молотчие и ремесленные люди померли, а за тем их осталось самое малое число, например,

⁷⁸ РГАДА. Ф.1151. Оп. 1. № 10. Л. 147 об.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8503. Л. 95 об.

⁸⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17728. Л. 409 об. – 411.

десятая часть. Да у них же в нынешнее пожарное время дворы и всякие торговые и промышленные заводы и в рядах лавки с товарами, и в анбарех всякой их заводной хлеб, и в полатах и в погребях многие пожитки погорели без остатку, и от того де морового поветрия и пожарного разорения всеконечно они разорились и пришли в последнюю бедность, а достальные их братья разошлись из города врознь, для того, что им прожить негде и прокормитца нечем. И от того разорения Псков град опустел, а его де великаго государя всяких податей и подвод, и мастеровых людей в Питербурх, и рекрут на прошлой 710-й и на нынешней 711-й годы, и запросного хлеба в Ревель, и артиллерных, и на городовое строение всяких лесов спрашивают у них по переписным книгам сполна, и с погорелых мелниц и бань, и с лавочных мест правят же, и на городовые караулы и на работу высылают». Псковичи просили освободить их от платежей, податей и иных повинностей, которые раскладывались по старым переписным книгам 1678 г. и дать им в том временную льготу, пока не будет проведена новая перепись горожан, отражающая их подлинную численность⁸¹.

Во время городского пожара 1710 г. двор Т. В. Балакирева в Мокролужской сотне уцелел, но жена его, вероятно, погибла в моровом поветрии. Перепись 1711 г., фиксировавшая всех выживших псковичей, показывает в его дворе лишь самого Тимофея Васильева в возрасте 66 лет, его сына Тимофея Тимофеева 25 лет от роду, невестку (жену сына) Анну Петрову 20 лет и купленного работника чухонца Бориса 11 лет. В подсоседство во двор был пущен сирота и погорелец посадский отрок Семен Дрягилев 12 лет (см. Дрягилев Семен Петров). При этом переписчик отмечает: «мастерства за ним [Тимофеем. — Б. П.] нет, торгует льном и пенкою, и всяким торговым промыслом; в 711-м году июня по двадесят пятое число платил мирского тягла трицат(ь) рублей»⁸².

В 1713 г. Т. В. Балакирева вновь избирают бурмистром Псковской ратуши⁸³, а в 1714 г. — посадским караульным управителем «для их посацких людей наряду» на караульную службу у крепостных ворот и пожарную службу по городу. За крайним недостатком людей своего сословия, перемерших

⁸¹ РГАДА. Ф. 1151. Оп. 1. № 1. Л. 27–29.

⁸² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8512. Л. 139 об.

⁸³ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. № 12. Св. 5. Л. 419.

во время чумы, он вынужден был привлекать к этой службе церковных причетников и бобылей, что вызвало недовольство псковского митрополита Иосифа. В декабре 1716 г. митрополит бил челом государю об этих нарушениях «святых соборных Правил», обвинив, в основном, преемника Балакирева — управителя Максима Лябина (см. Лябин Максим Лаврентьев)⁸⁴. К 1718 г. Т. В. Балакирев пребывал уже в должности полковника псковского посадского полка — резервного ополчения псковичей, созданного на случай осады города, в ведении которого находилась и повседневная караульная служба. Церковным и монастырским властям приходилось теперь покорно просить об ослаблении этой повинности. Например, в келейной расходной книге Иоанно-Предтеченского девичья монастыря отмечалось: «1718 г. августа 20 куплен колач в почесть *полковнику Тимофею Балакиреву*, дано 3 алтына, как били челом, чтобы свободил бобылей с караулу»⁸⁵.

Сказки I подушной ревизии 1721–1723 гг. представляют Тимофея Васильева сына Балакирева 77-летним старцем, живущим в прежнем своем дворе в Больших Кузнецах вместе с сыном Тимофеем 36 лет и своим девятилетним внуком Алексеем (см. Балакирев Алексей Тимофеев). В их дворе проживали также посадский бобыль «Понкратай» Корнильев 20 лет (см. Дрягилев Панкрат Корнильев) и посадский человек Сила Донской 24 лет (см. Донской Сила Якимов) с годовалым сыном Степаном (см. Донской Степан Силин)⁸⁶, а в старом дворе его отца в той же Мокролуужской сотне — п. п. ч. Степан Данилов сын Курочкин 20 лет (см. Курочкин Степан Данилов)⁸⁷. В сказках отмечалось: «торгует он, *Тимофей*, и с сыном лном и пенкою», а в Реестре посадских людей Пскова того времени уточнялось: «*Тимофей Болакирев*, торг имеет лном и пенкою и протчими товары на 3000 рублей»⁸⁸. Однако, в том же 1723 г., его сын Тимофей Тимофеев умер⁸⁹.

Почтенный старец прожил еще 10 лет. В 1733 г. он в последний раз был у исповеди в своей приходской церкви Ана-

⁸⁴ ПИХМ. Древлехранилище. Ф. 575. РУК-314. Л. 12–14 об.

⁸⁵ Панов А. Описание псковского Иоанно-Предтеченского монастыря. СПб., 1874. С. 70.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. № 2693. Л. 61 об. – 62.

⁸⁷ Там же. Л. 67.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. № 2687. Л. 8.

⁸⁹ ГАПО. Ф. 22. Оп. 2. № 20. Л. 677.

стасии в Кузнецах и приобщался святых таин у попа Данилы Иванова. Вместе с ним причащалась жена «внука ево» Алексея Татьяна и нанятая годовая работница посадская бобылка вдова Евдокия Григорьева. Внук же Алексей Тимофеев во исповеди не был. Годовой работник внука Васильевской церкви с Горки бобыль Филип Иванов во исповеди был, но святых таин не приобщался⁹⁰. В 1733 г. 89 лет от роду Тимофей Васильев сын Балакирев скончался⁹¹.

В сказках II ревизии его внук Алексей Тимофеев показан умершим в 1740 г. К 1744 г. в живых оставался лишь его десятилетний правнук Семен (см. Балакирев Семен Алексеев), живший во дворе своего прадеда с их крепостными работниками Иевом Семеновым 41 года (см. Семенов Иев) и Алексеем Григорьевым 50 лет (см. Григорьев Алексей)⁹².

В Оброчной книге Пскова 1758 г. его недвижимость, доставшаяся по наследству правнуку, все еще продолжала числиться «на бывом псковитине посадцком человеке *Тимофее Балакиреве*». Помимо двора в Больших Кузнецах⁹³, здесь упоминаются и шесть его лавок на псковском Торгу с их топографической привязкой и размером оброчных платежей. Так с лавки в бывшем Соляном ряду, которая находилась у «Мокрова Ровня» смежно с лавкой посадского человека Федора Спинова (см. Спинов Федор Емельянов) платился оброк 24 $\frac{1}{4}$ копейки⁹⁴; с лавочного места в том же ряду, что было Гаврилы Меншикова, которое имелось «идучи от Мокрого Ровня на левой стороне в смежье с лавкой» того же Ф. Спинова, оброк составлял 10 копеек⁹⁵; с лавочного места в Руковишном ряду, что было посадского человека Марка Котелникова (см. Котельников Марк Семенов), которое находилось «идучи з Болшаго ряду на левой стороне» — 21 копейка⁹⁶; с лавочного места в бывшем Сапожном ряду, что было отца его — Василия Балакирева, которое находилось «идучи от Мокрово ручья на левой стороне меж лавочных мест Анфиногена Панфилова (см. Панфилов Анфиноген Зиновьев) да Артемия «Турохно-

⁹⁰ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3461. Л. 121 об.

⁹¹ ГАПО. Ф. 22. Оп. 2. № 20. Л. 677.

⁹² ГАПО. Ф. 22. Оп. 2. № 20. Л. 677 об.

⁹³ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. № 749. Л. 106 об.

⁹⁴ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. № 749. Л. 137.

⁹⁵ Там же. Л. 139 об.

⁹⁶ Там же. Л. 132.

ва» (см. Турухнов Артемий Ларионов), оброк составлял две копейки с четвертью⁹⁷; с лавки в той же Пятенной сотне, что была «Июды» Дрягилева (см. Дрягилев Иуда Владимиров), которая находилась «идучи з Болшого ряду в бывшей Малой Мясной ряд на правой стороне» смежно с другой его, Балакирева, лавкой — 21 копейка⁹⁸; наконец, с полулавочного места в бывшем Мясном ряду, что было Якима Котятникова (см. Котятников Яким Иванов), которое находилось «идучи от Мокрого Ровня по левой стороне» между лавок церкви Покрова от Торгу и его же, Балакирева, оброк составлял 16 копеек⁹⁹.

БАЛАКИРЕВ ТИМОФЕЙ (МЕНШОВ) ТИМОФЕЕВ (1685–1723) — торговец, п. п. ч. Мокролужской сотни. Внук Василия Балакирева (см. Балакирев Василий) — основателя старшей ветви псковских посадских людей Балакиревых. Впервые упоминается в Сметной книге Пскова 1699 г. вместе со своим отцом Тимофеем Васильевым (см. Балакирев Тимофей Васильев), где значился среди соседей Мокролужской сотни, включенных в состав запасного посадского ополчения — псковичей посадских людей «с пищальми»¹⁰⁰. В валовой переписи Пскова 1709 г. ошибочно отмечен в возрасте 15 лет (в то время ему было около 25 лет), живущим вместе со своим отцом в его дворе в Мокролужской сотне. С ними же проживали работники: чухонский отрок Борис Иванов девяти лет и дворцовый крестьянин Петр Семенов¹⁰¹.

Во время городского пожара 1710 г. двор Балакиревых в Больших Кузнецах уцелел, но мать Тимофея Тимофеева, вероятно, погибла в моровом поветрии. Перепись 1711 г., фиксировавшая всех выживших псковичей, показывает в их дворе лишь его отца Тимофея Васильева в возрасте 77 лет, самого Тимофея Тимофеева 25 лет от роду и его жену Анну Петрову 20 лет, а также купленного их работника чухонца Бориса 11 лет. В подсоседство был пущен сирота и погорелец посадский отрок Семен Дрягилев 12 лет (см. Дрягилев Семен Петров). При этом переписчик отмечает: «мастерства за ним [Тимофеем. — Б. П.] нет, торгует льном и пенкою, и всяким

⁹⁷ Там же. Л. 132.

⁹⁸ Там же. Л. 132 об.

⁹⁹ Там же. Л. 137 об.

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. № 70. Л. 322.

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8503. Л. 95 об.

торговым промыслом; в 711-м году июня по двадесят пятое число платил мирского тягла трицат рублев»¹⁰².

Сказки I подушной ревизии 1721–1723 гг. представляют Тимофея Тимофеева в возрасте 36 лет, по-прежнему жившим у своего отца 77-летнего старца Т. В. Балакирева в Больших Кузнецях. К тому времени он имел девятилетнего сына Алексея (см. Балакирев Алексей Тимофеев). В их дворе проживали посадский бобыль «Понкратай» Корнильев 20 лет (см. Дрягилев Панкратий Корнильев) и посадский человек Сила Донской 24 лет (см. Донской Сила Якимов) с годовалым сыном Степаном (см. Донской Степан Силин). В сказках отмечалось, что «торгует он, Тимофей», вместе с отцом «лном и пенкою»¹⁰³. В 1723 г. Тимофей «Меньшов» Балакирев, получивший это прозвание для отличия его от отца — Тимофея Васильевича, построил «из своих пожитков» совместно с посадским человеком Корнилом Охрядовым (см. Охрядов Корнилий) мельницу на реке Пскове под Варваринским монастырем вместо сгоревшей мельницы Сергиевского монастыря с Залужья¹⁰⁴. Однако, по сведениям Второй подушной ревизии, в том же (1723) году Тимофей Тимофеев сын Балакирев, 38 лет от роду, скончался¹⁰⁵.

Из более поздних источников известно, что у него имелась, также дочь Наталья Тимофеева 1717 г. рождения, выданная впоследствии замуж за псковского купца Александра Трубинского (см. Трубинский Александр Архипов)¹⁰⁶. Известно также, что он был женат вторым браком на дочери псковского купца Матвея Ямского (см. Ямской Матвей Артемьев). После смерти мужа «Тимофея Балакирева жена ево вдова Ефимья Матфеева» переселилась во двор своего брата Андрея Ямского (см. Ямской Андрей Артемьев), находившийся в той же Мокролужской сотне, и в 1733 г. была вместе с его семьей во исповеди в церкви Похвалы Богородицы на Романихе¹⁰⁷.

БАЛАКИРЕВ УЛЬЯН КУЗЬМИН (1660 – ум. до 1740) — крупный торговец, посадский полковник, п. п. ч. Мокролужской сотни. Сын Кузьмы Балакирева (см. Балакирев Кузьма) — основателя младшей ветви псковских посадских людей

¹⁰² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8512. Л. 139 об.

¹⁰³ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. №. 2693. Л. 61 об. – 62.

¹⁰⁴ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. № 43. Л. 38.

¹⁰⁵ ГАПО. Ф. 22. Оп. 2. № 20. Л. 677.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. №. 2710. Л. 111 об.

¹⁰⁷ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3461. Л. 117 об.

Балакиревых. Впервые упоминается в росписи «обидных дел» за 1697 г., заведенной в Псковской приказной палате, обидам и убыткам, которые учинялись иноземцами псковичам посадским торговым людям в шведских владениях. Согласно обидным статьям «*Ульяну Балакиреву* [надлежало. — *Б. П.*] взять на ругодивце торговом иноземце на Виллиме Кетвеле по кабале 2500 яфимков любских, да проторь и убытков учинилось 500 яфимков». Кроме того, «Понкратъевой жене Жаркова (см. Жарков Панкратий Васильев) вдове Афимье [полагалось. — *Б. П.*] взять [деньги. — *Б. П.*] мужа ее на ругодивце торговом иноземце на Логине Артемьеве сыне Фетложине по подрядному по выданному письму псковитину посадцкому человеку *Ульяну Балакиреву* 1250 яфимков любских, да проторь и убытков учинилось 200 яфимков...»¹⁰⁸. Таким образом, У. Балакирев в свои 37 лет являлся крупным торговцем-оптовиком, вывозившим большие партии товаров к прибалтийским гаваням.

Проживал своим двором в Мокролужской сотне. В Сметной книге Пскова 1699 г. «*Ул(ь)ян Кузмин*» записан среди соседей своей сотни псковичей посадских людей, включенных в состав запасного посадского ополчения — «с пицалми»¹⁰⁹. С началом Северной войны он был назначен полковником псковского посадского ополчения. В 1702 г. генерал-фельдмаршал Б. П. Шереметев, отправлявшийся «июля з 9-го числа» со своими «конными и пехотными всяких чинов людми» в очередной поход в шведские пределы, велел оставить в Пскове «для охранения от незапного неприятельского приходу и караулов» полковников Томаса Юнгера, Ивана Мевса и Илью Билса с их «начальными людми и солдаты», а также «выборной Псковской *Ульянов полк Болакирева* ис посаду, (и) до возвращения своего ис того походу [велел Балакиреву? — *Б. П.*] ведать вышеписанные полки и тех полков ратных людей по квартирам и по городу на роскатех караулы поставить»¹¹⁰.

К 1709 г. «*посадский полковник Ульян Болакирев*» временно переселился со своей семьей на приобретенный им у посадского человека Федора Заварзина (см. Заварзин Федор Антонов) двор в Кстовской сотне, расположенный в живописном месте «на Островке на берегу Псковы реки против Гремяцкого

¹⁰⁸ Русско-шведские экономические отношения... С. 548.

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 210. № 70. Л. 322 об.

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. № 44. Л 32 об.

монастыря». Проживал там с женой и пятилетним сыном Иваном (см. Балакирев Иван Ульянов). В работниках у него жили посадского отца сын Сила Гаврилов (см. Панов Сила Гаврилов), бывший понамарь от Старого Костра Иван Панкратьев, вскормленник Петр Силин девяти лет (см. Силин Петр), и выходец из-за Польского рубежа Иван Никитин (см. Никитин Иван)¹¹¹. К тому времени «*полковнику Ульяну Балакиреву*» принадлежал также закладной двор в Жирковской сотне на Запсковье, в котором жил дворянский бобыль Андрей Деянов¹¹², и кабальный двор в Пятенной сотне, где проживали подсоседники: бобыль Софрон Иванов (см. Иванов Софрон) с братьями Яковом (см. Иванов Яков) и Герасимом десяти лет (см. Иванов Герасим), да вдова Авдотья Лытчиха¹¹³.

В великом псковском пожаре 8–11 ноября 1710 г. двор посадского полковника в Кстовской сотне, сторел, а его жена и шестилетний сын Иван Ульянов погибли во время свирепствовавшей в городе чумы. Ульян Балакирев 50 лет от роду вынужден был возвратиться в свой старый двор в Мокролужской сотне. Перепись 1711 г., тщательно отмечавшая всех выживших псковичей, указывает в этом дворе лишь самого Ульяна и его работников: Силу Гаврилова 40 лет и кушленного чухонца Петра 10 лет. При этом отмечается, что «мастерства за ним никакова нет, торгует торговым промыслом»¹¹⁴. В то же время посадская служба У. К. Балакирева не прекращалась. В 1711 г. он был поставлен караульным управителем «для их посадских людей наряду» на караульную службу у крепостных ворот и пожарную службу по городу. Об этом упоминается в приказе А. Д. Меншикова от 9 февраля 1716 г. псковскому дворянину У. Я. Бороздину: «взять тебе с собою артиллерии сержанта Парфена Рудометова и собрав сторонних пскович посадских людей и псковских кузнецов сколько человек пристойно и с ними пришед у верхних решотак, где были ободраны щиты, которые ободрал без указу в 711-м году после морового поветрия *бывой караульной управител псковитин посацкой человек Ульян Болакирев* — сколько мерою широтою и высокою те каменные ворота и двойного щита освидетелствовать, и при-

¹¹¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8503. Л. 29.

¹¹² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8503. Л. 192.

¹¹³ Там же. Л. 49 об.

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8512. Л. 149 об.

мерить сколько надлежит быть на тех щитах железа пуд, применяясь к нижним решеткам, а отписав и измеряя и сколько на тех щитах надлежит быть железа весом, велети сметить; так же и в других воротах верхних же решеток щиты ж естли, и буде нет — были ль и где девались. И тому всему за своею и сторонних людей за руками ведение подать тебе в Приказной полате господину ландрату Степану Ивановичю Лопухину...»¹¹⁵. Отметим также, что после морового поветрия, когда смертность среди псковичей была все еще велика, Ульяну Балакиреву не раз приходилось быть свидетелем и рукоприкладчиком при составлении завещаний на смертном одре своих деловых партнеров и близких друзей. Так в 1712 г. он свидетельствовал у духовной псковского купца Семена Филипова сына Гремяцкого, а в 1715 г. — у духовной купца Ивана Яковлева сына Поникова¹¹⁶.

После пожарного разорения и потери семьи деловая активность Балакирева снизилась. Вместо крупной оптовой торговли льном и большими партиями разнообразных товаров, он ограничился сравнительно небольшим кожевным промыслом. Годовой объем его торговых операций зафиксирован в Реестре посадских людей Пскова 1722 г., где имеется запись: «Ульян Козмин сын Балакирев, торг имеет кожевной на 50 рублей»¹¹⁷. К тому времени старый его двор в Мокролужской сотне обветшал, и по сведениям I подушной ревизии (1721–1723 гг.) «посацкой человек Ульян Козмин сын Балакирев» в возрасте 61 года, проживал «в надворничестве» во дворе петербуржца «бывшаго ис купечества фискала Степана Ракова» (см. Раков Степан Иванов), находившемся в той же сотне. При этом добавлялось: «Промышляет он, Ульян, кожевным промыслом»¹¹⁸. В сказках этой ревизии имеются также сведения, что У. К. Балакиреву принадлежал еще и двор на Завеличье, в который был пущен на жительство «в подсоседстве» посадский человек Иван Яковлев 49 лет (см. Беряский Иван Яковлев), занимавшийся мелочным перекупным торгом¹¹⁹. Из более поздних источников известно, что Ульян Балакирев имел возле этого двора «на Завеличье на берегу Великой

¹¹⁵ ПИХМ. Ф. 609. № 374. О.Ф. 28331. Л. 14.

¹¹⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17728. Л. 338, 339.

¹¹⁷ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. № 2687. Л. 8.

¹¹⁸ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. № 2693. Л. 62.

¹¹⁹ Там же. Л. 80.

реки» большую торговую баню, в которой И. Я. Беряский состоял банщиком¹²⁰. Тогда же, в 1723 г. сентября 16 дня, Ульян Балакирев был допрошен в Псковской судейской канцелярии «о взятъе у псковитина посацкого человека Ерофея Русинова сундука, в котором старинных денег князя Игоря девяноста пяти рублей...». Те деньги «выняв» велено было отдать гоф-юнкеру Семену Маврину и отправить в Тайный Кабинет «Ея Императорского Величества Екатерины Алексеевны»¹²¹.

Некоторое время спустя Ульян Балакирев женился во второй раз и возвратился в свой прежний, вероятно, обновленный двор в Мокролужской сотне, состоявший в приходе церкви Анастасии в Кузнецах. В 1733 г. вместе с женой Мариной он был в церкви у исповеди. Тогда же причащались их годовые работники: крестьянин помещика Воронцова Андрей Деянов, «полской нации» Иев Семенов с женой Татьяной, да солдатская вдова Татьяна Мартемьянова. Жившие у него в подсоседстве бобыль Иверского монастыря Дмитрий Федотов с женой Екатериной и сыном Евтифеем, а также солдатская жена Пелагея Давыдова — во исповеди не были¹²².

Однако в 1740 г., или несколько ранее, Ульян Балакирев скончался. Сведения об этом содержатся в Журнале заседаний Псковской провинциальной канцелярии за 12 сентября того же года. В тот день имело место «Слушание челобитья бывого псковитина посацкого человека Прокофьева жена Юрьева сына Подстенского [см. Подстенский Прокофий Юрьев] вдовы Марьи Козминой дочери о осмотре и о описи оставших умершаго брата ее родного *псковитина посадского человека Ульяна Болакирева* дворов и лавок и торговой бани и в них всякого строения и припасов; и об отдаче тех дворов лавок и байни по наследству во владение по силе указов ей челобитчицы ибо де того брата ево родственников и наследников по близости линии кроме ее вдовы никого не осталось и в тех дворах никто из родственников не живет и лавки стоят впусе, а торговую банею по приказу купецкого человека Степана Ракова [см. Раков Стефан Иванов], за которым была того брата ее дочь родная Прасковья, которая де умре, и н(ы)не де владеет незнаемо чего ради Егоров человек Еремеева Яков Федов [так!]. И тое де баню

¹²⁰ ГАПО. Ф. 22. № 749. Л. 140 об.

¹²¹ Сб. МАМЮ. Т. 6. Кн. 2. М. 1913. С. 294.

¹²² ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3461. Л. 121 об.

отдает повсягодно из оброку». На заседании было «определено для осмотра и описи вышепомянутых *выморочных Ульяна Болакирева дворов и лавок и торговой бани* из Псковской правинциальной канцелярии кого надлежит велеть [направить, и] те дворы и лавки и баню и в них всякое строение и припашы осмотрев при сторонних людех переписать и что чего по описи явитца о том <...>» доложить позднее, «а у помянутого Еремеева человека Якова Федотова взят(ь) писменное известие почему он торговою банею владеет и с которого году и оброчные с той бани денги кому отдает, и о том о всем изследовав выписав доложит(ь) Канцелярии немедленно»¹²³.

Вскоре не стало и сестры покойного Балакирева Марьи Кузминой и в ревизской сказке по Мокролужской сотне 1744 г. оставлена запись: «*Ульян Козмин сын Болакирев* — умре, а в котором году, о том известия взять неского»¹²⁴.

В Оброчной книге Пскова 1758 г. упоминаются некоторые объекты принадлежавшей ему недвижимости. Так со своего дворового места в Мокролужской сотне, что прежде было посадского человека Тимофея Беса (см. Бес Тимофей), которое находилось рядом с огородом посадского человека Сергея Сумникова (см. Сумников Сергей Тимофеев), платил оброк семь копеек¹²⁵. С полудорового места в Кстовской сотне, что было посадского человека Федора Заварзина (см. Заварзин Федор Антонов) и находилось на Островке на берегу реки Псковы против Гремяцкого монастыря — платил 27 ½ копейки¹²⁶. За торговую баню на Завеличье на берегу реки Великой платил оброк 12 рублей 45 копеек¹²⁷. С огородного места в Жирковской сотне, которое имелось «в Богоявленской улицы близь церкви Святых Отец» платил 21 копейку¹²⁸. Упоминается также его лавка в Мясном ряду псковского Торга, которая находилась «смежно с лавками» Михея Собакина (см. Собакин Михей Фомин) и Ивана Поганкина (см. Поганкин Иван ергеев)¹²⁹.

¹²³ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. № 259. Л. 46 об.

¹²⁴ ГАПО. Ф. 22. Оп. 2. № 20. Л. 678.

¹²⁵ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. № 749. Л. 58 об.

¹²⁶ Там же. Л. 12 об.

¹²⁷ Там же. Л. 140 об.

¹²⁸ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. № 749. Л. 77 об.

¹²⁹ Там же. Л. 95.

Источники и литература

- Аракчеев В. А.* Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII вв. Псков, 2004.
- Дорошенко В. В.* Русский экспорт через Нарву (по данным Ивангородской таможни 1619–1620 гг. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 2001. С. 339–351.
- Ганжина И. М.* Словарь современных русских фамилий. М., 2001.
- ГАПО. Ф. 22. Оп.1. Д. 8. Л. 522; Оп. 1. № 12. Св. 5. Л. 419; Оп. 1. № 43. Л. 38; Оп. 1. № 259. Л. 46 об.; Оп. 1. № 749. Л. 12 об., 13 об., 14, 19, 29, 30 об., 46 об., 55 об., 58 об., 72, 75 об., 77 об., 91 об., 95, 97 об., 102, 106 об., 132 об., 137 об., 139 об., 140 об.; Оп. 1. № 1055. Л. 84.; Оп. 2. № 20. Л. 677 об. – 678, 924.
- ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 3461. Л. 67, 117 об., 121 об.; Оп. 1. № 3464. Л. 87, 120; Оп. 1. № 3490. Л. 176–176 об.; Оп. 1. № 3492. Л. 78 об.; Оп. 1. № 3531. Л. 13.; Оп. 1. № 3532. Л. 103 об.; Оп. 1. № 3550. Л. 6, 38 об.
- ГАПО. Ф. 41. Оп. 2. № 585. Л. 142; Оп. 2. № 1539. Л. 136; Оп. 2. № 2003. Л. 106.
- ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. № 20. Л. 301 об.
- ГАПО. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2710. Л. 85 об
- ГАПО. Ф. 590. Оп. 1. № 179; Оп. 1. № 373. Л. 68 об.
- Книги псковитина посадского торгового человека Сергея Иванова сына Поганкина / Списал с подлинника Действительный Член Псковского Губернского Статистического Комитета К. Г. Евлентьев. Псков, 1870.
- Марасинова Л. М.* Новые Псковские грамоты XIV–XV веков. М., 1966.
- Панов А.* Описание псковского Иоанно-Предтеченского монастыря. СПб., 1874.
- Пийримяэ Х. А.* Торговые отношения России со Швецией и другими европейскими странами по материалам нарвского ввоза 1661–1700 гг. // Скандинавский сборник. Вып. 7. Таллин, 1963. С. 44–83.
- ПИХМ. Древлехранилище. Ф. 575. РУК-314. Л. 12-14 об.; Ф. 609. № 374. О.Ф. 28331. Л. 14.
- Постников А. Б.* Древлехранилище Псковского музея. Обзорные русских рукописных документов XVI–XVIII вв. М., 2013.
- РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Св. 26. № 9. Л. 1.
- РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. № 12. Л. 109 об.; Оп.1. № 38. Л. 29 об., 42, 71, 72 об., 84, 101 об.; Оп. 1. № 44. Л 32 об.

- РГАДА. Ф. 141. Оп. 7. № 95. Л. 37; Оп. 7. № 98. I. Л. 1-20.
- РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. № 70. Л. 322; № 70. Л. 322 об.
- РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. № 2687. Л. 8; Оп. 2. № 2693. Л. 61 об. 62, 67, 80; Оп. 2. №. 2710. Л. 11, 45 об., 85 об., 111 об.
- РГАДА. Ф. 440. Оп. 2. № 216.
- РГАДА. Ф. 1151. Оп. 1. № 1. Л. 27-29; Оп. 1. № 10. Л. 147 об.
- РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8503. Л. 29, Л. 49 об., Л. 95 об., Л. 192; Оп. 1. № 8512. Л. 139 об., 149 об.; № 8599. Л. 122 об.; Оп. 3. № 17728. Л. 338, 339, 409 об. – 411.
- Русские акты Ревельского городского архива / Изданы Археологическою Комиссиею под ред. Александра Барсукова // Русская историческая библиотека (РИБ). Т. XV. СПб., 1894.
- Рухманова Е. Д.* Русско-шведская торговля на Балтике в середине XVII в. // Скандинавский сборник. Т. 11. Таллин, 1957. С. 47-71.
- Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. М., 1960.
- Сборник Московского архива Министерства Юстиции. Т. 5. Псков и его пригороды. Книга первая. М., 1913.
- Сборник Московского архива Министерства Юстиции. Т. 6. Псков и его пригороды. Книга вторая. М., 1914.
- Спегальский Ю. П.* Псковские каменные жилые здания XVII в. М., 1963.
- Хорошкевич А. Л.* Значение экономических связей с Прибалтикой для развития северо-западных русских городов в конце XV — начале XVI в. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Сборник статей. Рига. 1968. С. 13-31.
- Чечулин Н. Д.* Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889.
- Чистякова Е. В.* Псковский торг в середине XVII в. // Исторические записки. № 34. М. 1950. С. 198-225.
- Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII века. Сборник материалов, извлеченных из Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел и Шведского Государственного Архива, касающихся истории взаимных отношений России и Швеции в 1616-1651 годах. М., 1897.

Постников Борис Андреевич, член Союза Архитекторов России (Псков Россия); эл. почта: postnikovarsenii@mail.ru.

Genus of flax traders Balakirev's, townspeople colonels.

(On the question of Pskov trade in the Baltic

in the late XVII – early XVIII Centuries)

An important task of the modern study of ancient Pskov is to identify the personal composition of the urban class throughout its 300-year history. The solution of this large-scale task was carried out, since the mid-1980s, by means of continuous copying of a large number of mass sources and materials of old acts found in the archives of the RSAOA (Russian State Archive of Old Acts) and local collections of SAPR (State Archive of Pskov Region) and Pskov Museum's Depository of Old Records. After that was created a personal file Cabinet craftsmen of Pskov, was performed the reconstruction of their genealogies and gathered information about their economic activities. All this made it possible to start a per capita biography of the townspeople of Pskov, entitled by us: "Pskov Posad in the XVI-XVIII centuries. Animographic code". To date, the first two volumes of the code containing, in addition to the extensive introductory part, articles on the personnel of the Posad people in alphabetical order (from "A" to "G" inclusive) are being prepared for publication. In the proposed article presents a small fragment, which provides information about the previously unknown genus of Pskov merchants Balakirev, who supplied large quantities of goods to the Baltic harbors and played an important role in the organization of the Posad militia during the Northern war.

Key words: archival sources, townspeople, animographic arch, Pskov tradespeople, Swedish possession.

Boris Postnikov, member of the Union of Architects of Russia (Pskov, Russia); e-mail: postnikovarsenii@mail.ru.

References

- Arakcheev V. A.* Srednevekovyj Pskov: vlast', obshchestvo, povsednevnyaya zhizn' v XV-XVII vv. Pskov, 2004.
- Doroshenko V. V.* Russkij eksport cherez Narvu (po dannym Ivan-gorodskoj tamozhni 1619–1620 gg. // Feodal'naya Rossiya vo vseмирno-istoricheskom processe. M., 2001. S. 339–351.
- Ganzhina I. M.* Slovar' sovremennyh russkih familij. M., 2001.
- GAPO. F. 22. Op.1. D. 8. L. 522; Op. 1. № 12. Sv. 5. L. 419; Op. 1. № 43. L. 38; Op. 1. № 259. L. 46 ob.; Op. 1. № 749. L. 12 ob., 13 ob., 14, 19, 29, 30 ob., 46 ob., 55 ob., 58 ob., 72, 75 ob., 77 ob, 91 ob., 95, 97 ob., 102, 106 ob., 132 ob., 137 ob., 139 ob., 140 ob.; Op. 1. № 1055. L. 84.; Op. 2. № 20. L. 677 ob. – 678, 924.
- GAPO. F. 39. Op. 1. № 3461. L. 67, 117 ob., 121 ob.; Op. 1. № 3464. L. 87, 120; Op. 1. № 3490. L. 176–176 ob.; Op. 1. № 3492. L. 78 ob.; Op. 1.

- № 3531. L. 13.; Op. 1. № 3532. L. 103 ob.; Op. 1. № 3550. L. 6, 38 ob.
 GAPO. F. 41. Op. 2. № 585. L. 142; Op. 2. № 1539. L. 136; Op. 2. № 2003.
 L. 106.
- GAPO. F. 74. Op. 1. № 20. L. 301 ob.
 GAPO. F. 350. Op. 2. D. 2710. L. 85 ob
 GAPO. F. 590. Op. 1. № 179; Op. 1. № 373. L. 68 ob.
- Knigi pskovitina posadskogo torgovogo cheloveka Sergeya Ivanova syna
 Pogankina / Spisal s podlinnika Dejstvitel'nyj CHlen Pskovskogo Gu-
 bernskogo Statisticheskogo Komiteta K. G. Evlent'ev. Pskov, 1870.
- Marasinova L. M.* Novye Pskovskie gramoty XIV–XV vekov. M., 1966.
- Panov A.* Opisanie pskovskogo Ioanno-Predtechenskogo monastyrya.
 SPb., 1874.
- Pijrimyae H. A.* Torgovye otnosheniya Rossii so Shveciej i drugimi evrope-
 jskimi stranami po materialam narvskogo vvoza 1661–1700 gg. //
 Skandinavskij sbornik. Vyp. 7. Tallin, 1963. S. 44–83.
- PIHM. Drevlekhranilishche. F. 575. RUK-314. L. 12–14 ob.; F. 609. № 374.
 O.F. 28331. L. 14.
- Postnikov A. B.* Drevlekhranilishche Pskovskogo muzeya. Obozrenie
 russkikh rukopisnykh dokumentov XVI–XVIII vv. M., 2013.
- RGADA. F. 125. Op. 1. Sv. 26. № 9. L. 1.
 RGADA. F. 137. Op. 1. № 12. L. 109 ob.; Op. 1. № 38. L. 29 ob., 42, 71, 72 ob.,
 84, 101 ob.; Op. 1. № 44. L. 32 ob.
- RGADA. F. 141. Op. 7. № 95. L. 37; Op. 7. № 98. I. L. 1–20.
 RGADA. F. 210. Op. 1. № 70. L. 322; № 70. L. 322 ob.
 RGADA. F. 350. Op. 2. № 2687. L. 8; Op. 2. № 2693. L. 61 ob. – 62, 67, 80;
 Op. 2. № 2710. L. 11, 45 ob., 85 ob., 111 ob.
- RGADA. F. 440. Op. 2. № 216.
 RGADA. F. 1151. Op. 1. № 1. L. 27–29; Op. 1. № 10. L. 147 ob.
- RGADA. F. 1209. Op. 1. № 8503. L. 29, L. 49 ob., L. 95 ob., L. 192; Op. 1.
 № 8512. L. 139 ob., 149 ob.; № 8599. L. 122 ob.; Op. 3. № 17728. L. 338,
 339, 409 ob. – 411.
- Russkie akty Revel'skogo gorodskogo arhiva / Izdany Arheografiches-
 koyu Komissieyu pod red. Aleksandra Barsukova // Russkaya is-
 toricheskaya biblioteka (RIB). T. XV. SPb., 1894.
- Ruhmanova E. D.* Russko-shvedskaya torgovlya na Baltike v seredine XVII
 v. // Skandinavskij sbornik. T. 11. Tallin, 1957. S. 47–71.
- Russko-shvedskie ekonomicheskie otnosheniya v XVII veke. M., 1960.
- Sbornik Moskovskogo arhiva Ministerstva Yusticii. Tom pyatyj. Pskov i
 ego prigorody. Kniga pervaya. M., 1913.
- Sbornik Moskovskogo arhiva Ministerstva Yusticii. Tom shestoj. Pskov i
 ego prigorody. Kniga vtoraya. M., 1914.
- Spegal'skij Yu. P.* Pskovskie kamennye zhilye zdaniya XVII v. M., 1963.
- Horoshkevich A. L.* Znachenie ekonomicheskikh svyazej s Pribaltikoj dlya

razvitiya severo-zapadnyh russkih gorodov v konce XV — nachale XVI v. // Ekonomicheskie svyazi Pribaltiki s Rossiej. Sbornik statej. Riga. 1968. S. 13–31.

Chechulin N. D. Goroda Moskovskogo gosudarstvam v XVI veke. SPb., 1889.

Chistyakova E. V. Pskovskij torg v seredine XVII v. // Istoricheskie zapiski. № 34. M. 1950. S. 198–225.

Yakubov K. Rossiya i SHveciya v pervoj polovine XVII veka. Sbornik materialov, izvlechennyh iz Moskovskogo Glavnogo Arhiva Ministerstva Inostrannyh Del i SHvedskogo Gosudarstvennogo Arhiva, kasayushchihsya istorii vzaimnyh otnoshenij Rossii i Shvecii v 1616–1651 godah. M., 1897.

Сокращения

- ВИД Вспомогательные исторические дисциплины
ПГ Полоцкие грамоты
ПСГ Псковская судная грамота
ПрП Пространная редакция Русской Правды
РП Русская Правда
Сб. Сборник Московского архива Министерства
МАНЮ Юстиции

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ научного альманаха «Метаморфозы истории»

Рукописи представляются в редколлегию альманаха в электронном виде. Набор текста осуществляется в текстовом редакторе Microsoft Word со следующими параметрами: шрифт – Times New Roman, междустрочный интервал – 1, размер шрифта – 14, все поля – 2 см, выравнивание – по ширине, абзацный отступ – 1,25 см. Файл с электронным вариантом рукописи должен иметь формат *.doc. Объем рукописи **не должен превышать** 1 авторского листа (40 000 знаков с пробелами). Иллюстрации выполняются в графических редакторах и представляются дополнительно к тексту рукописи в виде отдельных графических файлов форматов *.tif или *.jpg с разрешением не ниже 300x300 dpi.

Материалы для опубликования могут быть представлены в редколлегию журнала на русском и английском языках.

Адрес для отправки рукописей: **metamist@mail.ru**.

Вместе с текстом статьи в редакцию представляется **авторская справка**, в которой **обязательно** указываются: фамилия, имя, отчество (полностью), полное и краткое наименование организации, являющейся местом работы (для аспирантов – учебы) автора, должность, ученая степень, ученое звание, контактная информация (телефон, адрес электронной почты). Фамилия, имя, отчество автора приводятся **на русском и английском языках**.

Материалы, представляемые для опубликования, должны содержать шифр УДК, а также на русском и английском языках: заглавие; резюме (250–400 печатных знаков – на русском языке; **1600–1700 знаков – на английском языке**); ключевые слова (до 10 слов)).

Резюме на английском языке является **отдельным** (т. е. **не повторяющим** русскоязычное резюме) и **крайне важным** элементом статьи. Оно должно представлять собой **краткий реферат, ясно и достаточно полно передающий содержание статьи** для не владеющих русским языком читателей.

Ссылки на используемую литературу оформляются в виде **подстрочных ссылок** (примечаний) **в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008**. Размер шрифта – 10, интервал – 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1 см. Точка и тире, разделяющие области библиографического описания, заменяются точкой (т. е. **тире не ставится**); издательство, объем работы в страницах **не указываются**. При ссылке на конкретные страницы работы указываются их номера. Фамилия и инициалы автора выделяются курсивом. Например:

¹ *Флоренский П. А.* У водоразделов мысли. В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 27–29.

При ссылке на публикацию в сборнике, журнале и т. п. **указываются** номера первой и последней страниц публикации, либо конкретные страницы, на которые делается ссылка. Например:

² *Корявко В. И.* Эволюция форм применения объединений ВМФ // *Военная мысль*. 2006. № 4. С. 64–67.

³ *Корявко В. И.* Указ. соч. С. 64.

⁴ Там же. С. 66.

Пример ссылки на Интернет-ресурс:

⁵ *Ермолова И. Е.* Римская империя и федераты в IV в. // *Новый исторический вестник*. 2001. № 4. [Электронный ресурс:] URL: http://www.nivestnik.ru/2001_2/3.shtml#_ednref19 (дата обращения: 28.05.2012).

Пример ссылки на архивный документ:

¹ Государственный архив Псковской области (далее – ГАПО). Ф. 12. Оп. 7. Д. 29. Л. 3.

² ГАПО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 23. Л. 7, 7 об.

Ссылки на сочинения древних и средневековых авторов помещаются в тексте статьи в круглых скобках с сокращением имени автора и названия сочинения по общепринятым правилам, указанием номера книги римскими цифрами, главы и параграфа – арабскими. Например: (Arrian. *Anab.* II.3.2, 4.2–3; III.1.2; Greg. Tur. *Hist. Franc.* III.2; Herod. III.51).

При использовании иллюстраций **обязательно** приводятся ссылки на их источники.

Слова «век», «века», «год», «годы», наименования мер длины, массы и т. п., числительные («тысяча», «миллион», «миллиард» и т. д.) **сокращаются** («в.», «вв.», «г.», «гг.», «м», «км», «кг», «т», «тыс.», «млн», «млрд» и т. д.).

В конце статьи приводится составленный в алфавитном порядке список использованных источников и литературы, куда включаются все публикации, на которые имеются ссылки в тексте. Список оформляется по тем же правилам, что и ссылки; размер шрифта – 14. Все слова, кроме артиклей и предлогов, в названиях работ на английском языке пишутся с заглавной буквы.

К статье отдельным файлом **обязательно** прилагается список использованных сокращений:

НИИ – Новая и новейшая история. М.

RE – Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa. Stuttgart.

Рукописи рецензируются. По итогам рецензирования редколлегия имеет право возвратить рукопись автору для доработки либо отказать в принятии ее к публикации в случае несоответствия профилю журнала или недостаточно высокого научного уровня.

Направляя статью для опубликования в альманахе «Метаморфозы истории», автор тем самым:

1) гарантирует, что представленная статья ранее не была опубликована, и он действительно является ее автором;

2) выражает согласие на размещение электронной копии статьи в открытом доступе в сети Интернет.

Авторы несут ответственность за достоверность приводимых в публикациях фактов, цифр, цитат, библиографических описаний, статистических данных, имен собственных и прочих сведений.

ПРИМЕР оформления рукописи статьи

УДК 94(5)

И. И. Иванов

РОССИЯ И ЛИГА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

На современном этапе отношения Российской Федерации (РФ) и Лиги арабских государств (ЛАГ) характеризуются рядом новых тенденций. В статье рассмотрены экономические и политические аспекты взаимоотношений России и ЛАГ в начале XXI в. Отдельное внимание уделено проблеме глобализации.

Ключевые слова: Россия, Лига арабских государств, глобализация, экономика, политика.

Текст статьи. Текст статьи.

Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи.

Источники

Herodoti Historiarum libri IX / Ed. H. R. Dietsch. Ed. altera, stereotypa. Lipsiae, 1903. Vol. 2.

Аристотель. Афинская полития. Государственное устройство афинян / Пер., примеч. и послесл. С. И. Радцига. 3-е изд., испр. М., 2007.

Литература

Гаврилов В. П., Ивановский С. И. Общество и природная среда. М., 2006.

Ермолова И. Е. Римская империя и федераты в IV в. // Новый исторический вестник. 2001. № 4. URL: http://www.nivestnik.ru/2001_2/3.shtml#_ednref19/ (дата обращения: 28.05.2012).

Шмидт С. О., Гутнова Е. В., Исламов Т. Р. Абсолютизм в странах Западной Европы и в России (опыт сравнительного изучения) // ННИ. 1985. № 3. С. 42–54.

Frye R. N. The History of Ancient Iran. München, 1984.

Ivan I. Ivanov

Russia and the League of Arab States

At the present stage the relationship of Russian Federation (RF) and the League of Arab States (LAS), or Arab League, is characterized by a number of new trends. The article describes the economic and political aspects of relations between Russia and the Arab League at the beginning of XXI century. A special attention is paid to the process of globalization.

Key words: Russia, the Arab League, globalization, economics, politics.

GUIDELINES

for contributors of “Metamorphoses of History”

This guide describes how to prepare contributions for submission. We recommend you read this in full if you have not previously submitted a contribution to “**Metamorphoses of History**”. Papers must be submitted to the editorial board in the form of electronic documents prepared in Microsoft Word with the following parameters:

Font and Spacing: the usual font for “**Metamorphoses of History**” is Times New Roman and the size is always 14-pt. Single space your paper.

Margins: the standard margin size is 2 cm for all four sides. Text should be justified, indented 1.25 cm.

Please save Word documents using the file extension doc. Instructions to do this are as follows:

Select the Office button in the upper-left corner of the Word 2007 window and choose “Save As”;

Select “Word 97 – 2003 Document”;

Enter a file name and select “Save”.

The paper should not exceed 1 author’s sheet (40000 characters with spaces). Illustrations and figures must be presented as **separate** graphic files of *.tif or *.jpg format with a resolution not lower than 300x300 dpi.

Papers for publication may be submitted to the editorial board in English or in Russian.

Address for submission of manuscripts: **metamist@mail.ru**.

All papers are published in the almanac without any charges.

Please fill out and submit your **Author Information** which must include: first name, middle name, surname; contact information (telephone number and e-mail address) and **Author Affiliation:** include department, institution (full and short titles of the place of work), position, academic degree, academic rank. Graduate students should give the name of their university.

Contribution for publication should include its **title, abstract** (300–500 characters, spaced), **key words** (up to 10 words or terms).

References in the text of the article should be given as **footnotes**. The usual font is Times New Roman and the size is 10-pt, single-spaced, justified, indented 1 cm, the author's name should be given in italics. For example:

¹ *Sykes P.* A History of Persia. Vol. 1. London, 1921. P. 19–21.

² *Sykes P.* Op. cit. P. 19–20.

³ *Ibid.* P. 117.

When referring to an article in a book, a magazine, etc., the numbers of the first and last pages of the publication or specific pages to which a reference is made **must be indicated**. For example:

⁴ *Mommsen Th.* Ammians Geographica // Hermes. 1881. Bd. 16. S. 602–636.

⁵ *Drijvers J. W.* Ammianus Marcellinus' Image of Arsaces and Early Parthian History // The Late Roman World and its Historian: Interpreting Ammianus Marcellinus. London; New York, 1999. P. 193–206.

⁶ *Mommsen Th.* Op. cit. S. 635.

⁷ *Drijvers J. W.* Ammianus Marcellinus' Image of Arsaces and Early Parthian History. P. 203.

References to the works of Classical and Medieval authors are placed in the text in parentheses with the abbreviations of the name of the author and the title of works according to common rules, specifying the number of the book in Roman numerals, whereas chapters and sections are given in Arabic. For example: (Arrian. *Anab.* II.3.2, 4.2–3; III.1.2; Oros. III.16.12; Greg. Tur. *Hist. Franc.* III.2; IV.1–3).

When using illustrations links to their sources **should be given**.

The contribution must be supplied with the **list of used primary sources and secondary sources** (books, articles) in alphabetical order, which includes all the publications, which are referred to in the text.

A separate file with the list of abbreviations is required. For example:

CQ – The Classical Quarterly. Oxford.

DOP – Dumbarton Oaks Papers. Washington (D.C.).

Papers are evaluated by means of peer review. The paper may be accepted for publication without any further changes required from the authors, or it may be accepted for publication in principle once the authors have made some revisions in response to the referees' comments, the paper can be rejected with no offer to reconsider a submitted version, if it doesn't correspond to subject area of this almanac or does not report original scientific research and is of no scientific importance.

Authors are responsible for the accuracy of facts, figures, citations, statistic data, proper names and any other information.

An example of formatting a paper is **given below**.

John J. Johnson

RUSSIA AND THE LEAGUE OF ARAB STATES AT THE MODERN STAGE

At the present time the relationship of the Russian Federation (RF) and the League of Arab States (LAS), or Arab League, is characterized by a number of new trends. The article describes economic and political aspects of relations between Russia and the Arab League at the beginning of the XXI century. A special attention is paid to the process of globalization.

Key words: Russia, the Arab League, globalization, economics, politics.

The text of the article. The text of the article.

The text of the article. The text of the article. The text of the article. The text of the article. The text of the article. The text of the article.

Primary sources

Herodoti Historiarum libri IX / Ed. H. R. Dietsch; cur. H. Kallenberg. Ed. altera, stereotypa. Lipsiae, 1903. Vol. 2.

Dionis Cassii Cocceiani Historia Romana. Vol. 4 / Cum annot. L. Dindorfii. Lipsiae, 1864.

Secondary sources

Brunt P. A. Persian Accounts of Alexander's Campaigns // CQ. 1962. Vol. 12 (56). P. 141-155.

Cameron A. Agathias on the Sassanians // DOP. 1969-1970. № 23/24. P. 67-183.

Drijvers J. W. Ammianus Marcellinus' Image of Arsaces and Early Parthian History // The Late Roman World and its Historian: Interpreting Ammianus Marcellinus. London; New York, 1999. P. 193-206.

Bacevich A. The New American Militarism. Oxford; New York, 2005.

Научное издание

МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИИ
Metamorphoses of History

Научный альманах
Scientific Almanac

Выпуск 15

*(к XXXIX Международным Ганзейским дням
Нового времени в Пскове)*

Issue 15

*(to the XXXIX International Hanseatic Days
of the New Age in Pskov)*

*На первой странице обложки: Эдип разгадывает загадку Сфинкса.
Изображение на античной вазе
(Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. М., 1954. С. 421).*

Технические редакторы: Д. В. Михеев
Компьютерная верстка: Н. А. Васильева

Подписано в печать 17.06.2020. Формат 60×90/16.
Гарнитура Book Antiqua. Объём издания усл. п. л. 12,875.
Тираж 100. Заказ № 5895.

Отпечатано на Versant 2100.

Адрес издательства:
180000, Россия, г. Псков, ул. Л. Толстого, д. 4^а, корп. 3^а.
Псковский государственный университет